

Павел Волчик

Четыре
месяца
ТЕМНОТЫ

Павел Волчик

Четыре месяца темноты

«Автор»

2022

Волчик П. В.

Четыре месяца темноты / П. В. Волчик — «Автор», 2022

Получив редкое и невостребованное образование, нейробиолог Кирилл Озеров приходит на спор работать в школу. Здесь он сталкивается с неуправляемыми подростками, буллингом и усталыми учителями, которых давит система. Озеров полон энергии и энтузиазма. В борьбе с царящим вокруг хаосом молодой специалист быстро приобретает союзников и наживает врагов. Каждая глава романа "Четыре месяца темноты" посвящена отдельному персонажу. Вы увидите события, произошедшие в Городе Дождей, глазами совершенно разных героев. Одарённый мальчик и загадочный сторож, живущий в подвале школы. Неопытный учитель и Железная Дама, отдавшая образованию всю жизнь. Девочка, которую все обижают, сын учителя и многие другие будут бороться за своё место под солнцем. Добро пожаловать в Город Дождей, в котором, несмотря на четыре долгих месяца темноты, всегда остаётся место радости и свету.

© Волчик П. В., 2022

© Автор, 2022

Содержание

Благодарности	5
Пролог	6
I. Последний солнечный день	7
Илья Кротов	8
Озеров	11
Чёрная Стрела	18
Илья Кротов	21
Озеров	24
Фаина	29
Аладдин	38
II. Первый месяц темноты	43
Землеройка	44
Толик-Йорик	50
Илья Кротов	57
Фаина	60
Озеров	62
Аладдин	70
Фаина	75
Роман Штыгин	78
Демоны	82
Землеройка	84
Илья Кротов	88
Учительская	91
Роман Штыгин	97
Конец ознакомительного фрагмента.	101

Павел Волчик

Четыре месяца темноты

Благодарности

Спасибо всем, кто помогал создавать «Четыре месяца темноты»:

Ксении Волчик, Татьяне Никольской, Олесе Волчик, Ольге Маховой, Александре Тимофеевой, Анне Ивановой, Ларисе Захаровой, Ларисе Бурдиной

Эту историю написал ученик, который каждый день выходит к доске, чтобы поиграть в учителя.

Выбирая тему для новой книги, я руководствовался безотказным правилом: писать о том, в чем разбираюсь. Сначала я собирал небольшие истории, записки, детали, которые замечал в школе, а потом они вылились в роман «Четыре месяца темноты».

Все события и персонажи книги одновременно подлинные и вымышленные. Объяснить этот парадокс я не могу.

Пролог

Прозвенел звонок. Он взял из учительской журнал и побежал вверх по безлюдной лестнице.

Тишина выплыла ему навстречу и обняла ещё у входа в класс.

Плохо. Очень плохо, что они не шумят. Лучше свист, топот, улюлюканье, визг, чем такое вот безмолвие.

Он быстро вошёл в класс, и всеобщее молчание врезалось в него, как десятитонная фура.

Дети сидели на своих местах – не носились, не колотили друг друга учебниками, не перекидывались записочками.

Он выпрямился перед классом, многие ученики даже не подняли опущенных голов, другие рассеянно окинули взглядом молодого учителя. С задних рядов послышались всхлипы.

За окном царил темнота. Его взгляд на мгновение уловил красно-синий отблеск сигнальных огней на мокрых стволах деревьев. Сирена больше не звучала.

Неожиданно причина безмолвия стала ясна. Притихшие дети, здесь, в классе – прямое следствие странного происшествия, случившегося на другой стороне улицы.

Он вглядывался в лица, пытаясь понять, кого из них не хватает. Пробовал сосчитать их, но скачущие мысли мешали сосредоточиться.

Наконец, зашелестели страницы журнала, и он начал переключку. Обычное дело давалось с трудом. Собственный голос казался чужим и далёким. Небольшой кабинет превратился в длинный тоннель с гулким эхом.

Он громко называл фамилии – и каждая поднятая рука теперь означала жизнь.

I. Последний солнечный день

«Семья – это необходимая платформа, это поддержка, это воспитание, луч света во тьме. Если этот луч погаснет или так и не вспыхнет, человек просто потеряется в темноте, и он будет полон страха, неуверенности, сомнений и разочарований. Некуда ступить, не за что заступиться...»

Валентина Кузнецова, 13 лет, отрывок из школьного сочинения

Братия мои, немногие делайтесь учителями, зная, что мы подвергнемся большему осуждению.

Иак. 3:1

Илья Кротов

В школьной рекреации стояло старое пианино. Цвет – шоколадный, педали – две.

Жизнь пианино медленно приближалась к концу.

Ни один из его родственников, будь то изящный «Чиппендейл» или сверкающий «Пегас», не пережил того разнообразия применений, какие выпали «Красному Октябрю». В раю музыкальных инструментов ему будет что рассказать домре и контрабасу.

Например, по утрам на инструменте играли «Собачий вальс», по вечерам – Баха и Моцарта. Ничто, однако, не исполняли так часто, как импровизации: бессмысленные и беспощадные.

Сидя на пианино, ели мороженое и сосиски в тесте. На лакированную, когда-то гладкую поверхность проливали сок и лимонад. По ней царапали гвоздем и монеткой, в нее тыкали ручкой, на заднюю стенку прилепляли жвачку. С высоты пианино на спор делали сальто, в него тысячи раз врезались комки детских тел, состоящие из визга, восторга и безумства.

Пятнадцатого сентября 2002 года в него врезался Сережа Зойтберг, весящий в свои четырнадцать девяносто два килограмма. Изображая ласточку, он не заметил, как отказали рулевые перья, проломил боковую стенку и оставил в дыре детскую непосредственность, деньги родителей, последние остатки ума и юношеские мечты о полете.

Шестнадцатого января 2010-го Сашенька Чуксина из начальных классов со старанием выковыряла белую клавишу, найдя звучащую ноту лучшей на свете. До сих пор девочка хранит похищенный артефакт в бабушкиной шкатулке.

Пианино погибало, но это длилось уже так долго, что вся его жизнь стала одной великой трагедией. Поэтому, чтобы рассказами о прожитом до слез растрогать контрабас и чтобы у домры от удивления полопались струны, пианино пыталось выстоять, всеми силами собирая на своей поверхности шрамы как доказательства принесения себя в жертву испорченным людям.

Сегодня инструмент еще надеялся выжить, когда, разложив учебники по английскому и сосредоточенно водя по графам карандашом, на его крышке доделывал домашнюю работу большеглазый мальчик.

Его прическа выглядела так, будто он лег спать с мокрой головой и, подняв ее с подушки, сразу отправился в школу. На пиджаке, выглаженном с утра, красовался меловой узор, частично размазанный чьими-то пальцами. В левой руке мальчик держал карандаш, в правой – зеленое яблоко, которое периодически надкусывал и откладывал в сторону, на полированную крышку «Красного октября».

Пианино ничего не имело против того, чтобы быть столом, но оно отчаянно взвизгнуло, когда другой мальчик, коренастый, с большой головой, поднял резко крышку и хлопнул ею...

Как обожженные мотыльки, шелестя красочной бумагой, учебники полетели на пол. Зеленое яблоко перевернулось в воздухе, открыв выгрызенный рот, и покатилося по грязному полу.

Илья не знал, что ударит первым. Поток возмущения целый день пробивался сквозь шаткую плотину воспитанной сдержанности.

Сначала *они* перед самым звонком спрятали его рюкзак, затем на уроке незаметно достали спортивные штаны и повесили в классе на кактус.

Перешептывание за спиной, тычки в бок на уроке истории, штрихи мелом на пиджаке – весь оставшийся день мальчик нервно оглядывался, ему казалось, что кто-то ползает у него между лопаток.

Они говорят, что все это в шутку. Но шутили-то они явно не над самими собой.

Их было трое, они действовали в разные промежутки времени, и для Ильи эти насмешки слились в долгий мучительный день. А еще из-за конкурса по математике он не успел сделать английский язык...

Иногда ему снился такой кошмар: большое серое мешковатое чудище поднималось на него, улыбаясь щербатым ртом. Илья бил его по кабаньей морде, не причиняя никакого вреда.

У коренастого мальчика с большой головой тоже в лице было что-то кабанье – так казалось из-за его кривоватого носа и сощуренных глаз.

Да, Илья ударил первым, но как-то неуверенно. Все-таки перед ним был живой человек, чувствующий боль. Пускай с кабаньей мордой, но все же...

Пальцы не успели сложиться в кулак и, словно грабли, зацепились за рукав обидчика. Тусклые глаза его противника на мгновение округлились, он, будто имея вагон времени, презрительно посмотрел на побелевшие костяшки пальцев, сжимающих его пиджак, и выкрикнул:

– А ну, отпустил, скотина! Крот!

– Я тебе не Крот. Я Кротов. Илья Кротов.

Он все-таки разжал пальцы, и за мгновение до того, как освободившаяся вражеская рука ударила его в нос, понял, что не победит. В глазах потемнело, от носа к затылку пробежала горячая волна. Дальше он ни о чем не думал и почти не чувствовал боли. Все, что он делал, – это машинально сдерживал удары противника. Иногда до него доносились возбужденные крики парней и отчаянные вопли девочек. Он слышал, как сопит соперник, видел, как в рекреацию вбежала бледная учительница, но их уже было не остановить.

Как боксерский гонг, прозвенел звонок. Кто-то сильный потащил его за шиворот прочь от соперника. Он вывернулся и прямо перед собой увидел лунообразное морщинистое лицо, бронзовую кожу, похожую на слоновью, косые толстые веки, из-под которых глядели два хитрых глаза.

«Монгол!» – узнал мальчик и даже как будто почувствовал в воздухе пряный запах степных трав. Крупная голова на короткой шее словно росла из плеч. Коротко подстриженные седые волосы у старика смотрелись как щетка. У старика? Мальчик вдруг понял, что Монгол легко держит его одной рукой над полом.

– Не надо, парень. Покалечите друг дружке глаз, не увидите красивое дерево. Ухо покалечите – не услышите музыку птицы.

Старик мягко поставил его на землю.

Нос у Ильи горел огнем, верхняя губа треснула. Будто в тумане, мальчик видел, как его обидчика держат старшекласники и бледная учительница, та, что вбежала в рекреацию, присев на корточки, что-то внушает ему.

Казалось, что на этом все кончится, но в тот же миг Илья повернул голову и увидел свой рюкзак в урне, а рядом сияющего от удовольствия Красавчика. «Почему бы им не отстать? – устало подумал Илья. – Я думал, хотя бы ему наплевать на меня...»

Красавчик был приятелем его врага, он нагло смотрел на Илью и улыбался белозубым ртом. Он уже распустил перед всеми хвост, как павлин. Тот, с кабаньей мордой, хотя бы известный задира. А этому что нужно? Ему и так уже все купили родители...

Ответ он получил очень скоро. Стоило сделать два шага навстречу и протянуть руку к своему рюкзаку, как что-то жесткое, словно древесный корень, ударило его под колено.

Паркетный пол оказался перед самым лицом, и мальчик больно ударился бровью и локтем.

Кто-то поставил ему подножку. Неужели кто-то третий?

Илья обернулся и сразу все понял. Весь этот спектакль задумал его старый знакомый – парень с лошадиной ухмылкой. В предыдущей школе они учились примерно одинаково, а когда их одновременно перевели в новую, Илья существенно повысил свою успеваемость, осо-

бенно по математике. Старый знакомый Кротова с явным удовольствием глядел, как мальчик пытается подняться...

«Меня окружили звери, – думал Илья, затравленно озираясь по сторонам, – кабаны, павлины, лошади».

Он слишком хорошо играл в шахматы – одна фигура ничего не может сделать против трех, но обида была так сильна...

Как в бреду Илья, изловчившись, оперся на руки и неистово размахнулся ногой. Краем глаза он успел увидеть словно высеченное из камня лицо Монгола. Кротов промахнулся, и его ступня угодила третьему врагу не в голову, а в живот. Удар получился не таким сильным, как хотелось бы, а поскольку спорт, если не считать шахмат, всегда давался мальчику плохо, – вообще не мог причинить боли. Но лошадиная ухмылка тут же исчезла с лица его старого знакомого: видимо, он не ожидал от Кротова такой прыти. Схватившись за живот, он пошатнулся и молча отошел в сторону.

Илью совсем покинули силы. Он застыл на полу, мучаясь оттого, что замешан в таком низком деле. Ему было обидно и горько. Коренастая фигура старика высилась над ним, лицо его не выражало ни злобы, ни осуждения, лишь глубокую печаль. И это было хуже всего.

Не говоря больше ни слова, Монгол протянул руку. Она была теплой, сухой и морщинистой. Илья поднялся, стараясь не глядеть на лицо старика.

Вокруг все еще кричали и шумели. Начались уроки, и многие, забыв уже о драке, входили в классы. Кротов готов был расплакаться от стыда, но держался, чтобы не дать врагам повода для радости.

Как Илья подошел к дверям класса и как в руке его снова оказался испачканный рюкзак, он не помнил. Заходя вместе с толпой в кабинет, мальчик находился словно в забытьи. Одноклассники, как пингвины, раскачивались перед ним из стороны в сторону.

Скоро все двери закрылись. Некоторое время из классов слышался приглушенный гул, и наконец в рекреации наступила полная тишина.

Молчало и пианино.

Еще одна перемена прошла, а жизнь продолжалась.

Озеров

Праздничный семейный ужин проходил в суете.

Кирилл Озеров на какое-то время перестал следить за ходом разговора: лишь рассеянно глядел перед собой, воспринимая голоса родных как нестройный хор.

Он видел, как мать все время вскакивает, чтобы дать кому-нибудь салфетку или новый прибор. Как остальные просят ее сесть и успокоиться, заверяя, что все необходимое возьмут сами.

Старшая сестра Кирилла разрывалась между двумя детьми и остывающим ужином. Один, еще грудной младенец, лежал поблизости в люльке. Другой, парнишка примерно четырех лет, беспокойно ерзал на стуле, не желая участвовать в общей трапезе.

Малыши, каждый по-своему, отвоевывали внимание, которого их лишали взрослые, общавшиеся друг с другом. Старший мальчик со скучающим видом стучал ложкой по столешнице, и когда его просили прекратить, слушался, чтобы через минуту снова застучать. Младший время от времени недовольно кряхтел, и если его не брали на руки, оглашал квартиру громким криком. В такие моменты сестра и мать начинали спорить друг с другом, решая, по какой причине ребенок надрыдается: может, голоден, а может, нужно сменить подгузник.

Мужчины, сидящие за столом напротив Кирилла, обсуждали что-то свое. Говорил в основном Филипп, старший брат Кирилла, по поводу приезда которого и был устроен праздничный ужин.

Муж сестры Петр был голоден, потому что недавно вернулся с работы. Он молча кивал и слушал Филиппа, гудевшего густым басом. Когда старший мальчик начинал шалить, Петр, не отрываясь от рыбного салата, протягивал руку и клал ему на голову, чтобы успокоить.

Кирилл какое-то время наблюдал за родными и говорил себе, что домашняя суета – это в общем-то хорошо. В конце концов, мать по привычке заботится обо всех – что в этом плохого? И малышей ведь должен кто-то успокаивать... Но все же его огорчало, что общая беседа не клеится и за весь вечер ему не удалось ни с кем завязать разговора.

«Мы просто слишком давно не собирались за одним столом, – думал Кирилл. – Впрочем, все как обычно. И при отце было точно так же. Он редко успевал на общий ужин, а если и успевал, то слишком много молчал, как будто его здесь не было».

Теперь на месте отца сидел старший брат Филипп. Он недавно вернулся в родной город. Иностранная организация, в которой он работал, предложила ему возглавить дочернюю компанию в Городе Дождей. Филипп был воодушевлен и считал, что получил за границей уникальный в своей отрасли опыт. За годы работы в другой стране у него сложилось характерное для многих соотечественников мнение, что там знают и умеют больше, чем у нас, что он войдет в среду работающих на родине людей как незаменимый профессионал.

Гордость по этому поводу постоянно читалась на его важном лице с высоким выпуклым лбом, скучающими глазами и выпяченной нижней губой. Дома брат ходил в тяжелом махровом халате и попыхивал электронной сигаретой. В другое время он носил строгий костюм, даже если ехал за город. Голова его к тридцати годам почти полностью облысела. Выражение лица делало Филиппа несколько старше, чем он был.

При разнице в возрасте в пять лет Кирилл выглядел рядом с братом восемнадцатилетним, хотя так казалось, возможно, оттого, что брат руководствовался в жизни, как он говорил, дедовским методом: «Обильно питайся и никого не бойся». Младший был полной противоположностью: темные волосы на его голове непослушно падали на лоб, и Кирилл по привычке зачесывал их пригоршней назад, его лицо было живым и подвижным, он больше говорил и жестикулировал, чем Филипп в своей многозначительной монументальности. Но сейчас, в кругу семьи, братья будто поменялись ролями: Кирилл предпочитал слушать и внимательно изучал лица

сидевших за столом, погруженный в свои мысли. А Филипп говорил много и долго, пользуясь вниманием, которым щедро одаривали его женщины, обрадованные неожиданным приездом.

Утром Кирилл встретил брата на вокзале. Ему казалось, что после долгой разлуки они много будут говорить о жизни, об отце, о том, как все случилось...

Возможно, общее горе сблизит их так, как в те времена, когда они подростками отдыхали каждое лето на юге и могли проговорить всю ночь о своих мечтах и планах, о девушках, в которых были влюблены, и о странах, которые обязательно увидят.

Ему казалось, что он сильно соскучился по Филиппу, пока брат не заговорил с ним:

– Снова на своих двоих? Я думал, ты встретишь меня, как взрослый мужчина.

Филипп прекрасно помнил случай, после которого Кирилл больше не желал садиться за руль. Но это не помешало ему ударить в самое больное место.

Младший Озеров, подавив в себе раздражение, размашисто поклонился:

– Приветствую тебя, пример для подражания! Надеюсь, ты сам управлял самолетом, когда летел сюда?

Обмениваясь сомнительными любезностями, они вместе приехали на семейный ужин. Кирилл обнаружил, что за годы разлуки пропасть между ними стала еще шире.

Новость о том, что Филипп остается в Городе Дождей, не могла не радовать мать, которая строила с отцом этот загородный дом только затем, чтобы собирать семью вместе.

И теперь помимо сестры с мужем и двоих детей, самого Озерова и матери в доме поселится старший брат, который имел обыкновение превращать свободные комнаты в свои рабочие кабинеты.

Мать Озерова, Мария Петровна, всю жизнь проработала врачом-акушером.

Это была очень прибыльная профессия, в основном благодаря ее многочисленным подругам, которые рожали сами, отправляли рожать своих родных, дочерей и знакомых, рекомендуя друг другу надежного доктора. В новый дом и образование детей таким образом были вложены не только усилия отца. Это был результат совместного труда, которым гордились родители Кирилла.

Мария Петровна любила повторять, что они достигли всего честным трудом. В последние годы она повторяла это даже слишком часто, как будто боялась, что у кого-то могут появиться сомнения.

Новая роль домохозяйки была ей непривычна. Около года назад мать ушла на покой, хотя периодически брала «подработку» и появлялась в роддоме, когда требовалась ее консультация.

Потом не стало отца. Мать с головой ушла в заботу о внуках и хозяйские дела. Многочисленные подруги почти не вспоминали о ней. Гости в доме Озеровых стали редкостью.

В большом доме родителей даже Кириллу было немного не по себе. Наверное, все было бы логично, если бы для всех в жизни действовала схема: честный труд – достойный отдых. Но у него было слишком много знакомых, в том числе из поколения родителей, которые, отдав работе всю свою жизнь, оказывались у разбитого корыта.

Мать и сестра были ласковы и много говорили со старшим братом – все потому что давно его не видели.

Филипп восседал в центре стола в недавно придуманной им роли кормильца семьи. По нему было видно, что все, о чем он думает, – это его новое назначение.

Озеров больше не вступал с ним в разговор. Меньше всего в этом шуме ему хотелось споров и конфликтов. Да и остальные в последнее время легко раздражались на Кирилла. Как будто догадывались, что он скрывает от них, что недавно ушел с работы. Пришло время обо

всем рассказать, только не здесь, за столом. Лучше сначала поговорить наедине с сестрой, а уж потом с мамой...

Но его планы в мгновение рухнули.

Старший брат вытер толстые губы салфеткой, положил на пустую тарелку крест-накрест вилку и нож и произнес, окинув окружающих сытым взглядом:

– Ну, о своем назначении я рассказал... Дарья сейчас занята детьми, ей есть кого тренировать. Пора нам подумать, как помочь нашему младшему брату.

– А что случилось? – сразу забеспокоилась мать.

Кирилл почувствовал, как мурашки побежали по спине. Если существуют такие, то он назвал бы их «мурашками негодования». Сам не замечая того, сжал вилку в кулаке.

«Спасибо тебе, большой босс. Видимо, просьба помолчать о моем увольнении для тебя ничего не значит».

– Он уже взрослый, пусть расскажет сам, – ответил Филипп.

Брат откинулся на спинку стула, скрестил на груди руки и бросил на Кирилла долгий испытующий взгляд.

«И еще раз спасибо! Предоставить мне слово в такую ответственную минуту...» Озеров-младший возился с последним грибом, оставшимся на тарелке. Под всеобщее молчание он не торопясь поймал свою добычу на вилку, но есть не стал, лишь развел руками и сказал торжественно:

– Дамы и господа, я уволился из компании отца!

«Хочешь спектакля? Я тебе его устрою».

Аплодисментов не последовало.

– Я догадывалась, – тихо сказала мать, вздохнув так, словно у нее на груди лежал тяжелый сундук. – Ты уходил из дома каждое утро в разное время.

– Я особенно и не скрывал этого. – Озеров побарабанил пальцами по столу и поглядел в потолок, как будто мог найти там что-нибудь интересное.

– Очень вовремя, – вмешалась сестра, укачивая на руках младенца. – Но в этой новости я не слышу ничего нового. Кирилл несколько раз чуть не вылетел из школы, в университете на каждом курсе он ныл, что хочет сменить вуз, а работа... Ну сколько их у него было? И все на месяц, на два.

– Послушайте! Давайте закроем эту тему! – Молодой человек завертелся на стуле. – На последней работе я продержался почти год...

– О! Какой прогресс! Я тренирую спортсменов уже семь лет, хотя знаешь, это не назовешь простым делом. А ты бежишь от любой трудности! То тебе не нравится директор, то тебе скучно сидеть у монитора, то из окошка дует!

– Дарья! – повысила голос мать, а потом, уже тише, обратилась к Кириллу: – Ты знаешь, как работал отец. Он не жалел себя. Не было дня, когда он дал бы себе поблажку только потому, что ему так захотелось.

Каждый раз при упоминании об отце у нее дрожал голос.

«Я хотел сказать тебе при других обстоятельствах», – мысленно обратился к ней Кирилл.

Он вдруг вспомнил рубашки отца, с утра выглаженные и чистые, но мокрые к вечеру. Может быть, поэтому у него не выдержало сердце? Может быть, стоило взять на пару дней больничный и провериться у врача?

Кирилл вспомнил тот день, когда стал выпускником университета и гулял по набережной реки Бурной.

Отец тогда даже не сфотографировался с ним. Кирилл не знал, как вообще он появился на вручении дипломов. На отца это было не похоже. Видимо, возвращался из какой-нибудь командировки и заехал по дороге.

Был теплый весенний день. Отец стоял на набережной рядом и никак не мог начать разговор. Позади блестел автомобиль с личным шофером. Дверь была открыта, и шофер вытянул наружу ноги в начищенных ботинках. Отец долго молчал, а потом, глядя на серую речную воду, сказал:

– Тебе хватит двух месяцев, чтобы понять, что в науке делать нечего?

Такое начало ошеломило Кирилла, который попытался ответить спокойно, но всякий раз, когда он сдерживал себя подобным образом, голос его начинал дрожать, а внутри клочкотал вулкан:

– Ты серьезно?

– Походи по разваливающимся научным институтам, попробуй там и сям побить током мышей. Может, где-то понравится больше.

– Я уже был во многих. У некоторых не хватает даже на электричество, а вот мыши там встречаются, это правда – лабораторные, с микроскопами.

– У тебя была возможность уехать за границу. Как у Филиппа...

Кирилл с шумом выдохнул.

– Знаю-знаю: младший брат должен поступать, как старший. Очень старая песня. Филипп у нас архитектор. Это совсем другое дело...

– Филя всего добился сам.

«Так же, как и ты. И очень любит повторять это, – подумал молодой человек. – Людей, достигших всего собственными силами, не существует. Кроме Робинзона Крузо, конечно, но даже у него был разбитый корабль с припасами и Пятница. Зато много на свете героев с легкой формой амнезии, которые забыли, на чьи плечи опирались...»

Отец монотонно продолжал:

– Сначала ты колебался, оканчивать ли тебе университет, затем бросал каждую подвешенную работу. Музыка и спорт оставил. Зарабатывать себе на жизнь ты, похоже, тоже не собираешься?

Хотя он говорил словно полушутя, тон выдавал недовольство. Оно в последние годы все чаще звучало в голосе отца.

– Собираюсь, – угрюмо пробормотал Озеров-младший.

– Тогда хватит разговоров. Я предлагаю тебе только один реальный вариант. В техническом отделе еще есть место. Поверь мне, производство автомобилей не такой уж сложный процесс. Тем более, тебя коснется только отчетность.

Кирилл быстро повернулся:

– Я только что окончил биологический факультет. Четыре года я изучал психику и мозг. Как ты предлагаешь мне использовать это в автопромышленности?!

– Напрямую. Просто воспользуйся органом, хранящимся без дела в твоей черепной коробке. Остальному тебя научат.

– Терпеть не могу машины, – буркнул Кирилл.

Зачем он тогда сказал это? Руководителю крупной компании по производству автомобильных запчастей!

– Как можно не любить машины?! Их вообще не нужно любить – ездят на них. Это удобно.

– Мне не нужны удобства.

Отец холодно посмотрел на него и ответил:

– Это потому, что ты еще никогда по-настоящему не работал. Иначе удобства приносили бы тебе желанный отдых.

Прошло совсем немного времени, и после крайне неудачных поисков работы Кирилл сдался и устроился на место, предложенное отцом.

Работа не просто была не интересна ему – он оказался психически раздавлен схемами, чертежами, таблицами и цифрами. Он сидел по восемь часов у экрана, не отрывая от него глаз. Новая специальность включала основы тех школьных предметов, которые особенно не удавались ему когда-то. Он задавал так много вопросов, что однажды ему стало стыдно подходить с ними к одним и тем же сотрудникам.

В душном узком помещении, наполненном жужжанием процессоров, его посадили у окна, которое нельзя было открывать из-за летевшей с проспекта черной пыли, производимой тысячами выхлопных труб и колес.

В окне виднелась башенка на доме и заводская труба вдаль: за год эту башню Кирилл видел и сверкающей на солнце, и покрытой снегом, и мокрой от дождя, и украшенной сосульками; дым из заводской трубы бывал серым и черным, белым, фиолетовым на закате и оранжевым на рассвете, золотым – днем и свинцово-серебряным – вечером. Но всегда этот вид был для него пейзажем в тюремном окошке. А сама тюрьма – добровольным выбором. Да, он оказался там по собственной воле. Никто не заставлял его.

Даже по выходным он думал об узком душном кабинете, о тоннах работающих компьютеров, о зажеванной принтером бумаге, о горьком остывшем чае, о слишком сладких конфетах, о необязательных разговорах и о радио с одинаковыми песнями.

Люди в офисах казались ему глубоко несчастными: это выдавало недовольство на лицах, холодность, раздражительность, резкость, грубый юмор, повальное курение. Мужчины целыми днями говорили про футбол и машины, про то, сколько раз они отжимают штангу в спортивном зале; женщины – про косметику, внуков и то, какая подливка была сегодня в столовой.

Когда отца неожиданно не стало, молодой человек понял, что больше ничто его не держит на этом месте.

И он был счастлив, бесконечно счастлив, когда вышел на оживленный проспект из здания автомобильной компании, зная, что больше никогда туда не вернется. Пускай его поступок посчитают инфантильным и бессмысленным! Но в жизни людей, за которыми он наблюдал в течение минувшего года, смысла было не больше.

«Они не заставят меня испытывать чувство вины!»

Все, о чем Кирилл недавно попросил брата, – пока не говорить никому о том, что он ушел со старой работы. Все, что сделал брат, – тут же всем рассказал об этом.

Кирилл мрачно взглянул на Филиппа. Тот сидел не вмешиваясь, опустив глаза и собрав пальцы домиком.

«Заварил кашу и молчит. Ну и идиотский вид у тебя!»

– Я уважаю все, что делал папа. Но делать то же, что и он, я не обязан.

– Зато я знаю, чего ты хочешь, – расходилась сестра, – ты хочешь теперь сидеть у мамы на шее, играть на гитарке и читать старые книги. Очень удобно и романтично!

Кирилл открыл было рот, чтобы ответить. Но от возмущения у него перехватило дыхание.

– Вы никогда не сидите у меня на шее... – начала мать, но Дарья прервала ее.

– Не надо, мам! Не надо ему потворствовать. От такой работы и от таких денег не отказываются! Скажи ему, Петя. Что ты опять молчишь?!

«Это его нормальное состояние, – подумал Кирилл. – Зачем мешать?»

Муж сестры был худым долговязым молодым человеком с грустным взглядом и серыми кругами под глазами. Второй ребенок был для него непосильной ношей, но жена настояла на своем. Петр тоже работал в компании отца, и новость, кажется, обескуражила его больше остальных, так что он, и без того молчаливый, напрочь лишился дара речи.

– Петя! – голос сестры сотряс стены кухни.

– Такого еще не было, – промямлил Петр, – во всяком случае, я не помню, чтобы кто-то от нас уходил. Да, у нас всегда такие высокие премии и социальный пакет...

– Это еще у тебя своей семьи нет! – воскликнула сестра, испепеляя младшего брата взглядом. – А то бы ты иначе заговорил! Вот женишься...

– Пока не собираюсь, – вставил Кирилл.

– А кому нужен безработный мужик?

Старший брат раскрыл ладони и пробасил:

– Стойте-стойте! Мы обсуждаем, что предложить Кириллу. Сейчас нет смысла читать ему нотации.

«Где ты был раньше? Все нотации уже прочитаны». Озеров-младший откинулся на стуле, скрестил руки и незаметно для себя принял такую же позу, какая была у брата в начале разговора.

– Итак, у кого какие идеи?

– Вообще-то я не нуждаюсь в предложениях. Я уже нашел новое место.

«А теперь съешь вот это, брат... Думал, ты здесь все решаешь?»

Снова воцарилось молчание, только старший мальчик в ногах у сестры жужжал и возил по полу игрушечную пожарную машину.

– И куда ты устроился? – спросил Филипп, изображая равнодушие, хотя на его лице младший брат с удовольствием прочитал растерянность.

«Если уж блефовать, то до конца!» Кирилл пробежал глазами по кухне в поисках ответа.

«Sun school», – прочитал он надпись на футболке у племянника.

– В школу. Я устроился в школу.

Кирилл услышал звук, похожий на скрежет консервного ножа по жестяной банке.

– Ты? К детишкам? Но у тебя нет педагогического образования.

Филипп смеялся над ним, как однажды, когда в детстве они делали из дерева и шпагата луки, и оружие младшего брата сломалось при первом выстреле.

– У меня была практика в университете. Я уже преподавал...

– Две недели... Или три? Будешь учить детей менять профессии? – Филипп увидел взгляд матери и перестал смеяться, его тон снова стал важным. – Туда нет смысла приходить меньше, чем на год. Но продержишься ли ты хотя бы четыре месяца с тем, чтобы тебе не пришлось в голову стать космонавтом?

– Не волнуйся, – сказал Озеров ледяным тоном. – Это уже не твоя забота.

– Мальчики, перестаньте!

Кирилл насупился. «Я сделаю это. Я продержусь в школе четыре месяца и больше. Но я ничего не стану вам доказывать. Я и *сам хочу* где-нибудь остановиться».

– Первый месяц не в счет, – ехидничал брат. – На любой работе это только испытательный срок!

Он поднялся из-за стола первым, показывая тем самым, что вопрос решен.

Младший мальчик зевнул и закрыл глазки. Петр взял его на руки и понес в кроватку. Сестра взяла старшего сына за руку и, к его великому удовольствию, пошла играть в комнату. Кирилл остался с мамой один на один.

Она положила свою теплую ладонь ему на руку.

– Пожалуйста, куда бы ты ни устроился, делай там все как следует. Не позорь себя.

Кирилл кивнул. Он собрался с духом, чтобы произнести то, что ему давно уже не давало покоя:

– Мне нужно тебе сказать еще кое-что важное, мам. Я переезжаю. Буду искать жилье поближе к школе. Не то чтобы мне было плохо с вами, но Даша теперь здесь с детьми, еще и Филипп...

Мария Петровна понимающе кивнула, а Кирилл сделал вид, что не заметил, как ее глаза увлажнились.

На самом деле не было еще никаких предложений о работе, не было никакого другого жилья. Но он понял вдруг, что его ничто не остановит и он сам сумеет найти подходящие варианты.

– Делай, как считаешь нужным. Я хотела всех вас собрать вместе. Но вы, как оказалось, стали гораздо прозорливее, чем раньше.

Кирилл пошел к себе. Проходя мимо гостиной, он увидел, что сестра играет на ковре со старшим сыном. Со спины было видно, какие у нее широкие плечи – она была хорошим пловцом. Но, видимо, недостаточно хорошим, чтобы попасть восемь лет назад на олимпийские игры.

До рождения второго ребенка она работала тренером по плаванию и готовила спортсменов в олимпийский резерв. Теперь она на время оставила это занятие, и Кирилл чувствовал, что, сидя подолгу дома с детьми, она делается все более вспыльчивой.

В комнате больше никого не было. Она обернулась на его взгляд, как было у них с самого детства, когда один смотрел, а другой всегда мог почувствовать это затылком, или когда один пел про себя песню, а другой через некоторое время тоже начинал ее напевать. Как будто она не говорила сегодня никаких резких слов, сестра поманила его рукой.

Кирилл подошел и сел на ковер напротив. Племянник был настолько увлечен игрой, что пожарная машина проехала по дядиной ноге.

– Ты знаешь, как долго я работала с детьми?

Озеров-младший кивнул.

– Не хочу тебя расстраивать, но с твоим характером ты там не выживешь.

В ее голосе слышалась обида. Она хочет сказать: «Ты должен был посоветоваться со мной, с нами, прежде чем принять такое решение».

«Я не мог, я должен был решить сам», – мысленно отвечал Озеров.

Нельзя научиться забивать гвозди, не почувствовав, что молоток может ушибить палец.

– Дети могут подставить, обмануть, натравить на тебя родителей. Заразить тебя кучей болезней. А еще ты несешь за них уголовную ответственность. Это значит, если с каким-нибудь недоумком хоть что-нибудь случится, – тебя посадят в тюрьму. Он может залезть на дерево и сорваться, вывалиться в окно или убить товарища. Обвинят тебя. В лучшем случае – ты никогда себе этого не простишь.

– Я знаю. – Кирилл старался сказать это как можно спокойнее.

Она говорит так, потому что обижена. Он понимал это, и все же ему стало тревожно. Одно дело, когда ты сам по себе, и другое, когда отвечаешь за чужих детей.

В конце концов, его никто не тянул за язык. В школу – а почему бы и нет?

Продержаться больше четырех месяцев – достаточно ли такой цели?

Можно бояться холодов, когда они еще даже не наступили. Но какой в этом прок?

Приход зимы еще не значит, что нужно спрятаться в теплое помещение и полгода сидеть там. Он пойдет и обо всем узнает сам. Учение свет, а неученье тьма. Так, что ли? Вперед, к победе над темнотой!

– И собрей свою дурацкую щетину! – услышал он голос сестры из комнаты. – Дети не любят бороды.

Чёрная Стрела

Она давно научилась различать свет и тьму. Это было первое, что она усвоила, когда сидела там, согнувшись в три погибели, упершись головой в твердую полупрозрачную оболочку.

Свет был бархатистым красным, тьма – глухой и непроницаемой. Свет означал – холод, опасность, темнота – присутствие рядом кого-то огромного и теплого.

Она слышала поскрипывание веток внутри своей камеры, хотя и не знала еще, какой звук издает старое узловатое дерево. Скоро, скоро он превратится в ласкающую музыку... Со всех сторон до нее доносилось тихое постукивание: такие же, как она, заключены внутри жестких оболочек. Она начала узнавать хриплый крик существа, дарящего тепло, – это язык, на котором она будет учиться говорить.

Она не понимала, где начинается ее тело и где заканчивается.

Однажды она попыталась отвернуться от света и вдруг ощутила, где у нее голова. Что-то твердое и тяжелое мешало ей шевелиться. Зачем ей это громоздкое приспособление? Она попыталась избавиться от него и с удивлением обнаружила, что им можно царапать стенки своей камеры. Что, если черное острие прочнее, чем окружавшая ее красная оболочка? Она стукнула наконечником о стенку. Тепло снаружи манило и дразнило ее – тепло того огромного существа. Здесь, в камере, никогда не хватало тепла.

Тесная камера начала причинять боль, и черное тяжелое копьё на ее голове все чаще стало царапать твердую оболочку. А потом, когда мышцы на шее окрепли, она начала неустанно с восторгом колотить острием удерживающую ее сферу. Наружу! К теплу!

Однажды крохотная скорлупка откололась под ударами копьё. В камеру проникла тонкая струйка света.

Тут же огромное острие упало с неба и разбило на куски ее тюрьму. Когда она увидела существо, жившее снаружи, ее объял страх. Над ней возвышалась черная гора, одетая в серые облака. Каплей смолы сверкал круглый глаз. Гигантский клюв уже освобождал из камер ее братьев. Гора действовала очень осторожно – но в ее оружии было достаточно силы, чтобы убить.

– Каргхххх! – Гора издала пугающий и вместе с тем радующий и знакомый звук.

На крик существа прилетело второе, гораздо крупнее, с более густым воротником вокруг головы. От страха она раскрыла рот. Прямо на язык (она только что узнала, что у нее есть язык) попало что-то вкусное и жирное. Она увидела, как второе существо кормит ее братьев. Она поняла, что у двух этих существ нужно учиться жизни, ей захотелось повсюду следовать за ними, но у нее еще не хватало сил.

Снаружи камеры было холоднее. Свет, который раньше сулил холод, теперь приносил тепло, а с наступлением темноты могла прийти смерть.

Темнота – несет смерть. Вот урок, который она никогда не забудет. Один из ее братьев скоро выпал из гнезда, ночью, когда на земле его ждал поздно выпавший снег. Она слышала, как волновались родители, как они кружили над гнездом, отгоняя кого-то.

Теперь звуков стало так много, что она еле успевала их запоминать. Больше всего шумели двуногие бескрылые существа с большими головами: неосторожные и медлительные, они щебетали, как воробьи, и пока их рты были раскрыты, становились рассеянными и легко упускали из виду добычу. А когда двуногие забирались в грохочущие и ревущие яйца, шум от них не давал одной вороне услышать другую.

Больше всего она любила время перед рассветом, когда наступала пора птиц. Небольшой сад между домами наполнялся песнями. Отдельная мелодия означала право каждого на завое-

ванную территорию. От силы песни зависело, выживет птица или нет. Но ее родители никогда не пели для того, чтобы выжить. Они умели охотиться и собирать, подкрадываться и вовремя замечать опасность; они могли напасть на обидчика в случае необходимости.

Слушая других птиц, маленькая ворона быстро поняла, что из камеры попала в мир, где ей предстоит быть сильной и выживать любой ценой. А раз она похожа на родителей, ей нужно научиться у них самому ценному: разбираться в окружающем мире и стать хитрее его. Она открывала рот шире других – от этого ей часто перепадало больше, чем братьям. Их тела росли и крепили, готовясь к первому полету.

Они много говорили с братьями о небе, где на их глазах так часто происходили воздушные битвы между воронами и речными чайками.

Скоро пришла пора обучения. Братья думали, что вылезут из гнезда и тут же полетят. Но она сразу поняла: полет – самое сложное, что ей предстоит освоить. Между ними и родителями стал появляться новый увлекательный язык: старшие показывали, младшие должны были в точности повторять.

Первые два дня они учились по очереди выбираться из гнезда и стоять в безветренную погоду на ветке.

Ее братьям так не терпелось летать, что они толкались и чуть не выбили друг друга из гнезда. В возмущении она крикнула на них: «Каргххх!»; у нее получилось не так громко, как у отца, и голос был куда выше. За этот выкрик она легонько получила от матери клювом между лопаток. Это значило следующее: нельзя пользоваться высокой речью ворон без надобности, ты можешь привлечь хищника, и крик дорого тебе обойдется.

Всю следующую неделю они учились держать равновесие, направляясь по ветке от ствола к концу и обратно. Еще несколько дней ушло на то, чтобы освоить сложное упражнение, которое хорошо укрепляло корпус и при этом растягивало мышцы на крыльях и шее. Нужно было застыть на одной ноге, раскинуть крылья и раскрыть хвост, так чтобы расправились все маховые перья, затем медленно повернуть голову.

После они учились парить, перепрыгивая с ветки на ветку. Чтобы освоить этот навык, потребовалось, чтобы одна полная луна сменила другую. Весь месяц они двигались по спирали, от ствола к кончикам веток и обратно, сверху вниз. Изучая дерево, они ловили насекомых, но еду им все еще приносили родители. Братья слишком рисковали: едва научившись парить, они нарушали спираль и, соревнуясь друг с другом, порой перепрыгивали на ветки, располагающиеся слишком далеко друг от друга. «Когда-нибудь это убьет их», – думала она, последовательно выполняя спираль. Ей еще не забылся брат, выпавший из гнезда.

Однажды, когда она была внизу, два ее брата разыгрались в листве и не успели оповестить ее о приближении хищника. Это могло стоить ей жизни, если бы охотник не был толстым лохматым котом. Когда она вспорхнула на нижнюю ветку, он неумело повис на стволе с перекошенной от злости мордой. Этот – слишком давно с двуногими. Слишком медлителен.

Первый полет был прекрасен. Но как сложно было повторять движения отца, а еще сложнее – следовать за ним. Ей хотелось свободно полетать по небу, словно черная стрела.

В первый раз они благополучно вернулись в гнездо, и даже братья не сбились с курса. Но во второй и в третий раз искушение свернуть в сторону стало еще сильнее.

За свой стремительный полет маленькая ворона получила имя.

Однажды братья нашли на земле куриную кость и затеяли с ней игру прямо над головами двуногих.

Они устроили это представление затем, чтобы стая посчитала их бесстрашными и одного из них выбрала вожаком.

Но Черная Стрела знала, что никто не выбирает вожаков-глупцов. Во всяком случае, среди ворон. Такая игра претит главному правилу: к людям нельзя приближаться ближе, чем на бросок камня.

Случайно братья выронили кость, и она оказалась у женщины из племени двуногих.

Зачем она взяла ее себе, Черная Стрела так и не узнала, но спустя какое-то время кость снова была выброшена на лужайку, и братья, подхватив ее, понеслись по небу в безумном танце. Мать кричала на них из гнезда. На соседней крыше недовольно ворчал отец.

Братья взмывали вверх, затем разжимали пальцы и наперегонки неслись за падающей добычей.

Черная Стрела кричала, чтобы они бросили свою игрушку!

Но, заигравшись, братья не заметили, как оказались на дороге, полной гремящих чудовищ. Не желая уступать друг другу, молодые вороны вцепились в кость.

И тогда произошло самое страшное.

Со скоростью, на которую не была способна птица, в них врезался грозный железный зверь со сверкающими глазницами, перемалывая их перья, кости и жилы.

Спасайтесь, спасайтесь! Улицу залил вороний грай. Но то, что на камне, – разве это ее братья?! Охотники?! Нет. Там только чья-то добыча. Заколдованная кость превратила живое в себе подобное...

Еще один лунный месяц сменился. Со стороны реки задули холодные ветры.

Черная Стрела осталась одна с родителями в гнезде.

Как-то утром она увидела, как маленькие двуногие шли, держась за руки, в каменный дом с большими окнами. Они держали пестрые цветы и щебетали, словно встревоженные дрозды. Она повернула голову и посмотрела на мать, а та клювом разгладила ей перья на воротнике, как будто говоря этим: двуногие тоже учатся у старших, но это занимает у них куда больше времени.

В последний солнечный день отец, хлопая черными крыльями, прилетел к гнезду. Она открыла клюв, и он вложил туда что-то твердое. Языком молодая ворона нащупала круглый камешек. Это значило только одно: она стала взрослой. Наступило время покинуть гнездо.

Илья Кротов

Мальчик смотрел на то, что совсем недавно было птицей. Или двумя птицами?..

...У дверей школы его встретил парень из параллельного класса – Емеля Колбасов, грузный, толстощекий, с женскими глазами и большой головой. Это он отвел Илью к месту странной находки.

Они были ровесниками и учились в шестом классе. Емеля был на голову выше своих одноклассников. Несмотря на его размеры и умение рычать, никто не боялся Колбасова. Все подшучивали над ним. Говорили, что дедушка запрещает ему отвечать на оскорбления кулаками. И когда его дразнили, он только краснел, выпучивал глаза и раздувал ноздри. Это было очень зрелищно. Крупные габариты, вспыльчивость и полное непротивление злу делали его в глазах детей идеальным объектом для насмешек.

Илья осторожно потрогал языком треснувшую губу и вспомнил недавнюю драку с одноклассниками.

«Чем больше человек отличается от других, тем сильнее ему достаётся», – подумал мальчик. Ему почему-то не хотелось смеяться над Емелей. Когда он видел, что Колбасова доводят до точки кипения, ему было жаль его.

Неужели Емеля не понимает, почему над ним смеются? Почему он не может избавиться от своих странных привычек? Вот, например, он вечно все преувеличивает, причем так плоско и глупо, что даже первоклассник раскусит.

Вчера на перемене, когда мальчишки рассуждали, какой нож в военной компьютерной игре круче, он зачем-то встрял в разговор и сказал, что у его деда есть настоящий казачий кинжал, которым можно разрезать надвое падающий волос. Увидев, что его слушают, Колбасов округлил глаза и стал размахивать руками – был, дескать, случай: его дедушка вышел один на один на кабана и убил зверя этим кинжалом.

«У кабана слишком толстая шкура, – сказал кто-то. – И жира еще больше, чем у тебя, Колбасов». Емеля, чувствуя, что теряет интерес зрителей, еще больше выкатил глаза и принялся доказывать, что кинжал был длинным. В подтверждение он развел руки, как неудачливый рыбак, упустивший большую рыбу. «Это уже сабля», – подколот Урбанский, зачесывая рукой свои красивые длинные волосы, и все вокруг разразились смехом.

Емеля раскачивался на перилах школьного крыльца. Заметив Илью, он перепрыгнул через высокую ступень и с грохотом приземлился перед мальчиком. Сегодня он был в приподнятом настроении. «Что его так ко мне тянет?» – с горечью подумал Кротов.

– Пошли. Динь-дон!

– Что за «динь-дон»?

– Это значит Великая Тайна. Большой секрет. Идем со мной.

Колбасов легонько потянул Кротова за рукав. Илья поморщился – коленка, на которую он упал во время драки, горела огнем.

Колбасов снизил голос до шепота:

– На дороге перед школой птицу сбила машина, она застыла в смоле, как древний археоптерикс.

Он скривил рот, обнажив зубы и растопырив пальцы, как когти, изображая найденное чудовище. Хотя у Ильи настроение было хуже некуда, он рассмеялся и должен был признать, что Колбасов и сам любит, когда над ним смеются.

– И что тут такого? Ты что, никогда не видел мертвую птицу?

– Я не сказал главного. У нее две головы.

«Ну конечно, – устало подумал Кротов. – Мели, Емеля!»

– Две головы, как на пятирублевой монете, – продолжал круглощекий мальчик, нервно хватая пальцами и без того растрепанные волосы, – только головы повернуты друг к другу и держат кость. Вот так.

Он и это сумел изобразить вполне правдоподобно.

– За мной должна приехать мама, – пробубнил Илья.

Но Емеля, громко сопя, уже тащил его за рукав к школьной калитке...

И вот они смотрели на то, что когда-то было вороной. Или двумя воронами? На этот раз Колбасов ничего не преувеличил, и было совершенно неясно, двуглавая это птица или две разные особи.

– Не могли же две вороны одновременно попасть под машину... – сказал Илья, глядя на два клюва, которые даже после смерти не выпустили кость.

Емеля стоял, скривив нос. Илья отвернулся, увидев расплющенные внутренности, а потом какое-то любопытство заставило его снова взглянуть на трупы. «Теперь мне точно приснится плохой сон. Нужно было сразу отвернуться...»

– Неужели и с человеком так же, когда он умрет? Не может быть... – Мальчик не заметил, как сказал это вслух.

– Да, у человека тоже внутри кишки, – ответил Колбасов, – я смотрел на картинках. Когда в школу возьмут наконец учительницу по биологии, она нам будет показывать это на доске. А пока у нас одни замещения. В прошлом году я заглядывал в старший класс на урок. Они сидели и обсуждали, какие у нас в черепе мозги. Жуть.

Илья промолчал. Ему вдруг стало стыдно, что он думал об этом так по-детски и даже рассказывал младшему брату, что люди, когда собираются умирать, одеваются в красивую одежду, кладут руки крест-накрест на груди, бледнеют и закрывают глаза. Такой он видел однажды в деревне в гробу бабушкину соседку. Чтобы люди умирали некрасиво – такого он не мог себе представить. Даже в фильмах, когда какой-нибудь герой расстреливал злодеев из автомата, это выглядело очень зрелищно и совсем не так страшно, как раздавленная птица.

Мальчик только теперь услышал, что на крыше соседнего дома громко каркает большая взъерошенная ворона. Еще несколько птиц кружило в воздухе над местом трагедии, повторяя крики вожака. Илья шагнул с тротуара, замороженно глядя на кружащуюся стаю.

Воздух словно наполнился электричеством. Крики птиц, громкие и тревожные, казалось, наполнены необыкновенной человеческой болью. Они кружились в медленном танце, как будто гипнотизируя случайных свидетелей.

Колбасов сглотнул слюну и нервно взвизгнул:

– Кротов, ты куда?

Илья, ошеломленный внезапной мыслью, произнес, глядя на небо:

– Я все понял: это их семья. Они плачут, потому что потеряли сразу двоих. Скоро...

Мальчик не успел договорить. Резкий скрип металла, рев мотора – и блестящий кузов бензовоза оказался прямо перед его носом. Все его тело превратилось в цементный столб. Он не мог пошевелиться от ужаса. Ноги. Сейчас колеса проедут по ногам. Вместо того чтобы отпрыгнуть в сторону, он додумывал мысль, которую не успел произнести, а губы беззвучно шевелились: «Скоро холода. Птицы не успеют завести новых птенцов. Если бы была середина лета... Но теперь уже слишком поздно...»

Легко и очень плавно кто-то схватил его за рюкзак и отодвинул назад. Бензовоз обдал мальчиков клубом пахучего черного дыма и исчез за поворотом.

– Ты стоял слишком близко к краю, – странным голосом сказал Емеля, все еще держа Кротова за ручку рюкзака. – Из-за припаркованных машин не видно, кто едет по дороге. Мой дед очень ругается на это.

– Скоро холода. Птицы не успеют завести новых птенцов. Если бы была середина лета... Но теперь уже слишком поздно, – без запинки повторил Илья фразу, которую уже сказал про себя.

Мальчик чувствовал, что его лицо не дрогнуло, когда все это случилось, но от него как будто отлила вся кровь. «Ничего не было, – решил за него чей-то голос в голове, – никакого бензовоза».

– Пойдем обратно к школе. Успеем полазать по перилам, пока твоя мама не приехала.

Колбасов запрыгнул на бордюр и, размахивая своим нелепым чемоданчиком (он носил его вместо рюкзака), громко затопал по асфальту. Илья рассеянно глядел ему в спину.

«Что это было? Он что, спас меня? Нет, я знал, что там может быть машина. Я бы успел. Я отошел бы».

Лазать Илье не хотелось, вместо этого он сел на ступеньки и съел еще одно зеленое яблоко.

Скоро за ним приехала мама, Кротов сел в автомобиль, и она велела ему пристегнуться. Когда машина отъезжала от школы, он увидел, как Емеля Колбасов идет по тротуару. Пиджак на нем был перекошен, волосы всклокочены, походка нелепая. Илья так же выглядел сегодня после драки, а Колбасов, пожалуй, ходит так каждый день. Увидев в окошко Илью, он небрежно вскинул руку и помахал.

«Я не поблагодарил его, – думал мальчик. – Я даже не понял, что должен был что-нибудь сказать ему. Что-нибудь хорошее. Но это ведь Колбасов. Как стыдно. Именно Емеля не позволил мне превратиться в раздавленные кишки».

– Как первая неделя в школе? – спросила мама, откидывая волосы со лба; она всегда так делала, когда вела машину, а еще не сводила глаз с дороги, значит, пока не увидит, что у него разбита губа и бровь распухла.

– Я привыкаю, – тихо сказал мальчик, глядя в окно.

– Ты не очень-то весел. Что-то не так?

Илья знал, что она спрашивает не про оценки, насчет этого мама спокойна. Еще в прошлом году она перестала проверять его дневник, когда он сказал, что ему нравится учиться. Тогда он сказал правду. В новом классе тоже все удивились тому, как быстро он умножает трехзначные числа. Илья давно понял, что если говорить маме правду, она становится спокойнее. А ему нравилось видеть ее спокойной.

– В новом классе некоторые парни пытаются самоутвердиться за счет того, что цепляются ко мне. Но я это переживу.

Мама на мгновение оторвалась от дороги, бросила на сына любопытный взгляд и снова посмотрела перед собой. Она успела увидеть только его затылок: маленькая умная голова, нужно постричь ему волосы за ушами.

– Я рада, что ты это и сам понимаешь, – она переключила передачу, и машина набрала скорость.

Илья смотрел, как зеленые парки сменяются кирпичными кварталами. Теплый солнечный день. Черные мертвые крылья. Черный дым из-под бензовоза. А что, если бы этот день был для него последним?

«Нет. Завтра у меня олимпиада по математике. Неужели я зря готовлюсь?»

Кротов подумал, как будет здорово, когда он станет победителем. Есть в этом городе кто-нибудь сильнее его?

Мальчик был рад вернуться домой. Он проштудировал четверть задачника, а остаток вечера играл в конструктор с младшим братом. И только когда настала пора ложиться спать, Илья вдруг вспомнил: успокоились ли вороны? Или все еще кружат и кричат там, в полной темноте?

Озеров

Скрипнула железная калитка в решетчатом заборе, ограждавшем внутренний двор. Широкая площадка для линеек, вся укатанная безжизненным асфальтом, была пуста. Клумбы жестоко залиты цементом.

Озеров мучительно долго пересекал этот двор. Его шаги эхом отражались от стен.

«Как претория для допросов», – подумалось Кириллу.

Почему школы строят похожими на крепости? Чтобы защитить детей? Или чтобы легче было переносить осаду родителей? Может, из крепости сложнее сбежать? А еще крепость не так уж легко разнести на куски...

Здание гимназии было построено совсем недавно. Словно два боевых форта по флангам высились боковые корпуса, составлявшие параллельные стены крепости. Там, из узких бойниц, за ним, возможно, следят те, кто будет его пытаться.

«Я ничего не имею против детей, – размышлял Озеров, – хотя что, собственно говоря, я о них знаю?»

Ему вспомнился юг, где солнце жарило так сильно, что казалось, все вокруг ссыхается и хрустит. Хрустят маленькие камушки и тонкие разбросанные стебли кукурузы на бетонной ярко освещенной лучами площадке за большим старым домом. Хрустит раскаленная черепица на крыше. Даже воздух хрустит. Там, на море, к нему привязался шестилетний Сережа. С ним отдыхала мама – женщина, похожая на добрую бегемотиху из мультфильмов. Сам мальчик по всем законам наследственности был бегемотиком помельче. Он танцевал лучше всех. Иногда переживал: ему нравилась Аня – у нее всегда было с собой что-нибудь такое, во что можно поиграть. Что он нашел в Озере и почему приходил к нему со своими вопросами, для молодого человека осталось загадкой.

Кирилл вспомнил, как однажды все сидели на каменных ограждениях клумбы, потому что скамеек не было, и ели арбуз, которым отдыхающих угостили за обедом. Вокруг летали осы, и дети бегали от них с арбузными корками в руках.

Сережа возник внезапно и задал свой любимый вопрос:

– Что это?

Он указывал на осу, лакомившуюся остатками арбуза.

– Это оса.

– Зачем она нужна?

Озеров впал в ступор. Он никогда не пытался ответить на такой сложный вопрос.

– Она собирает арбуз, Сережа, и носит его своим сестрам осам.

Мальчик слушал очень серьезно. Глядя в упор.

– Ясно. А осы едят суп?

– Вроде бы нет.

– Почему? Их не заставляют родители?

Кирилл с трудом проглотил кусок и, взглянув на Серезину маму, предположил:

– Может быть, у ос просто нет ложек...

Примерно в таком духе велись и другие беседы.

«Если все дети напоминают Серезу, то мне придется хорошенько поворочать извилинами, чтобы ответить на все их вопросы».

Когда Кирилл вошел в здание школы, его встретила недовольная старушка-консьерж.

– Вы опоздали! – бросила она ему в лицо.

– Вы знаете, куда я иду? – удивился Озеров.

– Конференция учителей идет уже больше часа.

– Мне пока рано на конференцию. Я на собеседование.

– К нам, такой молодой? – расцвела охранница и тут же добавила грозно: – Сменную обувь взяли?

Озеров отрицательно покачал головой, с ужасом наблюдая, как лицо охранницы багровеет.

– Сядьте вон на ту скамью и ждите. Я сообщу о вашем приходе. Только не ходите здесь. Полы намыты.

Она взяла трубку старого телефона и набрала номер.

Когда Кирилл сказал на семейном ужине, что уже нашел работу в школе, он даже не подумал, что всех обманывает, потому как ему казалось, что вакансию учителя биологии найдет быстро, с первой попытки. Но на деле вышло, что ему совсем не рады в большинстве школ и там уже работают учителя по его специальности с многолетним стажем. Около двадцати учреждений, в которые он позвонил, ему отказали сразу. И только в одной гимназии скучный голос секретаря сообщил, что его кандидатуру рассмотрят.

Прозвенел звонок.

Вокруг сновали дети с громадными рюкзаками и мешками со сменной обувью. В душном воздухе стоял гвалт, состоящий из звонких ребячьих голосов, смеха, топота, ругательств, песен. Кирилл забыл, как шумно бывает в школах. Он все еще не верил, что решился сюда прийти, и понятия не имел, что его ждет впереди.

Прошло десять минут, двадцать, полчаса.

В коридоре висела доска почета: лучшие учителя гимназии. Он насчитал около пятнадцати фотографий. На них были люди преклонного возраста. Учителей в школе гораздо больше – значит ли это, что те, кто не попал на доску, действительно хуже?

Наконец в коридоре появилась женщина средних лет с прической, на которой не хватало только блюда с фруктами и поющих канареек. На студенистом лице в подобии улыбки искривился ярко накрашенный рот. Тусклые глаза смотрели на мир с подозрением. Она шла, неспешно переставляя тяжелые ноги на высоких каблуках, и услышать ее можно было задолго до того, как она появилась в зоне видимости. В руках завуч держала папку, такую толстую, как будто там хранилась история всей ее жизни.

Озеров поднялся. Она окинула его кислым взглядом.

– На собеседование?

Кирилл кивнул и перекинул рюкзак через одно плечо.

– Даже сменку не удосужился принести... – заложила его охранница.

Взгляд завуча из подозрительного сделался презрительным.

– Это не дело. Но на первый раз простим. Пропустите его, Наталья Павловна.

«Ну и спектакль!» – поморщился Кирилл, следуя за плывущей в сторону лестницы фигурой.

...Его даже не удостоили аудиенции директора. Заведующая учебной частью смотрела на него с недоверием, будто на диковинного зверя. Они сидели друг напротив друга в небольшом кабинете, в котором наблюдался идеальный порядок. Она бесцеремонно разглядывала его во время разговора, а он чувствовал себя, как на рентгене.

– Ну-с, покажите диплом.

– Пожалуйста.

– Синий?

– Как видите.

Он искренне хотел не раздражаться на звук ее голоса.

– А к нам приходила девочка из Большого Университета с красным.

– И где же она?

– Она ждет ответа. Мы еще думаем, кого брать.

Завуч откинулась на спинку кресла и размякла, заговорила очень медленно, не спеша:

– Красный лучше, чем синий.

Озеров не выдержал:

– С каких пор цвет диплома делает человека хорошим учителем?

Он понимал, что говорит слишком резко, совсем не так, как должен разговаривать соискатель с работодателем, однако заведующую это не смутило, и она ответила:

– Мы тут готовим медалистов. Учитель должен быть примером... Ну-с, а у вас совсем нет преподавательского стажа?

– Я вел у студентов лекции на последних курсах магистратуры.

– Что вы преподавали?

Он невольно наклонился вперед и положил локти на стол:

– Я рассказывал студентам о том, как устроен мозг. Как он работает и как им пользоваться.

– И как, помогло? – Женщина издала хриплый звук, слабо напоминающий хохот, – кажется, «механизм смеха» уже давно заржавел и бездействовал. В глазах ее не было никакого интереса, так что Кирилл понял: отвечать не обязательно. Однако ответил:

– Да, помогло. Это были не основные занятия. Они ходили ко мне, потому что им стало интересно. К тому же их способность запоминать улучшилась, когда мы начали изучать процессы краткосрочной и долгосрочной памяти.

Она уже не слушала его и продолжала свою песню:

– И все же. Без педагогического образования... Мужчина...

Завуч не спеша открыла диплом и взглянула в табель. Ее глаза расширились:

– У вас тут часто встречается «удовлетворительно».

Озеров поерзал на стуле: «Кажется, эта женщина не понимает, как мало нужно, чтобы я открыл дверь кабинета и спокойно вышел вон, и пусть свои высокие требования она предъявляет пустому креслу...»

Но тут же вспомнил, что дома все думают, будто он уже работает учителем.

«Хватит сомневаться, – решил Кирилл, – я пришел устроиться на эту работу и устроюсь. Это всего лишь школа. У меня достаточно знаний, чтобы провести урок. Чем, собственно, я могу не подходить?»

Она, словно подслушав его мысли, еле слышно проговорила:

– У нас здесь элитная гимназия. Большая часть наших педагогов имеет высшую квалификационную категорию. Мы учим детей по федеральным государственным стандартам и имеем большие успехи. Чем может поделиться бывший троечник с нашими учениками?

Диплом хлопнул о стол.

– Опытом преодоления неудач. Я на своей шкуре знаю, что это такое – с трудом усваивать то, что дают учителя, значит, быстро определю, что мешает ребенку учиться.

– Быстро, – пропела она. Подумала. Помолчала. – Не знаю... Вы готовы дать пробный открытый урок, прежде чем устроитесь к нам?

Сначала подробное изучение диплома, потом выполнение работы до того, как его взяли на место, под пристальным взглядом «комиссии» – и все потому, что он решил подать в первую школу, которая откликнулась на его письмо. Кирилл попытался ответить как можно спокойнее, но с ним вдруг случилось то, чего он так в себе не любил: стоило ему сдерживать гнев, как голос начинал предательски дрожать, тело охватывала легкая лихорадка, а в голове разгорались угли.

– Я же говорил вам, что уже преподавал.

Молодой человек крепко обхватил руками ножки стола. Собственный голос казался ему чужим.

– Но у вас нет категории, – заведующая неприлично широко зевнула, не замечая того, как ее собеседник изменился в лице. – И педагогического образования. К тому же у нас уже есть достойные учителя. Мы могли бы взять вас только на полставки, если бы...

Кириллу вспомнились слова брата: «Сколько ты проработаешь там на этот раз? Месяц, полгода, год? Ни одному работодателю не нужны такие сотрудники...»

Если нужно, он проведет урок «для комиссии». Он уже хотел сказать, что готов сделать это, но завуч переменяла тему.

– А зачем вам все это?

Кирилл осторожно взял документы, сложил их в стопку и убрал в рюкзак.

– Понимаете, дети нравятся мне куда больше, чем взрослые. Отсутствие опыта позволяет им радоваться жизни. Они доверчивей, чем многие из нас.

Он поднялся и задвинул за собой стул.

На школьном крыльце его встретил солнечный день. Во дворе один мальчуган держался за портфель другого, тот старался убежать, но оставался на месте. Из-под ног выпорхнули голуби.

Когда площадь наполнилась детьми, она больше не напоминала место для допросов и пыток.

«Хочешь стать самостоятельным, валяй! У тебя была куча свободного времени – и ты не нашел ни одной вакансии».

«Это уже не так, Филипп. Одну я все-таки нашел, – мысленно отвечал Озеров. – Правда, этим все и закончилось».

Он почему-то был рад, что не остался здесь.

Кирилл не заметил, как пересек площадь, как вышел через школьную калитку.

Теперь он не просто не знает, чем ему заниматься, непонятно даже, куда сейчас пойти.

Только не домой...

Желтый кленовый лист сорвался с ветки, и порыв ветра с силой швырнул его молодому человеку на грудь. Лист прилип на мгновение к одежде, словно пригревшись, а затем унесся прочь.

«Может, это был самый первый осенний лист, сорвавшийся с ветки. Единственный в мире, который успел пожелтеть раньше остальных».

Он перешел дорогу на светофоре, пересек тротуар – за старым забором оказался яблоневый сад. Ветки склонились под тяжестью плодов.

Солнце светило и грело, но жарко не было. Так бывает только с наступлением осени. «Может быть, сегодня последний солнечный день, – подумал Кирилл, – в таком случае мне еще может повезти...»

Неожиданно для себя он обнаружил, что сад полон детей, весело визжащих и бегающих друг за другом. Сначала решил, что они пришли из школы напротив, но тут внимание его привлекло старое кирпичное здание, с левого крыла покрытое зеленым плющом.

Озеров шагнул к высокому крыльцу. На перилах, закинув ногу, с перекошенным от натуги лицом висел пухлый мальчуган, растрепанный и в мятом пиджаке.

– Эй, парень! Что это за здание?

Мальчик с трудом опустил ногу и произнес, отдышавшись:

– Это школа, в которой я учусь.

– Это? Школа?!

– Дедушка говорил, что раньше в этом здании был ЗАГС.

Кирилл кивнул и молча стал подниматься по ступеням.

В полутемном фойе, освещаемом окнами дневного света, было пусто, только замешкавшийся школьник ковырялся мешке со сменной обувью. У каменной колонны намывал шваброй

пол коренастый человек со смуглым морщинистым лицом и задумчивыми глазами, прикрытыми косыми веками. Он работал и напевал какую-то горловую бессмыслицу так громко, что Кирилл в первый момент опешил и встал в дверях.

Уборщик поднял голову и сказал, расплывшись в улыбке:

– Привет, незнакомый человек! Кого ты ждешь? Сестру или брата, сына или дочь? Ты что, не знаешь, где все ждут? Жди в саду!

– Я хотел поговорить с директором.

– Директор занят. Как закупить новые парты в класс? Что делать с двоечником? Не повысить ли зарплату уборщику? Много вопросов! Зачем тебе главный человек?

Озеров улыбнулся:

– Главный человек может взять меня на работу учителем.

– Главный человек принимает по четвергам! Особенно молодых, полных сил незнакомых учителей. Но записываться нужно заранее. Иногда за месяц.

– Понятно.

Озеров развернулся. Чего он, собственно, ожидал – что войдет в случайную школу и там его встретят с распростертыми объятьями?

– Стой, человек! – услышал он у самого выхода.

Уборщик хлопнул себя по голове и сощурил и без того узкие глаза:

– Старик забыл, что сегодня четверг. Старик – ладно. Почему молодой забыл? Подожди, я спрошу в трубку: нужен ли им забывчивый, полный сил незнакомый учитель?

Монгол подошел к телефону на столе у входа и набрал номер.

– Приемная, прием! Пришел учитель. Хочет научить всех детей. Приглашать к вам?

Сначала Озеров решил, что над ним издеваются, но потом в полной тишине услышал в трубке переливы женского голоса. Что говорили, было не разобрать.

– Спрашивают, – шепотом сказал уборщик, прикрывая рукой трубку, – что преподаете?

– Биологию! – почти выкрикнул Озеров, и его голос невольно дал петуха.

Переливы в трубке окрасились новыми яркими интонациями. На этот раз ждать пришлось дольше. Уборщик внимательно слушал, а потом резко положил трубку.

Кирилл посмотрел на него с немым вопросом.

– Человек, не стой просто так! – воскликнул старик. – Скорей беги на второй этаж. Учителя биологии ждут очень-очень! Учителя нет с начала года. Уже неделя, как нет такого урока! Беги и устраивайся к нам хорошим учителем!

Озеров охнул и быстро пошел по коридору. В последний солнечный день должно повезти. Позади него послышалась протяжная горловая песня.

Фаина

Она вышла из метро и поплелась к школе.

«А ведь мне всего тридцать четыре. Тридцать четыре, а не семьдесят семь».

Фаина Рудольфовна уже давно глядела на мир взглядом побитой собаки. Но в последнее время стало совсем тяжело.

«Да что это? Позади лето, а я как развалюха. Прошла неделя. Неужели всего одна учебная неделя?»

Фаина думала о том, что перестаралась в августе. Она так основательно решила подготовиться к будущим занятиям, так плотно засела за конспекты, журналы и документы, что к началу учебного года ощутила знакомый шум в голове и легкое головокружение.

И все же причина ее дурного самочувствия в другом. Все из-за того, что ее вытащили в выходной день на педсовет. Почему он всегда выпадает на *ее* выходной?

Она предвкушала три часа бесполезных споров в душном кабинете.

Завучи – это грузовики, которые доверху наполнил щебнем районный отдел народного образования. Они привезут на собрание тонны методической информации, нравочений и угроз. Они освободят кузов, а учителя еще долго будут разгребать свалившийся на них груз ответственности.

И должно было все это случиться в день, когда выходной мужа совпал с *ее* выходным! Они могли бы просто сесть, спокойно пообедать, погулять с собакой и вместе помолчать. Мало кто из женщин это бы оценил – но учитывая ее профессию, Фаина любила мужа в том числе и за то, что с ним можно просто помолчать. Она даже готова была сесть за проверку тетрадей, лишь бы он был где-нибудь рядом, в комнате.

Семь лет она преподавала в школе историю и право, и за эти годы имя ее, в переводе «сияющая», в устах школьников превратилось в грязное ругательство. Учительница истории все чувствовала и понимала, но и поделаться со своей репутацией ничего не могла. Всю свою жизнь она училась на пять, она боролась и шла вперед и никому не позволит никакой небрежности и лени.

Этот принцип стоил ей дорого: в гимназию ручьем текли родители, для которых двойка была чем-то вроде гнилого мяса для мух. Их «самые лучшие дети» не могли иметь двоек. Скорее всего что-то не так с учителем. Ведь она единственная, кто ставит столько плохих оценок, – значит, она злая.

Раз в год, в День учителя, они приходили, чтобы поблагодарить ее, и сотни раз – чтобы смешать с грязью, чтобы шантажом, угрозами, властью исправить в журнале двойку на тройку, тройку на четверку и даже четверку на пятерку.

Фаина Рудольфовна боролась и соглашалась, шла на компромисс и объявляла войну в зависимости от оставшихся у нее в арсенале сил.

Она шла через двор, обходя припаркованные автомобили, не замечая, как мысли о школе сделались для нее такими привычными, что даже на расстоянии от работы она горячилась, переживала и все время боялась сделать что-нибудь не так...

Тут случилось нечто странное.

Каким-то особенным женским чутьем Фаина ощутила опасность.

Еще через мгновение она услышала тихий звук, который напоминал шелест перьев на ветру.

Перед тем как обернуться, Фаина почувствовала, что в ее правое плечо врезалась птица, скользнула когтями и взмыла вверх. Почему она решила, что это именно птица?

Учительница посмотрела назад и увидела ворону, которая сидела на заборе и, поворачивая голову, глядела на нее черной бусиной глаза. Птица раскрыла рот и громко каркнула. От

такого нахальства Фаина оторопела, не зная, пугаться ей или смеяться. Она проверила в руке сумку, на вес довольно тяжелую, чтобы в случае надобности отбить следующую атаку.

Фаина ускорила шаг и услышала над головой хлопанье крыльев другой вороны. Скоро к птице сверху присоединилась та, что сидела на заборе.

Женщина вжала голову в плечи и пошла в сторону гимназии, не понимая, за что на нее так ополчился животный мир.

Вороны продолжали кружить над ней, недовольно каркая, но новых попыток напасть не предпринимали.

Так, в сопровождении шумной компании, заслуженный педагог добралась до школы.

На крыльце Фаина Рудольфовна встретила коллег. Она еще издали узнала Элеонору Павловну, женщину средних лет, всегда носившую длинные серьги и аккуратную короткую прическу. Рядом стоял Роман Штыгин, учитель физкультуры, редко с кем беседовавший.

Элеонора Павловна всегда казалась ей той самой русской женщиной, которая на скаку останавливает коня и заходит в горящую избу. В школе она уже много лет вела литературу.

«Сильная женщина, – в очередной раз подумала Фаина, глядя на нее, – взять на себя нынешние одиннадцатые и десятые классы, а сколько еще и до этого было у нее оболтусов...»

Сильная женщина улыбнулась широчайшей своей улыбкой.

– Добрый день, моя радость! Что ты так бледна?

Кто-то сказал, Элеонора Павловна «вмещает» много чувства юмора и именно это позволяет ей работать с детьми эффективно. Однако Фаина слышала, что коллега собирается уходить из гимназии. Слухи или правда? И в чем причина, если все-таки – правда? Фаина тоже собиралась уходить. А кто не собирался?

– Здравствуйте, – грустно протянула учительница истории.

– День, наполовину занятый педсоветом, не может быть добрым, – с вечной иронией в голосе пробасил Штыгин. – Я смотрю, вы не одна?

Птицы покружили, обиженно покричали и сели на ближайшее дерево.

Фаина заставила себя не смотреть на руку Штыгина. И тем не менее, как и всегда, не сдержалась и бросила короткий взгляд. «Металл или пластик? – думала она. – А может, и деревянная...»

– Это не смешно, – засопела Фаина Рудольфовна. – Они преследуют меня от самого метро. Уже становится страшно. Не понимаю, что им от меня нужно!

– Может, Фаиночка, они хотят свить на тебе гнездо? – разразилась залившимся смехом Элеонора Павловна.

Не очень удачная шутка. Волосы у Фаины сегодня укладывались ужасно. Но, услышав заразительный смех учительницы литературы, она не обиделась. Другое дело, если бы то же самое сказал Штыгин.

– Никогда не видела таких безумных птиц. Что они во мне нашли?

– Может быть, вот это?

Штыгин был выше ее на голову, он протянул к ней правую руку и вытащил что-то из капюшона. Фаина даже не успела отшатнуться.

– Куриная кость?! Как она там оказалась?

– Может, муж подложил? – Элеонора Павловна хохотала так, что у нее выступили слезы. Ее смех заразил и остальных.

– Возможно, птица случайно уронила кость прямо вам в капюшон? – Штыгин выбросил находку во двор, вороны тут же накинулись на нее и с криками полетели прочь. – Или вы съели куриную ногу и оставили косточку про запас.

Теперь Фаина вспомнила, как птица врезалась ей в плечо, наверное, пыталась забрать выпавшую добычу. Усталое лицо женщины растянулось в улыбке, и она со своим характерным чуть повизгивающим смехом присоединилась к раскатисто хохочущей Элеоноре Павловне.

– Ну ладно. Значит, не зря приехала на педсовет. Будет что рассказать мужу.

Смеялся ли над этой историей Штыгин? Вроде даже улыбнулся. Хотя глаза у него, кажется, всегда были грустными. Нет, не грустными... Это глаза человека, который видел много страданий, немного больше, чем можно выдержать, сохранив способность смеяться над чужими шутками. Эхо войны... Наверное, он по привычке ударил того старшеклассника из другой школы. Говорят, тот бил одноклассниц и воровал. Но все же первое правило: никакого физического контакта. Поэтому его и уволили тогда. Интересно, какой рукой он ему?.. Ну ладно, хватит об этом думать.

Спустя несколько мгновений через улицу напротив школы с ревом пронесся грузовик. Фаине даже показалось, что послышался глухой удар, и вороны после этого замолкли.

– Вы слышали? Что это было?

– Камень или что угодно! Носятся, как угорелые! – вскричала Элеонора Павловна, уперев руки в бока. – Ни на знаки не смотрят, ни на светофор! Что же за безобразие, ведь дети ходят! Сто раз администрации говорила – ставьте «лежачего полицейского»!

– Тогда на уроках только грохот грузовиков и будет слышен, – расстроилась Фаина.

– Вот на педсовете и обсудим эту проблему! – воскликнула Элеонора Павловна, бодро взяв под руку учительницу истории.

Они вместе поднялись в душный класс, который уже заполняли другие учителя.

Фаина Рудольфовна беглым взглядом осмотрела присутствующих и обнаружила только одно незнакомое лицо. Среди массы женщин, по большей части бальзаковского возраста, среди ярких нарядов и причесок он явно выбивался из толпы. Лишь на мгновение у Фаины промелькнула мысль: что здесь делает этот худой молодой человек с пронизательным смеющимся взглядом? Новый учитель? Слишком молод. Скорее практикант. *Такие* иногда приходили на пару месяцев, набирались впечатлений и уходили с тем, чтобы больше никогда не вернуться к школьникам.

«А может, это просто очередной представитель банка, пришедший предложить нам золотую кредитную карту?» – подумала Фаина и, подавив зевок, перестала рассматривать незнакомца.

Начало собрания, как всегда, задерживали, потом в кабинет вошла Маргарита Генриховна, завуч по учебно-воспитательной работе, грозовая туча над головой отстающих школьников, вылившая холодную воду на головы учителей и классных руководителей, по капле в секунду, пока каждый не вымокнет до нитки.

Какое-то время в классе стоял мощный гул, который по привычке никто не замечал. Намеренно не замечали и Маргариту Генриховну. Никто не желал начинать эту мучительную пытку – педсовет в начале года.

Фаине не потребовалось много времени, чтобы узнать последнюю информацию. Через уста женщин она вливалась в ее уши сама.

Спустя мгновение она уже с любопытством рассматривала нового учителя биологии, которого по ошибке приняла за банковского работника.

Собран, спокоен. Но кажется несколько обескураженным. Это скорее всего оттого, что он ожидал увидеть собрание серьезных педагогов, чинно обсуждающих вопросы, возникшие на повестке дня, а увидел овощной рынок.

«Если он глуп, то решит, что люди здесь несдержанны и невоспитанны. Подумает: как они могут научить слушать детей, коль скоро не умеют слушать сами? Если он хоть немного наблюдателен и сострадание ему не чуждо, то заметит, что основная масса здесь присутствующих – педагоги, которые провели сегодня по шесть-семь уроков. Больше половины этих людей имеют хронические заболевания, недосыпают и недоедают, эмоционально нестабильны из-за того, что все лучшие чувства потрачены на детей. Они перекинули язык через плечо и двигают им исключительно для того, чтобы расслабить перенапряженный мозг».

Но на лице молодого человека не читалось ни презрения, ни сострадания. Фаине только однажды показалось, что он усмехнулся в руку, или затем и держит ладонь у лица, чтобы никто не заметил его улыбки. «Ну что ж, если он умеет смеяться, значит, продержится здесь какое-то время. Здесь остаются или те, кто все время смеется, или те, кто совсем разучился это делать».

В класс размеренной походкой вошла директор. Она вплыла подобно ледоколу, который медленно и величаво ломает шум, как ледяную корку, и оставляет за собой тихую полосу воды. Мария Львовна устроилась в эту школу директором недавно, но, видимо, у нее уже успела сложиться крепкая репутация, раз все замолкали при ее появлении. А может быть, она просто умела кратко излагать самую важную информацию, в отличие от остальных выступающих.

Фаина слушала. Говорили про начало года и меры безопасности, про то, что было отремонтировано в школе за лето, про новую мебель в кабинете информатики, которую дети не должны испортить в первый же месяц.

Говорили и про то, что повторялось каждый педсовет: учителя должны вовремя и аккуратно заполнять журналы, дети не должны ходить без школьной формы и сменной обуви, из столовой запрещено выносить пищу, а родителям нельзя в руки давать школьный журнал без присмотра, так как встречались случаи, когда они приписывали своим детям хорошие оценки. Все эти правила, а также многие другие, будут еще не раз нарушены, но Фаина слушала и мечтала, что ей удастся с помощью четкого планирования обойтись в новом году без происшествий.

Мечтала, хотя и знала, что в школе не бывает ни одного предсказуемого дня.

Наконец перешли к частным вопросам. Словно присутствующие были не коллегами, а друзьями по несчастью, Мария Львовна в сердцах рассказала о предательстве выпускницы прошлого года, избалованной и ленивой девицы, над поступлением которой в вуз учителя трудились несколько лет. Девица совсем не хотела признавать свою неспособность концентрироваться на подготовке к экзаменам, в чем виновата, по мнению родителей, была школа. Особенно яро выступала бабушка, уверенная, что ее внучку не оценили твердолобые и жестокосердные преподаватели. Девица, к удивлению педагогов, в вуз все же поступила. Но бабушка, по профессии юрист, вместо благодарности натравила на гимназию все возможные проверки, вспомнив даже подаренный родителями в класс принтер. И теперь работа почти сотни учителей будет замедлена и обременена бумагами из-за призрака этой старухи, сидящей на пенсии и от скуки и обиды пылающей жадной мести школе, которую уже покинула ее внучка.

Такие истории в школе не редкость. Фаина вспомнила, как упомянутая девица в восьмом классе незаметно скомкала выданную контрольную по истории с плохой оценкой и сказала дома, что учительница потеряла ее работу. Потом приходила та самая бабушка, в шляпке и с вуалью, с большой родинкой над верхней губой, и требовала объяснений. Она говорила с Фаиной как с несмышленной девочкой. С тех пор у учительницы все работы оставались на руках, хотя это и выливалось к концу года в горы бумаги.

Когда женский коллектив поохал и попричитал, пришло время представить новых коллег.

– Всем вам хорошо известно, что мы начали год без учителя биологии, коллеги, – начала Мария Львовна, – но больше нам не придется заменять этот предмет. Я считаю появление молодых учителей, особенно мужского пола, хорошим знаком для начала успешного учебного года...

Директор не успела договорить – теперь класс наполнился таким гулом и жужжанием, что перекричать кого-то было невозможно.

– Озеров Кирилл Петрович, молодой специалист. Он имеет небольшой опыт преподавания и степень магистра. Время не терпит, и послезавтра он уже работает вместе с нами. Коллеги, прошу оказать всякое содействие и помощь. А сейчас Кирилл Петрович расскажет немного о себе.

Новый учитель встал, кивнул, проговорил пару дежурных фраз и сразу сел на место. – Смелый, – шепнула Элеонора Павловна, – или безумный. Чего он сюда приперся?

«И сдержанный, – подумала Фаина, – не стал раскрывать хвост, как павлин. Терпеть не могу мужчин, которые становятся садовниками в цветнике. А может, все мы уже стары для него?»

Впрочем, на него бросали разные взгляды, от любопытных до полных сомнений.

«Они не верят, что он продержится долго, – поняла Фаина. – Сколько их приходило, а один только Штыгин остался. Ну, тот хотя бы был на войне. Детям это интересно. Кажется, многие здесь сомневаются и в профессионализме новичка. Штыгин умеет командовать. Я – соблюдаю правила. Элеонора распекает и подкалывает шутками через одного, а чем возьмет он?»

Учительнице истории стало известно, что в гимназии Озеров появился сегодня, говорили даже, без предварительного звонка. Если бы мы не нуждались в учителе биологии, разве его взяли бы так легко? Еще полчаса назад он сидел в кабинете директора, и вот его уже приглашают на общее собрание. Всего за полчаса о новости уже знали все дети. В первый рабочий день он сразу выйдет на пять уроков, и дальше ему придется применить все свои способности, чтобы выдержать напор сотен разных характеров. Первые часы решат все. Если бы только можно было делать ставки, как разбогатели бы некоторые учителя! Потом он может проработать месяц или два, но с самого начала будет ясно, за кем первый бой: за учениками или за учителем. Добро пожаловать на нашу войну с темнотой!

Они изучат его под микроскопом, как инфузорию-туфельку, и добавят все известные красители. Но даже если он останется – это только начало главного сражения длиной во всю жизнь...

Мария Львовна представила еще двух новых сотрудников. Однако они не вызвали у Фаины особого интереса. Одна женщина пришла на должность учителя начальных классов. Этот шаг позволил ей устроить в гимназию младшего сына. Начальная школа находилась на другом этаже, поэтому Фаина сразу решила, что времени и сил на то, чтобы завязать новое знакомство, у нее не будет.

Вторую учительницу нельзя было назвать новой сотрудницей: во-первых, ей уже семьдесят пять, во-вторых, она с перерывами работала в гимназии с тех пор, как школа возродилась из ЗАГСа. В последние годы Анна Сергеевна Богачева дважды уходила на отдых по причине болезни, но возвращалась. Ее невозможно было представить больной, среди учителей ее называли «живчиком». Для своего возраста она демонстрировала необычайно ясный ум и рассыпала вокруг щедрые заряды бодрости и веселья. Она была известна тем, что пела на юбилеях комические куплеты и танцевала наравне с молодыми.

Некоторые педагоги часто были недовольны тем, что она задерживала уроки, когда в пылу с детьми исполняла музыкальные хиты со всего мира, не замечая звонка. Анна Сергеевна пела высоким писклявым голосом, как у девочки, ее морщинистые руки игриво бегали по клавишам, увлекая самых стеснительных детей в космос музыкальной эйфории. Возвращение Богачевой было встречено коллективом бурными овациями.

Мария Львовна попросила у присутствующих прощения и удалилась. У кабинета директора ее ждала толпа недовольных родителей – довольные просто так не приходят. Как ни мучительно было Фаине сидеть на собрании, но оказаться на месте руководителя ей сейчас не хотелось.

«Я хороший исполнитель. Я профессионально выполняю то, что мне поручили. Вот и все».

Следом за директором снова затянула скучнейшую песню завуч Маргарита Генриховна: перетаптываясь с ноги на ногу, голосом воспитателя детсада она слишком много говорила о

предназначении учителя и о других возвышенных вещах людям, которые устали настолько, что готовы были прилечь хотя бы на пол.

За это время Фаина успела хорошо разглядеть коллег.

Молодая учительница французского дергала за прядь волос сидящую перед ней немку и шептала ей что-то на ухо, последняя, в свою очередь, мечтательно оглаживала юбку с бахромой, рассматривая узор на подоле. Штыгин глубоко задумался и, как мальчишка, ковырял ручкой винтик на парте. Богачева что-то рассказывала сидящим вокруг своим высоким писклявым голосом. Кто-то тарабанил ногами, кто-то даже залез в смартфон и смотрел погоду на выходные.

Многие выглядели загоревшими и хорошо отдохнувшими. Чего нельзя было сказать о Фаине. Кажется, затеять дома летом ремонт было не лучшей идеей. Ну ничего, через месяц учебный процесс сделает все лица одинаково бледными и постными.

Пока она рассматривала наряды женщин и переписывалась ехидными записочками с Элеонорой Павловной, собрание незаметно утихло. Фаина не сразу поняла, в чем причина тишины, и на всякий случай тоже умолкла.

– Коллеги, это просто смешно, – продолжала Маргарита Генриховна, – на прошлом педсовете в конце весны мы просидели так четыре часа и никто не взял на себя ответственность. Что же это получается? Дети никому не нужны? Теперь у нас больше нет времени, и пора решать. Я прекрасно понимаю, как вы все загружены...

– О чем речь? – тихонько спросила Фаина Рудольфовна у Элеоноры Павловны.

– Шестой «А» остался без флага. Никто не хочет брать. Вернее, их просто некому брать. Большинство предметников уже имеют классы. Англичане – ты же их знаешь, они у нас особенные, у них, видите ли, маленькие кабинеты. Ну нет у нас больше классных руководителей! Ты хочешь взять?

– Нет уж, спасибо. У меня только в прошлом году выпустились. Дайте мне в себя прийти.

– Вот видишь. У каждого свои причины!

Фаина насупилась и втянула голову в плечи. Сейчас главное – не высовываться. А предложат – протестовать.

– А почему бы новым коллегам не взять класс? – предложила Богачева, потрясая копной седых волос и глядя весело из-под очков с толстыми линзами.

Хорошо, что предложила она. Кого-нибудь другого могли бы разорвать на части. А старушек все жалеют.

Все собрание остановило взгляд на новоиспеченных. Сама Богачева к ним не относилась, за учительницей начальной школы и так закреплялся класс.

– Я понятия не имею, что должен делать, – признался Озеров, – боюсь, я не готов...

Вид у него был серьезным. «Хорошо быть мужчиной, – подумала Фаина, – скажешь решительно, и все уже, тебя не тронут...»

– Оставьте человека в покое! – вмешалась Элеонора Павловна. – Дайте опомниться! У него четырнадцать классов, он должен привыкнуть к новому месту, в конце концов...

– Мы могли бы всему обучить, – с сомнением в голосе сказала Маргарита Генриховна, – но боюсь, Кирилл Петрович действительно должен... хм... адаптироваться...

«Она не хотела, чтобы его к нам приняли, – поняла Фаина. – Она и мужу родному не доверила бы любимых учеников, они для нее вместо детей собственных...»

Снова повисла неловкая пауза. Затем посыпались предложения. Выглядело все это вроде передачи эстафетной палочки. У каждого находились вполне уважительные причины, чтобы отказаться.

Тогда Маргарита Генриховна сложила аккуратно листочки в стопку, сделала «высококультурное» лицо и применила запретное оружие. Она принялась долго и подробно рассказывать о должностных обязанностях каждого учителя. Ее голос гипнотизировал и сотрясал

душный воздух кабинета, превращая еще живых педагогов в бездушных зомби. Длительная осада мозгов начала приводить к первым всплескам недовольства. То тут, то там вспыхивали короткие скандалы.

Скоро в кабинет вернулась Мария Львовна. Она попробовала зайти с тыла и намекнула, что вот-вот уже настанет время, когда классных руководителей будут назначать в обязательно-принудительном порядке. Ее голос становился все жестче. Но даже директору оборону было не сломить.

– Класс хороший, – убеждала она, – коллеги, уважайте труд начальной школы. Да, недавно в шестом «А» подрались мальчишки. Но этот вопрос улаживается.

Фаина помнила недавнюю драку. Это она дежурила в рекреации, когда раздались вопли «болельщиков». Кажется, кто-то пытался отобрать яблоко у того нового мальчика или что-то в этом роде. Что за нелепость? Кому нужно надкушенное яблоко. Но у детей всегда так. Такая мелочь, а она побоялась подойти к шестиклассникам – так сильно они сцепились. Пришлось звать старшие классы...

– Коллеги, имейте совесть! – выкрикнул кто-то из учителей начальной школы. – Мы воспитываем их, чтобы отдать вам. А вы ничего не хотите делать!

Штыгин дремал. Учительницы по математике и немецкому смотрели в окно. Озеров выглядел хмурым и чесал переносицу. Элеонора Павловна повторяла: «За тысячу в месяц сами корячьтесь, сами не спите ночами».

Администрация пошла путем пряника, а не кнута. И начала сулить вознаграждения. Но присутствующие хорошо знали действующую систему. Многие уже не раз работали классными руководителями.

Фаине показалось, что в голове у нее туман, такой густой, что она слепнет. Она поморгала, но это не помогло. Еще пять минут, и ее, кажется, стошнит. Сколько прошло времени? Три часа? Четыре? Что за насилие над личностью!

– Я готов попробовать.

Фаина вздрогнула. Голос был мужской, незнакомый.

Воцарилось молчание. Кто-то неловко поерзал на стуле.

– Я попробую, если больше никто не хочет, – повторил Озеров спокойно. Он выглядел утомленным.

– Кирилл Петрович, спасибо вам, – медленно проговорила директор, – мы окажем вам всю необходимую помощь.

– Но у него же четырнадцать классов. Боюсь, молодой человек не справится с такой нагрузкой за неимением опыта! – попыталась робко возразить Маргарита Генриховна. Прежний руководитель всегда прислушивалась к ее советам, они были одного возраста и начинали вместе, но новый директор считала, что завуч задержалась на своем месте и не всегда поспевает за событиями, однако предложить ей пойти на пенсию сейчас значило бы обратить на себя копыя всей старой гвардии учителей.

– Не бойтесь, Маргарита Генриховна. Во-первых, не четырнадцать, а десять. Я веду переговоры с нашей прежней учительницей, которая ушла в соседнюю гимназию, – она готова взять десятые и одиннадцатые классы. Кириллу Петровичу будет полегче. Во-вторых, у нас много сотрудников, которые с радостью поделятся опытом.

«Расскажите ему, почему ушла старая учительница, – подумала Фаина, возмущаясь. – Расскажите, что у нее даже не было своего кабинета для занятий и что дети, все до одного, из-за отсутствия практических работ хотели сделать из нее чучело. Расскажите также, что тот, кто берет одиннадцатые выпускные классы, получает высокие баллы при аттестации, а значит, может рассчитывать на более высокую зарплату, и это было единственное условие, на котором она вернулась назад. Об этом он узнает только через пару лет, время есть. И еще. Почему бы вам не сказать человеку прямо, что вы боитесь ставить его на классы, сдающие государ-

ственные экзамены, потому что считаете, что он не сумеет подготовить их? Впрочем, Кирилл Петрович, тебе повезло – в старших классах водятся те, кому уже ничего не интересно, а ты будешь работать с кровопийцами, разрушителями и революционерами, но с очень любопытными революционерами».

Собравшиеся облегченно выдохнули. Педсовет снова ожил, зашевелился. Послышался смех, радостные возгласы. Кто-то одобрительно кивал Озерову.

– Расскажите ему, сколько обязанностей у классного и сколько за это платят... – процедила сквозь зубы Элеонора Павловна, словно продолжая мысли Фаины.

Директор подняла руку, призывая к тишине.

– Сразу назначим дублера классного руководителя. Думаю, с этой ролью чудесно справится Фаина Рудольфовна. В прошлом году она выпустила замечательный класс и сможет обо всем рассказать молодому человеку.

Элеонора Павловна ободряюще хлопнула Фаину по плечу:

– Хы-ых! Ничего не поделаешь, моя девочка, вороны знали, в кого бросать кость.

Какое-то мгновение все в учительнице истории возмутилось, запротестовало новому назначению. Она встретилась глазами с Озеровым – он пожал плечами и улыбнулся.

Фаина сделала над собой волевое усилие и кивнула – дублер только изредка замещает классного, когда того нет, иногда сопровождает школьников на экскурсии. «Это не займет у меня много времени, не так много, как если бы меня назначили классным руководителем».

После педсовета многие подходили к новым коллегам и знакомились. Фаина видела, как Богачева с ровной осанкой (и это в ее семьдесят пять!) подходит к Кириллу Петровичу и, глядя хитро и весело из-под толстых линз очков, пожимает морщинистыми руками его ладонь и шепчет:

– Ты уж прости меня, дружок, что я предложила новеньких. Но это хороший опыт для тебя – пригодится в преподавании.

– Ничего-ничего, – говорил Озеров, расплываясь в улыбке и тая от обаяния интеллигентной старушки.

Штыгин приветствовал Кирилла Петровича крепким рукопожатием, назвал свое имя и сказал, что когда он был молодым, то тоже любил брать на себя много бестолковых обязанностей. Фаина взглядела в лицо Озерова – поймет ли новый человек вечно хмурую иронию Штыгина? Кирилл понял и ответил, что, мол, значит, он на правильном пути, так как видит перед собой состоявшегося человека. Штыгин вроде бы даже ухмыльнулся. Как отметила Фаина, молодой человек даже не посмотрел на левую руку учителя физкультуры: или не заметил, или умело сделал вид, что не видит.

Подошла Элеонора Павловна и сказала так, будто знала Озерова всю жизнь:

– Не понимаю, Кирилл Петрович, зачем ты сюда приперся? Но дай Бог тебе сил и терпения. У меня уже нет ни того ни другого. Нужно будет что, обращайся. Я на четвертом этаже, в правом крыле, в кабинете русского и литературы.

Озеров кивнул. То, что у Элеоноры получилось легко, в исполнении Фаины звучало бы как панибратство.

Поэтому она, несколько смутившись и не подходя слишком близко, проговорила по возможности бодрым голосом:

– Ну, Кирилл Петрович, с вами мы теперь часто будем видеться. Обращайтесь. Вы взяли на себя, конечно, адский труд, но я такая же. Хочу побольше успеть. Давайте обмениваться контактами.

Когда Фаина покинула школу, на дворе еще светило солнце. По перилам опять лазал Емеля Колбасов, как всегда с красным лицом и в растрепанном костюме. Увидев Фаину, он с чрезмерным усердием вытянулся в струнку и с преувеличенным уважением поклонился:

– Здравствуйте, Фаина Рудольфовна!

– Здравствуй, Колбасов, – устало отвечала она. – Ты почему еще не дома?

– У дедушки «Волга» сломалась. Но он скоро будет.

Вчера Емеля пытался убедить весь класс, что римляне произошли от казаков. От очень древних. Он читал об этом книгу с дедушкой. Ну если книгу, то, возможно, это и правда!

– Ой! Фаина Рудольфовна!

– Что, Емеля?

«Дай мне наконец вернуться домой, к мужу». Он догнал ее, не особенно обращая внимание на кислое лицо учительницы.

– Будьте осторожны! Тут гоняют грузовики. Сегодня сбило птицу. Илья Кротов мне не поверил – сказал, что это две птицы, но мне кажется, одна, просто с двумя головами. Клювы держали кость. Вот так!

– Как? Кость?

Фаина задумчиво замерла, а затем пошла к школьной калитке. Мальчик стоял и смотрел ей вслед. Учительница истории остановилась, как будто что-то забыла на работе, и, обернувшись, сказала:

– Емеля, мальчик мой, их было две. Днем птицы летали тут, рядом... И кость у них была. Жалко, что это их последний теплый день. Жалко.

Колбасов упрямо выпятил подбородок.

– Но ведь двуглавые орлы существуют! Этого вы не станете отрицать?

Аладдин

Юноша сидел на перевернутой бочке возле гаражей и смотрел на дорогу. Изредка проезжающие автомобили поднимали в воздух клубы песчаной пыли.

Он уже облазил весь гараж вдоль и поперек, вытащил к выходу грязные велосипеды, а отца все не было.

«Сколько мне еще ждать? Если мы не проедем сегодня хотя бы сто метров, значит, лето прошло напрасно».

От очередной легковушки поднялось песчаное облако. Андрей сплюнул и натянул на нос клетчатый тонкий шарф, который защищал его от городской пыли. Может, из-за того, что он приезжал в этом шарфе каждое утро в школу на велосипеде, или потому, что глаза у него были карими, а брови густыми, приятели прозвали его Аладдином, или Элом, хотя не было у него родственников с востока, а кожа была светлой от рождения.

Впрочем, он не обижался на это прозвище. Ну и что с того, что он похож на персонажа мультфильма? Правда, Андрей не отказался бы от летающего ковра: это было бы очень кстати в связи с началом учебного года – сесть на него и улететь.

«Если папа узнает, что я на первой же неделе успел получить пару по алгебре, то опять всю дорогу будет молчать. А уж эта гримза позаботится о том, чтобы он узнал...»

Следующая машина показалась Андрею знакомой.

«Папа столько воевал, а все, что ему вручили, – это ведро».

Однако Андрей знал, как «ведро» могло разгоняться, отец хорошо следил за своей жестянкой. Юноша встал, откинул назад отросшие до самых глаз каштановые волосы, и его худая фигура снова исчезла в клубах песка, поднятого шинами в воздух.

Скрипнули тормоза, хлопнула автомобильная дверца, и из облака пыли раздался голос:

– Привет, бандит. Когда идем грабить поезд?

Юноша снял с лица платок. На зубах скрипел песок.

– Ты чего так долго? Я уже сорок минут тут сижу!

«Я скучал. Мама снова ко мне цепляется. Мы не виделись больше двух недель» – это если ту же мысль передать другими словами.

Отец носил свои командирские часы без ремешков в кармане – на правую руку надевать их было неудобно. Он мельком взглянул на циферблат и убрал часы обратно.

– Извини. Нам устроили педсовет. Будь моя воля, я был бы здесь на три часа раньше тебя. Да ты оброс, как зубр! У меня в гараже лежит болгарка, подровняем тебе челку?

– Не начинай, как мама!

– Как мама? Да у меня никогда так хорошо не получится.

– Зачем тебе эти старые часы? – спросил Андрей.

– Хочешь такие же?

– Хочу.

– Когда-нибудь я тебе их отдам.

– Когда-нибудь?

– Когда будет подходящее время.

Андрей больше не дулся. На отца вообще невозможно было долго обижаться.

– Идем, что там у тебя?

– Кажется, что-то с камерой и тормоза барахлят.

– Колесо проверишь сам. Держи!

Отец вытащил из багажника велосипедную камеру и бросил Андрею.

Они перевернули велосипеды и принялись за дело. Юноша знал, что с заменой камеры отец одной рукой справится быстрее, чем он двумя, но был рад возможности самому повозиться с велосипедом.

– Стой, не выкидывай. Засунь в ведро с водой и по пузырькам поймешь, где дырка.

– Зачем, она же проколота? Какой с нее прок?

– Одноразовое поколение! Привыкли жить на всем готовом. Ты на ней еще два года сможешь ездить.

– Ладно. Чего делать-то?

– Придумай сам.

– Можно взять с той полки мембрану, вырезать небольшой круг и приклеить.

Отец кивнул. Андрей взял ножницы и растянул черную резину.

– Как бабушка, пап?

– Полдня лежит. Читала вслух Данте, когда я завтракал. Говорит, что ее заберут в восьмой круг, потому что она любит давать людям дурацкие советы.

– О, мы должны были эту книгу читать летом. Меня хватило только до третьего круга.

– Слабак. Дальше – самое интересное.

– Не могу, этот древний язык и все эти рифмы... Слушай, как ты можешь так долго сидеть с бабушкой? Я имею в виду – как тебе не скучно?

– А у меня есть выбор? Это ведь моя мать. Сначала нужно зачистить наждачкой. Три не сильно. Теперь клей.

Андрей украдкой посмотрел на отца – когда тот закручивал гайку, на виске под кожей проступил кровеносный сосуд. «Раньше там ничего не было».

– Я бы не смог просидеть с мамой и часа. Мы все время торчим в разных комнатах. Что бы я ни взял в руки, ее все бесит. – Аладдин выдавил клей и осторожно приложил заплату.

– Ты смог бы, если б узнал, что она тяжело болеет.

Голос отца стал угрюмым.

«Почему он защищает мою мать? Она ведь его бывшая жена. Сам он не смог с ней жить, вполне здоровой».

Андрей представил, как узнает о том, что мать заболела, – наверное, они больше не будут ссориться. Что за глупость? Неужели кто-то должен быть при смерти для того, чтобы между людьми воцарился мир?

– Ты же знаешь, какой у нее тяжелый характер, пап.

– Что об этом говорить? Слова на ветер.

Лицо отца сделалось темнее тучи. Андрей мог на этом остановиться, но все же спросил:

– Почему я не могу переехать к тебе? Я все равно только раздражаю ее.

– Я уже тебе говорил сто раз. Во-первых – суд. Во-вторых...

– Каждый должен быть на своем месте. Мы нужны там, где все плохо, чтобы это место нашими усилиями стало лучше. Сдаваться нельзя. И тому подобное. Много тебе удалось изменить в нашей школе?

«После того, как тебя уволили из другой за драку, а следом пришлось уйти и мне», – едва не сказал Андрей, но сдержался, потому что и так наговорил лишнего. Он не хотел расстраивать отца, не хотел видеть его мрачное лицо, но язык говорил словно помимо его воли. Язык пылал злостью.

Однако на этот раз отец даже не разразился гневной тирадой, только бросил на юношу свой ироничный взгляд:

– Много. Больше, чем за всю предыдущую жизнь. Только за это не награждают медалями и похвальными листами. И убивать, как в реальном бою, никого нельзя. Хотя иногда очень хочется.

Он бросил сыну тряпку.

– Станешь совершеннолетним – будешь решать, с кем жить. Протри свой велосипед. Каждый день он должен выглядеть как новый.

Андрей стал отковыривать засохшую грязь с рамы и педалей.

– Если мне нельзя к тебе переехать... То хотя бы скажи, как мне с ней быть? Я ведь тоже ору в ответ.

– Попробуй отшучиваться. Желательно, чтобы шутки были над собой, а не над ней. А еще уясни...

Отец вдруг близко наклонился к нему, и Андрей почувствовал запах пота, железа и лосьона для бритья.

– Она была живой, как правая, – отец похлопал здоровой рукой левую, и послышался глухой звон. – Знаешь, что это значит? У нее были пальцы, они все чувствовали и могли согнуть медный гвоздь. Принято считать, что человек, который потерял конечность, становится несчастным. Это бред. Он остается таким же. В физическом плане он, конечно, ограничен, но если хочешь знать, даже приобретает кое-какое знание. Знание о том, что его не будет однажды на свете, как нет уже этой некогда живой части тела. Понимаешь, о чем я? Части его уже нет в этом мире. Не будет и остального. Можно исчезнуть разом или по кусочкам – разницы нет. Думать об этом полезно. Знать, что ты ограничен временем своего существования на земле. Ограничен я, ограничен ты, ограничены твоя мать и бабушка. Все они исчезнут, как исчезла часть меня. Хочешь знать, что я думаю о характере твоей мамы? Мне теперь безразлично, какой у нее характер. Я бы попробовал все вернуть, попросить прощения, помириться с ней. Потому что мне не хотелось бы исчезнуть из этого мира, оставив после себя развалины.

– Так почему, почему бы вам не сделать так?! – спросил Андрей, чувствуя, как к горлу подкатывает ком, и держась, чтобы на глаза не навернулись слезы.

Отец отодвинулся и принялся работать ключом.

– Почему? – чуть не крикнул юноша.

– Потому что прощение всегда касается двух сторон. Нельзя помириться, если тебя не простили. Заканчивай с уборкой.

Андрей усердно начал тереть тряпкой руль. Хватит этих разговоров. Он больше не будет говорить о семье. Не задаст ни одного вопроса. Ничего не вернуть – это уже давно понятно.

Кажется, он расстроил отца, а тот приехал в таком бодром настроении. Отец этого не заслуживает, как и всего того, что о нем говорят.

Юноша выжал тряпку и провел по блестящему корпусу велосипеда. В раме отражалось его лицо, оно стало растянутым и кривым. Аладдин трет волшебную лампу – и появляется джинн!

«Какие три желания ты бы выбрал? Чтобы мы все снова жили вместе? Чтобы бабушка выздоровела и помолодела? Чтобы я стал музыкантом или кем-то еще... А кем стать? Мне даже не придумать третьего желания...»

Отец перевернул свой велосипед и надавил на руль и седло, чтобы проверить, накачаны ли колеса.

– Теперь давай посмотрим, что у тебя с тормозами. У меня, например, с ними всегда было не очень.

«Он еще и шутить умудряется на эту тему!»

Юноша вспомнил тот случай, когда отец ударил старшеклассника. Никто не рассказывал ему подробностей. Самого Андрея физически никогда не наказывали, только в детстве он пару раз схлопотал по мягкому месту, но и то заслуженно. Он помнил и того старшеклассника: брат его сидел в тюрьме, да и самого его не забирали только потому, что он был несовершеннолетним. В школу ходил, чтобы играть с ребятами в кости и зарабатывать таким образом деньги на выпивку. Потому Андрей и не верил до сих пор слухам, будто отец тогда мстил парню за что-то. Вроде бы тот старшеклассник обидел кого-то на глазах у отца.

«Только не вздумай заговорить об этом». Андрей чувствовал свою вину. Злой длинный язык, вырвать бы его и выкинуть вон. Парень попытался сменить тему:

– На следующей неделе я посижу с бабушкой, если ей не станет легче. Она обычно просит меня сыграть на гитаре. Я тренируюсь, а она любит слушать.

Отец кивнул.

– Я как раз хотел тебя попросить.

Наконец они вывезли велосипеды из гаража. Юноша посмотрел на старенький спортивный велик отца – с тонкими шинами и изогнутым рулем. При езде он не издавал шума.

– Почему ты каждый раз так трясешься за свой велосипед? Все смазываешь, проверяешь...

– Я не трясусь. Это нужно, чтобы оставаться в форме. Ты думаешь, в бою люди умирают только из-за пуль и взрывов? Большая часть погибает из-за того, что не вычистили свое оружие от песка, не поменяли воду во фляге, не проверили снаряжение перед походом или пошли в ботинках, которые жмут, натерли мозоль и слегли с гангреной. А сколько тысяч не надели вовремя касок, не пришили пуговицу и вспомнили об этом только в лютый мороз.

– Но мы же не на войне, пап.

– Ошибаешься, – сказал Штыгин-старший, садясь в седло, – если я не проверю спортивный снаряд, то какой-нибудь девочке с косточками нежными, как у курочки, это может стоить жизни.

– Ты всегда таким был? Таким дотошным...

– Я не рассказывал тебе, как после армии мы пили воду из фонтана фуражками?

– Рассказывал. Здорово вас сушило... – Юноша не знал, как лучше спросить, чтобы это не выглядело глупо. – Пап, ты знал, кем будешь, в моем возрасте? В четырнадцать?

– А зачем ты ходишь в школу? Смотри, какие предметы у тебя получаются, и выбирай.

– Никакие. Мне скучно почти на всех.

– К нам пришел новый учитель биологии. Может, с ним тебе будет интересней.

– Новый учитель? Да ты что? Проверим его на досуге.

– Я тебе проверю! И не вздумай забивать на уроки.

«Сын физрука», – вспомнил вдруг Андрей. – Кто-то может называть меня Аладдином, Элом или просто по имени. Но они все равно будут перешептываться за моей спиной».

Одному такому шептуну, который назвал его «сыном инвалидика», Андрей однажды выбил молочный зуб.

Отец надел солнечные очки и крепко обхватил правой рукой руль. Левую он также закрепил на руле. На солнце блеснула сталь. Юноша тоже умел ездить с одной рукой, но не так долго, как отец.

Они тронулись в путь. Ветер весело задул в лицо.

– Батя, ты похож на терминатора, – сказал с улыбкой Андрей.

– А ты на грабителя банка, – парировал Штыгин-старший, – отличная компания. Куда едем?

– На самый высокий холм в Городе Дождей.

– Халявщик. И где такой найдешь на нашей-то равнине?

– И все же одна высота у нас есть. Боишься, слишком далеко для твоих костей?

– Смотри, не ной потом, чтобы я взял тебя на багажник, когда станет темно и завоют волки.

Отец шуточно вильнул в сторону Андрея, подрезал его и вернулся на свою линию. Юноша рассмеялся и ушел в сторону.

Это был чудесный день, вернее, его остаток. Приключения, брызги солнца, свежий ветер и раскачивающаяся спина отца на расстоянии вытянутой руки от тебя. Приятное утомление в ногах. Купленные в попавшемся по дороге магазине хлеб, сыр и колбаса – все это они смели

с большим аппетитом и запили холодной водой из фляги. Дороги с потрескавшимся асфальтом и парковые аллеи, песчаные заброшенные лесные просеки. Мелькающие сосны и березы, папоротники, случайные прохожие, светофоры, гудящие автомобили, летящие листья.

Когда они достигли вершины холма, запыхавшиеся и довольные, солнце уже медленно ползло к горизонту. Город Дождей просматривался как на ладони, но он был слишком огромен, чтобы можно было разглядеть отсюда его границы.

Этот день не должен закончиться. Андрею хотелось схватить солнце за лучи и вытянуть на середину неба. Он вдруг испугался, что оно уйдет и не вернется. Конечно, не совсем, но так часто бывало в Городе Дождей: солнце исчезало за пеленой плотных бледных облаков, исчезало на целые месяцы. Оно грело где-то там, наверху, но его все равно что не было.

Трава еще была зеленой, ласточки чертили в небе знаки, дул южный ветер.

Ничто не предвещало холодов, и не хотелось думать о том, что скоро наступит зима и в Городе Дождей начнутся четыре месяца темноты. Четыре месяца испытаний человека на прочность. Четыре месяца поисков солнца внутри себя, потому что солнце на небе всегда будет скрыто тучами и смогом, а ночь будет длинна, как мировой змей, заглотивший собственный хвост.

– Такое ощущение, что сегодня закончилось лето, – тихо сказал Аладдин, не отрывая взгляда от панорамы Города Дождей. – Что же теперь делать?

– Крутить педали назад, – ответил отец и похлопал его по плечу. – Едем домой.

«Мой дом в другом месте. Я не хочу домой».

Аладдин сел на велосипед и понесся с горы, рассекая воздух.

«Вернуться в плохое место, чтобы сделать его лучше».

Может быть, глупо, но он снова подумал о ковре-самолете...

II. Первый месяц темноты

*Время года неизвестно.
Мгла клубится пеленой.
С неба падает отвесно
Мелкий бисер водяной.
Фонари горят, как бельма,
Липкий смрад навис кругом,
За рубашку ветер-шельма
Лезет острым холодком.*

Саша Черный

«Будьте обходительны с зубрилками и ботаниками. Не исключено, что вскоре вы будете работать на одного из них».

Билл Гейтс (из советов выпускникам)

Землеройка

Люба долго смотрела на геркулесовую кашу. Она взяла ложку и потыкала ею в кусочек сливочного масла. В горячей жиже желтый кубик растаял, и вокруг него появилось янтарное озеро. Края кубика стали округлыми, блестящими, и масло медленно погрузилось в густое варево.

Люба вспомнила, как две недели назад папа возил ее в край голубых озер. Там солнце, садившееся за лес, очень было похоже на это масло.

- Мам, а можно мне шоколадку?
- Съешь кашу. Шоколадка с собой в школу.
- Я не хочу в школу.
- Я тоже не хочу на работу, но ведь собираюсь.

Мама накрасила перед зеркалом нижнюю губу, и Люба удивилась, как она это делает: умело и быстро.

- Ты очень красивая, мамочка.
- Спасибо, радость моя. Кушай, времени нет. Ты тоже у меня красивая.
- Не! У меня скобки.
- Ну и что?

Люба взяла ложкой комочек каши и попробовала его языком на вкус. Потом пристально разглядела и вернула в тарелку.

- Мам, а давай, ты не пойдешь на работу, а я в школу?
- Люба, ты же так спрашиваешь меня каждое утро и знаешь, что я отвечу.

Мама взяла позвякивающие висячие сережки и, приоткрыв рот, продела их в уши.

Люба посмотрела на свое отражение в окне и увидела там то ли девочку, то ли мальчика двенадцати лет, с пушистыми волосами до плеч, на ощупь как солома. Она улыбнулась, закатив глаза, и подняла верхнюю губу, обнажив стальные скобки, – собственная гримаса очень рассмешила ее.

- Если ты корчишь такие гримасы, неудивительно, что с тобой никто не хочет дружить.
- Это землеройка, мам, она все вынюхивает.

Затем Люба посмотрела туда, за стекло: там темно и давно уже идет дождь – всю ночь – и будет идти еще всю неделю. Люба вспомнила, как мама рассказывала про двух ангелов, играющих в кости над городом на погоду. Темный ангел всегда мухлюет и подбрасывает фальшивые кости, поэтому в Городе Дождей так редко бывает солнце. В лучшем случае шестьдесят солнечных дней из трехсот шестидесяти пяти – разве это справедливо?

- Мама, почему в этом городе всегда так?
- Как?
- Нету солнца.

– Еще даже ноябрь не наступил, а ты уже недовольна. Вот когда он наступит, тогда ты поймешь, что значит холодно и темно.

- А что, если такая погода до весны?
- Что поделать, мы все-таки живем на севере. Но до ноября солнце еще появится. Обещаю тебе.

«Может быть. Пару раз», – подумала Люба.

- Это нечестно, мам.
- Помнишь легенду...
- Про ангелов? Я рассказала на уроке, и надо мной опять все смеялись.
- Любаша, ну давай переведемся в другой класс...

– Папа говорит, что дождь идет, потому что люди здесь угрюмые и злые. Дождь смывает с города все зло. Он очищает дома, и дороги, и людей.

Мама поправила прическу в последний раз и серьезно взглянула на Любу.

– А может быть, люди угрюмые, потому что всегда идет дождь? И потому что из-за кого-то они опоздают сегодня на работу. Ешь, пожалуйста.

– Гы-гы, – Люба показала скобки и засунула ложку остывшей каши в рот, а потом ее лицо вдруг стало взрослым и серьезным. – Я не хочу идти, они не любят меня.

– Зато тебя любит Мария Львовна. С тобой играет вся начальная школа и те девочки из одиннадцатого. И мы с папой любим тебя.

– Это да. Но не мой шестой «А».

Люба отхлебнула чай из кружки специально громко и некрасиво, хитро посмотрела на маму и захохотала над ее шутивным укоряющим взглядом.

– Зато я старше всех в классе.

Ну и что, что она старше? Все это результат того, что однажды Люба поскользнулась на горке, повредила позвоночник, целый год восстанавливалась и отстала. Ей нельзя было подолгу сидеть на уроках, и она иногда ложилась на стулья и так слушала учителей. Мама тогда тоже ходила с ней в школу. Пока она была с ней, никто не осмеливался смеяться над Любой. Но потом...

Любу не дергали за волосы, не зажимали в туалете, не били и не обзывали открыто, но если она спрашивала что-нибудь, ей нехотя отвечали или попросту молчали, как будто заговорить с ней считалось чем-то постыдным. Она понимала, что отличается от них: подбирает не те слова, когда говорит, не так быстро двигается, как остальные, не может вовремя ответить на вопрос на уроке. Но с чего началось это презрение? Что именно она сделала не так? Никто уже не помнил, и она тоже. Это случилось слишком давно или всегда так было.

Люди, которые только-только появились в школе, – вот ее единственная надежда найти друзей. Потому что они еще не знали, *какая она*. Не знали, что с ней нельзя дружить.

А для тех, кто знал Любу и не принимал, существовала Землеройка – зверек, который больше времени предпочитает находиться в одиночестве, в своей норе.

Перед выходом из дома мама поцеловала девочку и поправила капюшон.

– Я забыла тебе сказать. Кажется, у вас теперь будет новый классный руководитель. Может, это порадует тебя? Говорят, он еще молод, значит, должен лучше вас понимать.

Люба пожалла плечами и накинула на спину громоздкий рюкзак. Теперь спина не болела, и врач разрешил носить его.

Ее предыдущую учительницу тоже нельзя было назвать старой. Но она и слышать не хотела о том, что девочку все обижают. Она всегда изображала, будто слишком занята делами.

На улице фонари горели тускло. Но Землеройка видит в темноте. Сейчас она доберется до подземки и спустится в тоннель метро. Землеройке там нравится – следить за людьми, рассматривать их одежду и лица, вдыхать запах духов и слушать, о чем они говорят. Землеройка должна жить под землей. Она знает все тайные ходы. Она слышала, что в Городе Дождей самое глубокое метро в мире.

Землеройка пересекла небольшой сквер и нырнула под детскую горку на площадке; вжав голову в плечи, она миновала туннель из живого кустарника – с веток капала холодная вода.

Скоро она пересекла по «норам» половину города и появилась на поверхности в другой его части.

Чем ближе Землеройка подходила к школе, тем чаще встречала знакомые лица.

Сначала она узнала Илью Кротова, который, шагая по тротуару, неизменно рассматривал что-то на земле. Этот новенький пока еще ни разу не говорил с ней. Но когда она попросила

линейку, он протянул ее. Никто другой в классе не дал бы ей ни линейку, ни какую другую вещь, словно девочка была прокаженной и все, чего она касалась, тут же покрывалось микробами.

Илья Кротов шел от дома пешком и смотрел на желтые окна. Его непромокаемая куртка с капюшоном светилась яркими полосами, когда на них попадал свет от фар. Это очень ему нравилось.

Девочка надеялась, что он дал ей линейку, потому что хорошо к ней отнесся. Он был добрый, вежливый. Даже слишком. Это выделяло его из класса, делало смешным.

Наступит день – и он промолчит и не обернется, когда она попросит линейку. Так думает Землеройка, а это очень осторожный зверек.

Прямо перед ней в школьную калитку зашел Емеля Колбасов. Он – это она, только в параллельном. Колбасов – тоже другой. Но он не умеет прятаться в нору. Он выставляет свои странности напоказ, чудит, рассказывает сказки и психует, когда его совсем достают, – и потому ему еще хуже, чем ей. Она могла бы научить его прятаться в нору. Но он меньше всего напоминает землеройку. Емеля – тапир. То ли медведь, то ли поросенок, с хоботом на морде. Неповоротливый и любопытный. Тапиры не живут в норах, они обитают на равнине. На равнине видны все странности. Иногда тапиры уходят в реку и садятся на дно. Но долго так не просидишь: вода мокрая.

Девочка поднялась на крыльцо и окинула взглядом школьный двор.

К школе оживленно стекались люди, десятки муравьиных троп вели ко входу в муравейник. Малыши бежали с гигантскими рюкзаками, и непонятно было, как их не перевешивает назад. Некоторые родители приезжали в домашних штанах и даже в пижамных – в темноте все равно никто не разглядит. Другие были одеты в очень хорошие костюмы и платья, видневшиеся из-под дорогих плащей и пальто. Эти последние садились в блестящие автомобили, словно актеры голливудских фильмов шестидесятых годов, и уезжали прочь.

Взрослые держали тяжелые рюкзаки за ручки и иногда, увлекшись, поднимали их вместе с детьми.

Под козырек заходили учительницы, поправляли прически и встряхивали зонтиками.

По грязному асфальту беспощадно тащил мешок со сменной обувью Каштанов, носатый, нервный, вечно лыбящийся девятиклассник, в первую же неделю успевший утомить всех учителей и одноклассников.

Ергольцева бежала под дождем с подругами – она забыла зонт, но не забыла надеть короткую юбку.

Учитель физкультуры Роман Андреевич Штыгин поставил машину на сигнализацию и, ничем не прикрывая голову, размеренной походкой направился к пешеходному переходу. Струи дождя стекали по его суровому лицу.

Омытый дождем светофор горел ярче. Левая рука Романа Андреевича была словно окаменевшей – он совсем не двигал ею при ходьбе.

Ученики здоровались, и это могло показаться приятным, если бы учитель физкультуры не знал, что в течение всего остального дня его будут «приветствовать» на каждом шагу, при каждом удобном случае. В школе скучно, и обычный ритуал приветствия превратился для учеников в игру: каждый считает своим долгом поздороваться с учителем не менее двадцати раз на день.

Люба вошла в вестибюль. Помещение, в котором было светло и тепло, сразу показалось ей уютным по сравнению с сырой улицей.

У вахты с ключами Монгол что-то объяснял угрюмой гардеробщице, которая стояла в мокром плаще и держала за руку мальчишку-первоклассника.

Люба подошла ближе, повертелась перед ними, поздоровалась и помогла мальчику расстегнуть верхнюю одежду – она часто играла с ним в рекреации начальной школы.

– Приходить под самый звонок опасно такой девушке! – говорил Монгол гардеробщице. – Нужно встречать детей, нужно смотреть за порядком, чтобы школьник с грецким орехом в черепе не начал скидывать чужую одежду и топтать! Нужно давать учителю ключи заранее! Много дел! Старик давно здесь ждет. Старик ждет девушку в который раз! Девушка долго едет. Старику все равно, он здесь живет. Он подстрахует. Но если придет гневная женщина, что сделает старик? На гневную женщину не действует шутка. Рот у нее как ловушка на птичку. Глаза – как у голодного волка! А если старик однажды не сможет прийти, что сделает девушка?

– Я поняла-поняла... – вяло отвечала гардеробщица Наталья, – мы на электричку не успели из-за этого сони.

Она дернула за рукав парнишку.

– Беги на урок. Спасибо вам еще раз!

Старик проводил взглядом малыша:

– Ребенок не знает, чем начнется день. Как взрослый устроит, так и начнется. Снимай мокроту и приходи, садись за ключи, пока не пришла громкая женщина.

Монгол повернулся к Любе.

– Такая маленькая мышка! Хорошо подслушивать, когда ты маленький.

– Я землеройка, а не мышь, – осклабилась Люба.

– Землеройка должна питаться каждые десять минут, – услышала девочка позади себя высокий мужской голос, – иначе погибнет. У нее слишком быстрый обмен веществ.

Сначала Люба подумала, что это сказал старшеклассник. Но обернувшись, сразу поняла, что это новый учитель, о котором ей говорила мама. Это мог бы быть и чей-нибудь папа, но родителей не пускали в вестибюль, потому что они создают давку.

Он улыбнулся ей едва-едва, больше глазами, чем ртом, и почему-то девочке сразу показалось, что с ним легко будет подружиться. Девочке или зверьку? Кто на этот раз почувствовал?

Новый учитель поздоровался за руку с Монголом, взял ключ и пошел в сторону учительской. Люба осторожно последовала за ним.

Старик легонько дернул ее за рюкзак:

– Чтобы так часто кушать, нужно поменьше сидеть в норе и много искать добычи! Кушать, чтобы жить. Жить, чтобы кушать. Девочка Люба кушает то, что слышит. А старик еще не завтракал. Во сколько откроют столовую?

– В девять! – Люба потянула рюкзак. – Ну-у-у!

Она рванула следом за новым учителем и, увидев его, сбавила темп.

Ему не очень далеко удалось уйти.

Он шел словно через минное поле: после полупустой улицы нижний этаж школы напоминал стихийное бедствие. Землетрясения, сопровождаемые хохотом старшеклассников, сменялись цунами первоклашек, рядом с которыми были разбросаны рифы рюкзаков. Некоторые из малышей, не замечая сидений, могли сесть на пол и переобуваться прямо посреди прохода, не обращая внимания на людей вокруг.

Внезапно среди них, как ураган, появилась Маргарита Генриховна. Ее стараниями ребята сдувало и уносило вверх по лестнице, словно маленький домик Элли. Но на кого сегодня должен был рухнуть домик, на какую Гингему – оставалось загадкой.

Люба затянула лямки на портфеле и ловко спрыгнула со ступеньки, прошла по узкому коридору прямо между галдящими старшеклассниками и юркнула под мышкой одного из них к дверям учительской. Сначала она просунула нос, а потом в проеме оказалась вся ее голова с соломенной копной волос. Любопытные глаза девочки уставились на группу учителей, которые, столпившись у экранов, изучали информацию, записанную с камер наблюдения. Очевидно, они просматривали какую-то недавнюю запись.

– Еще назад перемотай. Говорю тебе, это было раньше.

– Кирилл Петрович, какой это был урок?

– Кажется, четвертый, – новый учитель внимательно вглядывался в доску с расписанием, – я еще плохо ориентируюсь. Мне только сказали, что случилось это вчера.

Маргарита Генриховна раздосадованно хлопнула себя папкой по бедру.

– Это вам подарок к первому дню работы. Не успели еще встретиться со своим шестым классом – и на тебе, сразу новое происшествие. Но не пугайтесь, их еще будет много. Впереди зима. Зимой детям особенно скучно.

– Пока мне не совсем понятно, чего пугаться. Что они сделали с раковиной?

– Заткнули ее тряпкой. И открыли воду.

– Зачем?

Люба на всякий случай убрала голову обратно в коридор и посмотрела по сторонам. «Значит, они уже знают, как девочки вчера устроили потоп».

Землеройка снова просунула в дверную щель любопытный нос.

– Да нет, ты смотришь другой день. Это было двадцать пятое! – Заведующая хозяйственной частью, перетаптываясь с ноги на ногу, нехорошо выругалась.

– Во-от, ставим время. Это около двенадцати сорока случилось.

Кто-то из учителей – девочка не видела, кто именно, – нажимал кнопки, меняя настройки камеры наблюдения.

– И что там? Вот идут барышни.

– Это не они. Да это еще перемена, перемотай вперед. Теперь назад. Что ж это такое!

– Ваш класс, Кирилл Петрович?

– Наверное, мой. Я же их в лицо еще ни разу не видел.

«А вот и видел, – обиделась Люба. – Я тоже твой класс».

– Двенадцать сорок. Ага! Вот, глядите! Заходят в туалет. Вон и тряпка у них. Долго, перемотай! Стоп. Так. Выбежали. Все точно так!

– Подождите, смотрим дальше.

Люба с интересом пыталась разглядеть, что там, на экране, но спины взрослых мешали ей. Вчера девочки на уроке ИЗО устроили потоп в туалете. Для чего? Этого Люба не знала.

– Ты что здесь торчишь? Фью-ить! Знаешь, что сделали любопытной Варваре на базаре?..

Девочка обернулась и увидела над собой суровое лицо физкультурника: на висках уже проглядывают седые волосы, появившиеся раньше времени. Она несколько не испугалась – откуда-то знала, что он добрый, просто грустный. Его выдают глаза. Люба понимает, что он должен так вести себя со всеми – иначе не будет порядка. Она слышала, что он был на войне, – а там без порядка никак. Она подыграла ему, хихикнула, обнажив зубы со скобками, и, подняв руки, сказала:

– Хорошо-хорошо! Сдаюсь! Но нос мне, пожалуй, еще понадобится.

– Смотри. А то я сейчас схожу за отверткой, откручу его и положу в карман.

– Нет уж! – Люба взвизгнула и поспешно спряталась в толпе.

Роман Штыгин вошел в учительскую. У него в руках даже не было портфеля. Он был здесь единственным, кто носил джинсы и свитер. Физрук лениво посмотрел на доску с расписанием и услышал позади себя голоса:

– Вот, бежит остальной класс. Бьют тревогу!

– Значит, раковина уже переполнилась и вода льется на пол.

– Пишите! Все это случилось во вторник... Кулакова и...

Прозвенел звонок, но по ступеням школы продолжали подниматься люди. Кто-то бежал, волнуясь, что опаздывает, другие даже не пытались ускорить шаг.

Люба смотрела в окно на детей и взрослых, взбирающихся на крыльцо.

«Интересно, есть ли хоть один человек, который входил бы сюда по собственному желанию?» – подумала вдруг она.

Нужно было идти в класс.

Лучше сейчас тихонько сесть, чем опоздать и зайти в кабинет под всеобщее улюлюканье.

Толик-Йорик

Гришаня долгие годы жил в шкафу. Иногда его звали Толик или Йорик. Судьба его чем-то напоминала судьбу старого школьного пианино, но в отличие от «Красного октября» он почти не издавал звуков, только порой нервно поскрипывал.

Тело Гришани – место боевой славы. По его конечностям прошли танки детского любопытства, авиация подростков бомбила его неиссякаемым запасом оригинальных бытовых предметов, которые побывали во всех его отверстиях, наконец флотилия старшеклассников превратила танцы с ним в ежедневный ритуал. Армия сама выбрала ему имя.

Гришаня (слава богу!) был сделан из пластмассы. Но не проходило и дня, чтобы кто-нибудь, увидев его, не воскликнул: «А он настоящий?»

Левая кисть была навсегда утеряна. Она хранилась у выпускника гимназии Сережи Зойтберга на даче, приделанная ржавым гвоздем к дверному косяку в его комнате. Иногда Сережа гремел костяшками и пугал ими своих гостей.

От грудины отходило несколько ребер, закрепленных металлической проволокой. Это случилось, когда кто-то положил Гришаню на парту и пытался спасти его от сердечного приступа непрямым массажем сердца. И неважно, что сердца у него никогда не было, важно, что, как и у старого пианино, у Толика-Йорика была страдальческая душа.

Альберту повезло меньше. Хотя он был гораздо моложе Гришани и снаружи сделан из резины, прожил он всего два месяца. Школа приобрела его для занятий ОБЖ, чтобы тренироваться в том самом массаже сердца. Альберт напоминал супермена, только без рук и ног. На специальном пульте мигали лампочки, обозначающие его самочувствие. У него даже был индикатор, показывающий перелом ребер. Но создатели Альберта явно не ожидали, что тайком от учителя его вытащат из-под стола, сядут ему на грудь и несколько раз подпрыгнут (потому как он «хорошо пружинит»). Альберт умер смертью храбрых – раздавленный пятой точкой какого-то упитанного школьника...

Правая большая бедренная кость Толика-Йорика имела две глубокие вмятины. Братья Мухины однажды ставили эксперимент: что прочнее – швабра или эта самая кость. К счастью для Гришани и швабры, поединок был вовремя остановлен прежней учительницей биологии.

Наконец, самым многострадальной и популярной его частью был череп, который легко снимался со штыря, крепящегося к позвоночнику. Пружинки, соединяющие нижнюю челюсть с верхней, были растянуты, отчего Гришаня всегда выглядел слегка удивленным. Передние резцы – перемазаны застывшим коричневым месивом: кто-то решил, что скелет голоден, и накормил его шоколадным батончиком. Хорошо, что это был всего лишь шоколад.

Именно неустанное внимание погубило Толика-Йорика. Любовь школьников была столь велика, что его на долгие годы спрятали в шкаф и забыли вместе с остальным хламом. Звездный час Гришани прошел, рейтинг его популярности стремительно упал. Скелет заменили электронными схемами и картинками. Там, в пыльном хранилище всего ненужного, разобранный по косточкам, разложенный по полкам, словно останки испанского католического дворянина в склепе, он пребывал до прихода нового учителя, как будто в ожидании второго пришествия. Это можно было бы считать отпуском Гришани, если бы он не был создан, как и старое пианино, затем, чтобы служить...

Кирилл нашел Метательницу Ядра на заднем дворе школы, куда она вышла покурить, и простоял там минут пятнадцать. Первый день начался с кучи обязанностей: нужно было все подготовить к урокам, найти хоть какие-нибудь учебные материалы и понять – о чем вообще рассказывать детям.

Он уже ходил в библиотеку. Дверь была открыта, а в помещении – сумрак. Озеров нащупал на стене выключатель, и лампы, мигнув, осветили книжные полки и стол, усыпанный формулярами.

Одновременно с щелчком раздалось громкое «Апщхи!», такое, что стекла в окнах задрожали. За столом, закинув ноги на соседний стул, сидел уборщик, которого дети между собой называли Монгол. Старик закрыл ладонью глаза, а потом быстро-быстро потер нос, чтобы не чихнуть снова: «Человек включил свет слишком быстро! Старик чихает, когда видит горящую лампочку или солнце. У старика от яркого света свербит в носу! Очень щекотно!» Озеров с удивлением узнал, что Монгол работает еще и библиотекарем, кроме этого он убирает классы и чинит школьную мебель:

«Но найти меня можно здесь, в библиотеке. Старик любит читать детские книги. Они делают старика не таким глупым».

У него Кирилл получил все необходимые учебники, новенькие, еще пахнущие свежей краской. Полистав, он нашел их довольно запутанными, но общая картина стала ясна. Пока с него не потребовали учебную программу, он решил давать по параграфу за урок. Расписание было составлено таким образом, что ему придется вспоминать совершенно разные разделы биологии и быстро переключаться с одного класса на другой. К счастью, то, что он обнаружил, проглядывая учебники, показалось ему знакомым и даже несколько упрощенным. В голове сразу стали всплывать старые знания, дополняющие тему, и идеи, как подать материал интересно. Пока это была единственная и главная задача – постараться заинтересовать учеников. «Они сожрут тебя с потрохами», – вспомнил он слова сестры.

Теперь Озерову нужно было найти заведующую хозяйственной частью, потому что учебные пособия хранились неизвестно где. Он обегал всю школу, посветил физиономией во всех кабинетах, пока выяснил, что она вышла на улицу покурить.

– Получается, кабинета биологии нет как такового? – Озеров успел продрогнуть. Снаружи было сыро.

– Ну, у нас ведь языковая гимназия.

– Но у нас ведь не филологический факультет!

Метательница Ядра подбоченилась и грозно взглянула на Кирилла:

– Чиво вам от меня надо? Где я возьму щас другой кабинет? Иди к директору!

– Я только от нее. Она сказала, вы знаете, где лежат учебные пособия.

– Ничего я не знаю.

Озеров понял, почему завхоза называли Метательницей Ядра. Она все время сбрасывала с себя груз ответственности и зашвыривала его далеко-далеко.

– Где мне взять наглядный материал для уроков? – Кирилл не собирался отступать. Его сестра сказала бы, что он нудит. Но этот навык был ему сейчас необходим. Если потребуется, он возьмет эту крепость измором.

– Прошлая учительница и без них работала. На компьютере.

– Компьютер зависает. Он открывает каждое окно по десять минут.

Кирилл ожидал новой вспышки ярости, но она докурила сигарету, сказала: «Ща...», огляделась по сторонам и повела его за собой по лестнице черного хода.

Она открыла кабинет географии и пространно указала на огромный шкаф:

– Вот здесь...

Потом прошла по коридору и, распахнув дверь в кабинет ОБЖ, показала другой гигантский шкаф:

– И здесь. Берите, как говориц-ца, все что душе угодно.

Кирилл открыл покрашенные белой масляной краской дверцы. На него, заваленный сверху тетрадками, смотрел череп.

Гришаня увидел свет! Если бы у него были веки, он сомкнул бы их. Но у него вообще не было глаз. И все-таки Толик-Йорик умел любоваться миром.

Череп улыбался. Ничего удивительного – всякий череп улыбается, но то ли так падал свет, то ли экспонат был сделан таким образом, что улыбка его как бы говорила: «Ну вот ты и пришел, я так долго ждал тебя».

Озеров обрадовался: в школе, где он учился, никогда не было учебного скелета. Ему почему-то не хотелось показывать цифровые картинки, это он всегда успеет сделать.

Кириллу так и не удалось очистить Гришане зубы – шоколадка стала как камень.

Чтобы собрать Толика-Йорика по частям, потребовалась смекалка и инструменты. Далеко не все части нашлись в шкафу. Например, не хватало оси, чтобы крепить на нее позвоночник, и Кириллу пришлось использовать подручные предметы.

Он нашел в шкафу металлическую трубку и подставку для географических карт. С помощью плоскогубцев и отвертки закрепил конструкцию, хорошенько толкнул плечом – устойчивая (вдруг врежутся головой?).

Гришаня смотрел на нового учителя и благодарно улыбался. Он бы расплакался, но в его черепе отсутствовали слезные железы. Только отверстия от них остались в кости. Ему больше не придется лежать в темноте в шкафу. Несомненно – такая участь ожидает многие скелеты, но у него другое призвание. Да не обидятся на него все органические друзья, питающиеся кальцием!

Первый урок анатомии должен был проходить в восьмом классе. Увлечшись, Озеров не услышал звонка. Однако по двери, которую пытались выломать, и по дергающейся ручке он сообразил, что пора впускать учеников. Похоже, дети привыкли к тому, что биология проходит в разных кабинетах, и уже нашли класс, сверившись с расписанием.

Кирилл перекрестился и повернул ключ в замке. Когда он приоткрыл дверь, лица юных «дергалетелей» сконфузились и их пыл угас. Многие, как он отметил, не ожидали увидеть учителя в классе и думали, что он придет со стороны лестницы, а кое-кто был обескуражен тем, что новый учитель – не женщина и к тому же молод.

Река незнакомых лиц влилась в кабинет. Поводов для разговоров было много, некоторые только что разглядели Гришаню, и он вызвал у них живой интерес. Один подросток попытался потрогать скелет за челюсть, но что-то во взгляде Озерова заставило его передумать и встать у своего места. Одна худенькая девочка, входя в класс, воскликнула с облегчением:

– Значит, у нас больше не будет замен! Наконец-то начнется нормальная биология!

Ее возглас обрадовал Кирилла. И воодушевил. Значит, не все из них хотят сожрать его с потрохами. В классе стоял гвалт, но кто-то крикнул: «Ти-и-ихо», – и все замолчали. Озеров понял, что продлится это недолго, только пока любопытство сильно. Он чувствовал, что первые минуты решают все, и быстро поприветствовал собравшихся. Слишком официальное обращение не подходило. Он постарался не быть очень уж серьезным, но и фривольности не хотел допускать.

– Присаживайтесь! – его голос прозвучал хрипло.

– Присаживайтесь! – повторил кто-то со смешком. Им говорят «Садитесь!» – понял Озеров. Разница небольшая, но она сразу обнаруживалась, что в школе он – человек новый.

– Считайте, что вы у меня в гостях. Гостей обычно приглашают присесть.

Дальше последовали вступительная речь и процедура знакомства. Все это Озеров представлял себе несколько слаженнее и эффектнее, чем вышло на деле.

Так как внимание к скелету с каждой минутой росло, Кирилл решил не тянуть и дал первое задание.

– И что, нам всего его нужно нарисовать?! – Худенькая девочка уже не выглядела такой довольной, как в начале урока.

– И выучить. Но это ваше первое задание на дом. А сейчас мы только разберем основные отделы.

– А я бы порисовал с натуры! – послышалось с задних рядов, кто-то явно не рассчитывал, что его услышит учитель.

– Дома развлекайся у зеркала как хочешь, – парировал Озеров. Послышались смешки.

Худенькая девочка все еще глядела на скелет, не веря в то, что его можно изобразить на бумаге. Кирилл повернулся в ее сторону:

– Ты можешь, конечно, нарисовать только нижнюю часть. Но попробуй потом понять доктора, если он скажет, что сломана ключица.

– Ключица?

– Где она, кстати?

Кислицина неуверенно поводила рукой в области плеча.

– Остальные.

Правильно указало человек пять.

– Может быть, кто-то покажет, где находится крестец?

Кирилл коснулся скелета и в самый последний миг успел поймать его. Кажется, самодельная конструкция не прошла всех испытаний.

Это очень всех развеселило. На кону стояло многое: он мог так и остаться стоять, придерживая скелет и продолжая вести урок, что выглядело бы довольно глупо, или положить его на пол, в чем не было никакого смысла. Перед доской находилась высокая кафедра. Недолго думая, Кирилл посадил на нее Гришаню, как на трон, прямо у всех на виду.

– По-моему, так ему гораздо удобнее!

Класс оценил шутку. Практически все наблюдали за скелетом, чего и добивался Озеров.

– Так кто покажет крестец?

– Я покажу!

– Покажи нам джинна, Аладдин! – снова крикнул кто-то с задних рядов.

Кареглазый парень в клетчатом платке на шее показал крикуну за спиной неприличный жест.

Он вышел, потоптался и ткнул пальцем в скелет в области грудины.

– Тут же крест, так?

Озеров вместо ответа изобразил траур на лице и закрыл глаза ладонью. Все засмеялись, парень тоже. Где-то в подсознании Кирилл отметил, что все включены. Это был редкий момент торжества.

– Он гораздо ниже. Ладно. Упрощаю задачу. Пушкина ранили в бедро?

– Вроде бы.

– Где это?

Больше половины показали правильно. Кислицина задумчиво указала на бедренную кость.

– Вот за этим мы здесь и собрались, нам поможет бедный Йорик. Сейчас мы изучим на нем все, что упомянули, и даже больше...

– Зачем мне это нужно? Я и так пойму, где болит.

Озеров сделал паузу и задумчиво потер подбородок.

– Хорошо, давайте так: вы называете профессии – кем вы хотели бы стать, а я говорю, как вам может пригодиться анатомия и физиология.

– Врач!

– Очень смешно.

– Хорошо. Художник. Ему-то зачем?

– Каждый профессиональный художник должен знать анатомию, чтобы рисовать человеческую фигуру. Ты обижаешь Леонардо. Слышал о нем?

– Леонардо да Винчи? Да, он крут.
– Власти Флоренции, между прочим, привозили ему трупы для изучения человеческих тел.

– Фу, гадость!

– Вы ведь любите такие истории.

– О да! – включился кто-то с задних рядов.

– Поэтому я не буду продолжать... – Озеров почувствовал, что его голос сам собой стал тверже. – Скажу только, что его разработки до сих пор используются в медицине. Кстати, в учебнике есть его рисунки, можете взглянуть. Все равно вам целый год таскать эти книжки!

Зашелестели страницы. Еще одна маленькая победа.

– Юрист! На кой анатомия юристу? – Девушка со второй парты хлопнула накрашенными ресницами, она явно собиралась переловить всех преступников, как только дожует жвачку.

– Криминалистика. Ты собираешься расследовать убийство, не понимая, куда попала пуля потерпевшему?

– Архитектор!

Озеров вспомнил старшего братца. Его напыщенную физиономию, махровый халат и пальцы, сложенные домиком.

– Смотря какой... Есть один, его зовут Калатрава.

– Как отравы?

– Он бы не обиделся, потому что его нанимают по всему миру.

– И что в нем особенного?

– Он строит здания по подобию живых организмов.

– Это как?

– Есть скелеты куда более устойчивые, чем наш. Например, скелет черепахи – на его основе можно построить аэропорт или железнодорожный вокзал.

– Но это же некрасиво.

– Тебе решать. Только посмотри сначала. Кто берет доклад по Калатраве?

– Я!

– Я тоже хотела. Можно два?

– Тебе в дневник или в журнал?

– Я имела в виду два доклада: я тоже возьму.

– Хорошо. Кто не забудет про Леонардо?

Поднялась пара рук. Озеров почувствовал, что связки в горле стали как наждачная бумага. Голова медленно заполнялась туманом усталости. Он не знал, что удерживать постоянное внимание так сложно.

– Менеджер! Менеджер в офисе. Зачем мне анатомия?

Озеров на миг задумался и внимательно посмотрел на худого юношу с горящими карими глазами, густой челкой темных волос и упрямым лицом – того, который вызвался показывать крестец. Он еще не запомнил его имя.

– Как тебя зовут?

– Андрей.

– Скажи свою фамилию, Эл, – эти голоса с задних рядов начинали утомлять. – Штыгин, Шты-гин.

Юноша невозмутимо повторил неприличный жест, держа руку за спиной. Озеров сделал вид, что не заметил этого. Впрочем, если бы он мог, то показал бы то же самое «голосу из зада».

– Почему такой пример?

– Один мой друг работает там, – придумал на ходу Аладдин.

– Там анатомия, может быть, и не нужна. Но почему там обязательно должен работать ты?

Класс снова зашумел. Озеров шагнул вперед, разводя руки:

– Послушайте! Этот предмет нужен, чтобы вы могли помочь своей маме или бабушке, брату или другу, когда у них что-нибудь заболит. Однажды вы и родителями станете.

– Ну, это вряд ли, – пробубнила Кислицина.

Когда прозвенел звонок, в классе остались ученики, которые хотели задать вопросы по теме. Озеров считал это хорошим знаком. В том числе подошел Андрей Штыгин. Он сказал, что любит рисовать, и даже загорелся желанием выучить весь скелет.

Некоторые, правда, задержались, чтобы сфотографироваться с Гришаней.

Скелет удовлетворенно оглядывал класс. Сидеть на возвышении было приятно. Если бы он мог, то помахал бы всем кистью, но она отсутствовала.

Всего за одну перемену популярность быстро вернулась к Толику-Йорику, а вместе с ней – и угроза его жизни.

Он получил новые прозвища и очень нравился детям, особенно маленьким. Но точно так же детям нравятся и животные, а животным, как правило, очень хочется выжить.

Многие ученики предположили, что это скелет бывшей учительницы. Озеров выразил надежду, что здесь не появится вскоре еще один скелет. Ему ответили, что одного им вполне достаточно.

Когда популярность скелета начала мешать работе, Озерову пришлось выпроводить всех из кабинета и закрыть дверь на ключ.

На перемене, оказавшейся короче, чем он себе представлял, Кирилл снова стал исследовать забитый до основания шкаф. Некоторые картонные коробки старого образца рассыпались прямо у него в руках. Он нашел массу того, что ни разу даже не вскрывалось и пролежало здесь не один десяток лет.

Следующие три урока прошли не так успешно. Пятый класс показался неуправляемой стаей мартышек, которые только, может, на жалюзи не раскачивались. И он должен был рассказывать им о покрытосеменных растениях! Разве что о бананах. Озеров дал себе слово тщательнее подготовиться к их уроку в следующий раз.

В шестом «Б» он должен был рассказывать про медуз. Ему удалось зацепить их внимание фактами о самых ядовитых тварях. Португальский кораблик, от одного прикосновения к которому погибает рыба, особенно поразил воображение мальчика по имени Емеля, с покрасневшим лицом и всклокоченными волосами. Кирилл совершил огромную ошибку, позволив ему дважды рассказать о гигантских медузах размером с акулу, которых он видел в морском заливе Города Дождей. Подробное описание их щупалец и увлекательная история про то, как дедушка Емели боролся с ними уже на берегу, довели класс до истерики.

Последний урок Кирилл провел на автопилоте, рассеянно пытаясь запомнить поток новых лиц, отмечая особенности, склонности, портреты и характеры новых учеников и к финалу даже позабыв, какой класс у него был.

Ему казалось, что день давно уже должен был закончиться, но впереди его ждала первая встреча с порученным классом и неприятный разбор полетов по поводу прошедшей драки и потопа, устроенного в туалете.

Озеров не любил никого обвинять и терпеть не мог школярства. Он понятия не имел, как говорить об этих событиях с детьми. Пока что он решил отдельно разобрать драку с участниками инцидента и вместе со всем классом – случай с потопом, потому что про него было известно мало.

Кирилл быстро заполнял в перерыве журнал, когда вдруг почувствовал, что за ним пристально наблюдают. Он поднял глаза и увидел красное мальчишеское лицо: ошалелый взгляд, светлая челка, волосы прилипли к мокрому лбу, нос плотно прижат к краю кафедры.

– Вы испугались, Кирилл Петрович? – спросил мальчик высоким голосом с плавающей интонацией.

– Не очень. Хорошее настроение, Емеля?

– Сегодня в столовке Ибрагимов хотел облить меня соком, но пачка лопнула у него в руках.

– День начался удачно, но не для Ибрагимова, – проговорил Озеров, продолжая торопливо писать.

– Я хотел вас спросить...

Кирилл постарался скрыть страдание на лице. Колбасов сегодня извел его вопросами про медуз, на которые чаще всего сам и отвечал. Он весь урок тянул руку, и не спрашивать его совсем было бы слишком жестоко, но стоило дать ему высказаться – и начиналось словоблудие.

Озеров отложил ручку и серьезно спросил:

– Что тебя интересует?

Емеля посмотрел вокруг. Видно, он еще не придумал темы для разговора. Звук «Ч» у него получался с легким присвистом, как «Чью».

– А чей это череп у вас на столе?

– Человеческий.

– Он настоящий?

– Хочешь проверить?

– Да. Я бы... э-э... изучил его.

– Держи. Только не уходи с ним далеко.

Кирилл посмотрел на часы и понял, что должен идти в свой класс. Он написал еще одну строчку в журнале и поднял глаза – кабинет был пуст: исчез Колбасов, исчезла и голова Гришани.

Озеров охнул.

Через секунду из коридора послышались дикие вопли. Приоткрыв дверь, Кирилл увидел, как мимо пробегают, весело визжа, девочки из начальных классов. Их банты трепетали.

Следом, хохоча голосом злодея и пыхтя, бежал Колбасов – перед собой он держал череп.

Челюсть Гришани болталась: он ритмично постукивал зубами.

Илья Кротов

Новостей было слишком много, и оставаться наедине с одноклассниками мальчик не хотел. Ему был нужен совет друга. Вот Монгол, пусть и намного старше, но, как казалось мальчику, хорошо понимает его. Говорит как ровесник. Однажды Монгол даже назвал Илью мудрым, и теперь Кротов подобно старику давал советы тем, кого считал своим другом (в том числе и самому Монголу).

Большинство друзей Ильи – взрослые люди. Почему-то с ними он лучше находит общий язык.

Мальчик откусил кусок сочного яблока и приблизился к двери библиотеки. Если ему повезет, Монгол будет ждать его там. Они даже успевали иногда сыграть партию в шахматы на большой перемене.

Старик оказался на своем месте. Увидев, как он расставляет книги, стоя на складном табурете, Илья почувствовал некоторую неловкость – они еще ни разу не обсудили произошедшую драку. Если бы не Монгол, неизвестно, чем бы все закончилось.

К чувству вины примешивалась радость – сегодня мальчик узнал, что победил на городской олимпиаде по математике. Илье самому было странно, как два таких разных чувства могут в нем одновременно сочетаться, но ничего не мог поделать.

На скрип двери старик обернулся, и мальчику показалось, что Монгол здесь родился и что он сделан из старой пожелтевшей бумаги, картонных и кожаных переплетов и книжной пыли. Говорили, что так оно и было: Монгол в этой школе дольше всех, с тех пор, как ее построили. Илья даже слышал, будто он живет здесь.

– Вам помочь?

– Если мальчик достанет нижние книжки и подаст их мне, старик не будет скакать с табурета на пол и с пола на табурет, как неопытный юноша, не умеющий ездить на осле.

Илья не заставил просить себя дважды. Но когда он нагнулся за книгами, на него посыпался целый дождь из формуляров, которые Монгол держал в руке.

– Ох, какой старик растяпа! Мальчик не поможет мне посчитать, сколько формуляров упало на пол? Библиотекарь должен все знать!

– Пятьдесят четыре, – практически сразу ответил Илья.

– Очень быстро, – старик взял формуляры и пересчитал, посплюнявив морщинистый бронзовый палец, – и точно. Как у него получилось?

– Они упали, разделившись на шесть небольших кучек. Четыре остались лежать на второй полке, восемь упали на первую, на стопке книг лежали еще две, чуть в стороне, и рядом рассыпались веером ровно десять. Другие я зрительно разделил на области и считал десятками. Я ошибся – кажется, кучек было больше.

«Зачем я все это рассказываю ему?» – думал Илья, обеспокоенный тем, что перемена идет, а они еще не объяснились.

Старик тем временем глухо рассмеялся.

– Что смешного?

– Мальчик очень хорошо считает, но не заметил, что старик нарочно рассыпал бумажки.

Илья нахмурился, но затем не выдержал и улыбнулся. Хорошо, что Монгол шутит. Мальчик уже было испугался – как бы ему не потерять очередного друга. Ему казалось, что старик разочаровался в нем, когда Илья не сумел остановиться в драке и ударил Афанасьева ногой.

Чувствуя, что ему нужно выговориться, мальчик начал первым:

– Спасибо, что выручили меня тогда...

– Выручил? – Монгол захохотал, показывая крепкие желтые зубы, среди которых был один серебряный. – Любой человек знает, что такое больно. Только один бьет и ничего не

чувствует, а другой, даже когда видит драку, чувствует, как будто бьют его. Мальчика ругала мама или жалела?

– Я ничего ей не сказал. А если спросит, скажу, что синяки заработал, упав на физкультуре.

Монгол вытаращил глаза.

– Зачем? Так из-за мальчика может пострадать хороший учитель, который шевелит только одной рукой!

– Не пострадает. Мама не любит устраивать скандалы. Но однажды, когда я учился в другой школе, одна учительница кричала на нас матом и хватала детей за уши. Мне пришлось рассказать об этом, и ее уволили. А почему мама должна была меня ругать?

Монгол задумчиво почесал голову:

– Мама зря не задала мальчику трепку. Драка еще ладно, ты защищал свою шкуру и зеленое яблоко. Но старик видел в окно, как после глупый мальчик с Емелей пошел играть на дорогу и большой грузовик чуть не задавил их. Два раза за один день мальчика подстерегала смерть.

– Смерть? Думаю, вы преувеличиваете. От драки еще никто не умирал, да и от бензовоза я бы успел вернуться.

– Я видел много драк. С ножами и дубинами, с ногтями и зубами. Монгол знал одного сильного бойца, он мог скрутить пальцами тесак и толкнуть лошадь так, что та падала набок. Сильный, ловкий был человек. В игре его уронили легко, в шутку, он встал бы, но под затылком оказалась каменная ступенька. Хороший боец ослеп, а через час не дышал. Мускулов много, но на черепе их не накачать.

Илья слушал раскрыв рот. Старик достал шахматы, очень странные, он сам сделал их из камня, и принялся расставлять фигуры на деревянной доске.

– Говоришь, от бензовоза ты успел бы вернуться?

– Да... ну мне немного помогли...

– Мальчик не хочет говорить имя своего спасителя. Мальчик стесняется его.

Кротов покраснел.

– Это был Емеля Колбасов. Он просто немного ну-у-у... убрал меня в сторону...

– Мальчик поблагодарил его, как старика? Ведь Емеля сделал для него больше, чем старик.

– Я... Я еще не успел.

– Мальчику мешают гордыня. – Старик выдвинул вперед пешку. – Монгол знает, он много потерял из-за того, что слушал ее голос. Но Илья может победить ее. Вступится ли он за такого, как Емеля, если его кто-нибудь обидит?

– Я не знаю, – честно признался Кротов, – драки не самая сильная моя сторона. Честно говоря, я не умею бить людей.

– Бить людей не обязательно кулаками. Мальчику придется защищать себя умной головой. Он должен знать наперед, как ходит конь его врага.

С этими словами Монгол взял королеву Илья. Тот сразу приуныл. Он даже не успел заметить, что ей угрожала опасность.

– Мальчик зашел с довольным лицом, а теперь грустит. Глупый старик обыгрывает его. Мальчик сдаётся?

– Мальчик думает, – буркнул Кротов.

– Илья должен знать, что он хорошо считает. Но на свете всегда есть кто-то, кто может делать это лучше него.

– Я победил в городской олимпиаде! – воскликнул парнишка, проглатывая слова.

Старик кивнул и расплылся в улыбке, отчего его глаза полностью скрылись под веками, а в уголках заплясали веселые морщинки.

– Это хорошо! – таинственно проговорил Монгол. – И что будет дальше?

Илья больше не хотелось обманывать. Он наконец понял, что его так волновало...

– Там был еще один мальчик. Я не видел его в лицо. Знаю только его номер. Он набрал ровно столько же баллов, сколько и я. Можно сказать, он тоже победил. Теперь мы должны встретиться на международной олимпиаде. Возможно, там я увижу его.

– Иногда у человека каждый день как олимпиада.

– Просто... – Кротов замялся, – я не думал, что кто-то еще может считать так же быстро, как и я.

Он посмотрел на яблоко. Оно успело окислиться, мякоть будто покрылась ржавым налетом.

– Пусть мальчик не обижается, но он еще мал, хотя и думает как взрослый. Какой талант мальчика важнее? Может быть, он способен на большее, чем просто быстро умножать цифры?

Илья не успел ответить – вдалеке зазвенел школьный звонок.

– Я забыл спросить! – воскликнул он, хватая рюкзак и неловко надевая его на плечи, так что полы пиджака смялись под лямками. – Сегодня нас соберут по поводу драки. Говорят, у нас новый классный. Вы уже с ним знакомы? Как вы думаете, он поймет, что я, хм-м-м... не начинал драки?

Монгол кивнул, ответив разом на оба вопроса.

– Как вы посоветуете мне вести себя с ним? Что нужно говорить? Мне... мне не хотелось бы закладывать этих... Я бы хотел, чтобы они просто оставили меня в покое.

– Выбери сам, – сказал Монгол и неожиданно широко зевнул. – Старик должен вздремнуть. Скажу тебе только одно: будь с ним честным, и он станет твоим другом. Молодому учителю очень понадобится верный помощник. Помогни ему, и он поможет тебе избавиться от врагов.

Илья кивнул. Вытащил из кармана еще одно зеленое яблоко, оставил у Монгола на столе и побежал на урок.

Фаина

Подходил к концу пятый урок, когда ей стало по-настоящему плохо. Она уже давно смирилась с постоянным плохим самочувствием, с воспаленным от говорения горлом, с опухшими ногами и ноющим от резкого чувства голода животом.

Вопреки распространенному мнению о том, что работа, связанная с детьми, молодит человека, Фаина, хотя ей не было еще тридцати пяти, выглядела выцветшей и потускневшей. Тонкие волосы на голове висели безжизненно, лицо всегда было бледным, движения нервными и быстрыми. Одевалась она так, что порой ее можно было не заметить на фоне серой стены. Только глаза все еще лихорадочно горели.

К тому же Фаина Рудольфовна в последнее время много корила себя.

Она не умела отказывать, и на нее вешали слишком много работы с документами; она ничего не успевала, потому что всегда суетилась. Уроки ее получались скомканными: она торопилась дать много и сразу, но из-за этого ученики запоминали меньше.

«Однако, – думала она, – меня нельзя упрекнуть в равнодушии к каждому отдельно взятому ребенку». Фаина Рудольфовна всех знала по именам, от нее невозможно было что-то скрыть, она помнила, у кого какой долг и кто не выполнил задание...

В животе уныло заурчало.

«Я ела на прошлой перемене... – Голова была как в тумане, она старалась не замечать сосущей боли и продолжала вести урок. – Почему же я готова смести весь школьный буфет?»

– Итак, еще раз повторяю вопрос. – Учительница истории обвела глазами шумящий класс и привычным взглядом отметила, что ее слушают два-три человека. – Зачем римские воины, уходя из разрушенных городов, засыпали окрестные поля солью?

Каштанов весь извивался, его глаза навывкате и вечная ухмылка, его повороты, вставания, лягание, ржание и тычки, его безостановочная болтовня – все это медленно сводило Фаину с ума. Снова и снова, каждый урок – без облегчения, без изменений. Разговоры с родителями, пересаживание с одной парты на другую, замечания, постановка на учет... ничего не действовало.

Шепотов опять под партой играл на планшете. Зачем родители купили этому бездельнику планшет – для каких дел? Он поглядывал на нее время от времени, проверяя: видит или нет? Его лицо выражало страх и удовольствие одновременно, но это были не глаза мальчика, а мутный взгляд компьютерного наркомана. Снова и снова: отбирали устройства, вели беседу, звонили родителям. Ничего...

– Повторяю: зачем? – рявкнула Фаина, поморщившись.

– Что зачем? – Каштанов по-лошадиному осклабился.

– Римляне посыпали поля солью... – сказала Фаина, сознавая, что не должна была повторять, что повторила неполно, и сейчас будет хуже.

– Чтоб росли соленые огурцы? – Ергольцева закрутила на палец локон и посмотрела сквозь очки на подругу: оценит шутку или нет.

У Фаины кружилась голова, она оперлась на стол.

– Еще варианты.

– Мы не знаем.

– Подумайте.

– Говорите уже, Фаина Рудольфовна!

Учительница отрицательно покачала головой.

– Чтоб лизать землю! – Каштанов загоготал над собственной шуткой, одновременно кинув остатки ручки в Ергольцеву.

– Ну, ты и придурок. С тобой даже не сидит никто!

– Тихо!

– Вы слышали, как она меня назвала, Фаина Рудольфовна?!

– Ты останешься после урока убирать класс.

– А че я опять?

– Фаина Рудольфовна, можно ответить?!

Фаина с облегчением повернула голову на голос. Но это было не совсем то, что нужно. Руку подняла девочка, которая знала учебник лучше своей учительницы.

– Отвечай, Тамара.

– Может быть, на земле, в которой много соли, ничего не растет?

– Томка, не умничай! – осклабился Каштанов.

Девушка, худая, как спичка, больше похожая на мальчишку, повернулась к нему и сказала твердо и резко:

– Не умничать? Кто-то же должен унять словесный понос, который из тебя хлещет.

Посмотри вокруг, малыш – от твоих шуток все хотят выйти погулять.

Класс одобрительно захлопал, кто-то даже присвистнул. Каштанов перестал кривляться и раскрыл рот. По уровню развития в девятом классе он вел себя как семиклассник. Тамара как ни в чем не бывало повернулась к учительнице.

– Прошу прощения. Мы говорили о соли. У меня просто бабушка на даче солью посыпает те места, где не хочет, чтобы сорняки росли.

Фаина Рудольфовна хотела сказать «правильно», но вместо этого почувствовала приступ тошноты. Она позеленела, бросила «прстите» и выбежала из класса.

– Рудольфовне приплохело.

– Заткнись, Каштанов. Ну ты и идиот! – Ергольцева брезгливо бросила в него огрызком его же ручки.

– Сама заткнись.

... Фаина подошла к раковине и начала осторожно смывать растекшуюся тушь. Она надеялась, что в классе не было слышно, как ее тошнило.

В туалете было душно, и она приоткрыла окно. Ей совсем не хотелось возвращаться в шумный класс – она вдруг подумала о том, как беззащитна.

Пожалела себя? Нет. Это что-то другое...

Как это «беззащитна»? Чужие дети вдруг показались ей опасными? После семи лет работы с ними? Нет, ерунда! Да, они опасны, но не для меня. А для кого же тогда?

Вдруг она начала догадываться, как будто пробираясь сквозь пелену, еще боясь признаться себе. Неужели? Сейчас?

Она потрогала пальцами живот и подошла к зеркалу, встала боком, потом другим, но ничего нового не заметила. Закрывает глаза и постаралась почувствовать, одна ли она здесь.

И ей показалось, что есть кто-то еще.

Фаина начала отсчитывать, и получилось, что дитя должно появиться на свет летом. Летом – когда она выспится, когда кожа ее хоть немного загорит, когда она перестанет жаловаться мужу на работу, когда бирюзовые стрекозы на юге начнут танцевать над кронами платанов свои брачные танцы, а на балконе будет сушиться белье. И повсюду будет пахнуть морем.

Ее щеки порозовели. Что, если так?

В любом случае впереди еще четыре месяца темноты, потом холодная, но короткая весна. «Я выдержу их. Мы выдержим. Вместе».

Ей стало немного легче. Она поправила складки на юбке и пошла на урок.

Озеров

За день до выхода на работу Кирилл попросил своего дублера рассказать подробнее об участниках драки. Видимо, в понимании Фаины Рудольфовны характеристика учеников состояла исключительно в их успеваемости по истории и критерия «опасности или безопасности» общения с родителями. Он позвонил ей, чтобы договориться о встрече в школе, но она решила обсудить все по телефону. Их беседа получилась неимоверно долгой, и Фаина Рудольфовна, кажется, не замечала, что разговор шел за его счет.

– Кротов? Ну что я могу сказать о нем? По истории у него крепкая пятерка, он всегда готов. Меня вообще удивило, что он начал драку. Хотя, признаюсь, порой он ведет себя нервно и отвечает невпопад. Все может быть. Мать его я плохо помню. Кажется, она приходила ко мне однажды с каким-то вопросом по поводу учебников.

– Я ведь еще совсем не знаю их, вы не могли бы примерно описать его?

Для Фаины эта просьба оказалась мучением.

– Ну... э-э-э... мальчик с большими глазами. Ходит все время с яблоком...

Она бросила попытки и стала говорить про остальных.

– Урбанский Максим... Такой красивый мальчик! И очень бойкий. К нему у меня претензий по домашнему заданию нет, и по проверочной работе недавней тоже...

Кирилл нечаянно перестал слушать, а Фаина Рудольфовна минут десять рассказывала, какие задания она давала классу.

– Что вы знаете о родителях Урбанского?

– Что я знаю? Почти ничего. Их в школе никто ни разу не видел. Вот и все, что я знаю. В драке он вроде бы не участвовал, но Генриховна заставила его прийти и рассказать, как все было, в качестве свидетеля.

– Почему о драке нельзя было просто забыть? Подумаешь, мальчишки что-то не поделили.

– Забыть? – Фаина усмехнулась. – В гимназии, что напротив, за такое могут исключить! Это у нас здесь все лояльны. А потом приходят родители и требуют объяснений: при каких обстоятельствах у их ребенка на лице появились ссадины и синяки?

– Но прошло уже несколько дней, – недоумевал Озеров, – а родители так и не появились.

– Во-первых, Кирилл Петрович, бомба замедленного действия взрывается не сразу, так уж она задумана. Во-вторых, я понимаю, вы человек в образовании новый, но запомните, – она снизила голос до шепота, хотя в этом не было необходимости, поскольку говорила она с ним из дома, – они сдают нам своих детей, как в детский сад или как щенков во временный приют, если хотите. Большинство из них таким образом могут бесплатно от них отдохнуть с тем условием, конечно, чтобы мы обеспечивали их детям безопасность. Можно говорить красивыми словами о тех высоких знаниях, которые мы им здесь даем. Но реальность такова, что большинство детей так пресыщены интернетом, сериалами и играми, что полностью потеряли интерес к урокам. Они приходят отсидеть в своем безопасном загоне, куда их отправили родители, по возможности максимально развлечься в нем и вернуться домой.

Фаина перевела дух и продолжила:

– Часть родителей вообще не появится. Кто-то даже не заметит, что стряслось с ребенком. Но придут и мамонты, которые во всем обвинят учителей, растопчут их и своими бивнями попытаются докопаться до правды. Они даже для устрашения зайдут, как бы невзначай, – посидеть на уроке, послушать. А вдруг учитель говорит что-то не то и дает предмет не так, как они себе представляли? Вы слышали, Кирилл Петрович, что в школьных классах собираются установить постоянное видеонаблюдение, чтобы родители, где бы они ни находились, могли следить за ходом урока? Почему бы в таком случае не установить камеры на их рабочих

местах, в их офисах: на столе, под столом и в туалете? Посмотрим, как им будет работаться при свидетелях!

– Уже поздно, Фаина Рудольфовна, давайте ближе к теме. – Озеров надеялся, что хотя бы половина из того, что она только что рассказала, – лишь сгущение красок.

Фаина на этот раз услышала его.

– Что еще сказать? Афанасьев – хитрый жук. Как его взяли в нашу гимназию и как он прошел минимальные вступительные экзамены, не знаю. Вы должны узнать об этом подробнее. Он все время обещает что-нибудь сделать и откладывает на следующий раз. У него одни долги. Я подозреваю, что он просто глуп. Если только глупость может сочетаться с хитростью. В самой драке он не участвовал. Но жаловался потом на Кротова, что тот ударил его в живот. Получается, он сам же и попал в список участников инцидента. Отца его я помню, приходит – такой квадратный, кивает и повторяет только: «Я вас услышал. Я вас услышал», – как попугай; а на деле ничего не меняется. Он редко видит сына и из чувства вины забирает его с уроков. Учителям пишет записки с выдуманными оправданиями.

В трубке где-то вдалеке забубнил низкий голос – Фаина заторопилась к мужу...

– По безнадежности с Афанасьевым может посоревноваться только Тугин. Этот вечно шурит глаза, когда его спросишь, вечно не готов, имеет мерзкую привычку ломать чужие вещи и однажды даже стащил у меня из шкафа учебник, когда посеял свой. Набраться же такой наглости! Прийти на урок, знать, что я пишу замечание в дневник за отсутствие учебника и тетради, и решить проблему, взяв у меня книгу без спроса.

«Я вас услышал», – чуть не сказал Озеров.

В полночь Кирилла разбудил звонок.

Полундра! Его класс (который он даже еще в глаза не видел) днем затопил туалет на четвертом этаже. Последние новости докладывала Фаина Рудольфовна, узнавшая о событиях только что, от кого-то из учителей. У Озерова ушло еще двадцать минут, чтобы успокоить своего дублера и убедить, что звонить уже никому не стоит и лучше решить этот вопрос с утра. Озеров сам предложил использовать камеры слежения в рекреациях, чтобы определить, кто именно заходил в туалет и действительно ли это был его класс. Фаина приняла идею с видеонаблюдением, которое прежде так сильно ругала, с большим энтузиазмом, но внезапно вспомнила, что сильно занята, и предложила обратиться к учителям информатики, чтобы найти нужную запись.

Наконец Озеров попытался уснуть. Но это удалось ему только под утро, так что проспал он не более трех часов. В таком состоянии он провел первые уроки, а теперь ему нужно было организовать два собрания по разбору происшествий.

Фаина Рудольфовна собрала мальчиков, подравшихся возле пианино, и свидетелей в отдельном классе. Озеров не мог еще сделать этого сам, потому что никого не знал в лицо, да и уроки в других классах не позволяли ему отлучаться. Учительница истории всем своим видом показывала, как она торопится и взволнована, и ясно дала понять, что больше никого собирать не намерена. Она оставила его наедине с учениками и ушла.

Уже позже, примерно через час, Фаина встретила Кириллу в учительской в необыкновенно задумчивом настроении. Плавно двигаясь, она обходила мебель стороной, словно боясь ушибиться. Такая смена настроений не очень удивила Озерова, уже после ночного звонка он понял, что дублер ему попался своеобразный. Если не сказать странный.

...Войдя в класс, он не заметил ни угрюмого молчания, ни мук совести на лицах присутствующих.

В классе находились четыре мальчика. Двое, сидя рядышком, играли в один смартфон и громко комментировали происходящее на экране. Один из них, с лошадиным лицом, грязно выругался, когда Озеров только входил. Его голос звучал хрипло, как будто принадлежал не

мальчику, а подростку постарше. Но когда он увидел учителя, глаза у него стали как у затравленного волка. Кирилл мысленно отметил и запомнил этот взгляд.

Сосед сквернословия сразу оторвался от экрана, улыбнулся, сверкнув белыми зубами, и бросил на учителя прямой уверенный взгляд темных пронизательных глаз. «Бойкий красавчик», – вспомнил Озеров описание Фаины. Максим Урбанский. Свидетель драки.

– Здравствуй, а вы кто? – произнес Урбанский ехидным тоном.

Третий мальчик сидел в стороне и глядел в окно. Он показался Озерову самым младшим из присутствующих. «Может, потому, что он больше всех похож на обычного ребенка, а не на мини-копию взрослого?» – подумал Кирилл.

Четвертый был застигнут врасплох. Он стоял возле учительского компьютера и копался в открытом принтере, стараясь достать из него замятую бумагу. По искривленному носу и сощуренным глазкам Кирилл узнал в нем Тугина. Он не мог объяснить почему, может, просто вспомнил Фаинину историю про чужие вещи.

– Что здесь происходит?! – грозно спросил Озеров.

– Тугин, тупица, я тебе говорил: не лезь к учительскому компьютеру! – вмешался Урбанский.

– Я хотел распечатать сме-ешную картинку! – тяжело ворочая языком, проговорил Тугин.

«Неправильная интонация и задержка речи. Значит, и мыслительные центры в мозгу могут давать сбой», – отметил про себя Озеров. Он что-то читал по этому поводу, когда учился в университете. Но если бы и не читал, то с первого взгляда понял бы, что парень несколько замедлен в развитии.

Когда Тугин вернулся на свое место, Кирилл сказал:

– Я хотел бы познакомиться с вами при других обстоятельствах, но новость о том, что вам пришлось в голову оставить друг друга без зубов, дошла до меня раньше, чем я вышел на работу. Интересно узнать, что именно вы не поделили и кто начал эту драку.

– Здра-вст-вуй-те! – проговорил по слогам Урбанский, словно все, что говорил Кирилл, было жужжанием комара. – А вы кто такой?

Озеров почувствовал, как свирепеет.

– Ты со всеми здороваешься дважды, Урбанский? Для тебя я – новый классный руководитель. Меня зовут Кирилл Петрович. И мое первое руководство к действию: заткнись и слушай.

Парень открыл рот.

«Резковато вышло, – подумал Озеров, – но он сам нарвался». Само то, что Кирилл назвал мальчика по фамилии, заставило учеников взглянуть на него с любопытством. Когда незнакомый человек знает твое имя, а ты его – нет, это сбивает с толку. Зато на лице большеглазого мальчика, которого Кирилл предположительно определил как Илью Кротова, появилась сдержанная улыбка. Яблока у него в руках не было, но скорее всего это был он.

– Теперь к делу. Все, что с вами произошло, вы излагаете на бумаге с заголовком «Объяснительная записка» и надписью в правом верхнем углу: «Директору гимназии № 111». Меня не интересуют взаимные обвинения, только последовательное изложение событий.

– Я думал, мы просто помиримся и уйдем, как всегда бывало, – промямлил Антон Афанасьев, недовольно убирая челку с лошадиного лица.

Взгляд его с самого начала не понравился Кириллу. В нем сквозили недоверчивость и высокомерие.

Вместо ответа Озеров положил на парту стопку бумаги.

– А как же урок? – пискнул Тугин.

– Ничего, задержитесь. Это вряд ли вас расстроит.

– На весь лист писать, что ли?

– Нет, охвати еще и парту.

- А можно мне не писать? Я ведь не участвовал в драке... – Урбанский поднялся с места.
- Наблюдал драку?
- Наблюдал.
- За удовольствие нужно платить.

Тугин поднял руку.

- Что значит «последовательное изложение»?

- Это значит, что за чем следовало во времени, кретин, – прошипел Афанасьев.

Озеров отметил, что Кротов тем временем спокойно пишет.

Но первым (как ни странно) справился Тугин. Гордо подняв голову, он подошел к столу.

Кирилл с трудом разобрал кривой почерк с множеством исправлений.

*«Директору гимназии № 111
Броненосцевой Марие Львовне*

ОБЪЯСНИТЕЛЬНАЯ ЗАПИСКА

Я Борис Тугин Венедиктович, ученик 6 «А» класса.

Я мешал учить Англиский язык.

Потому что Илья Кротов Александрович засунул мой портфель в мусорное ведро.

После того как я Илье помешал учить Англиский, он набросился на меня с криками и он сначала ударил меня по лицу, а потом он ударил меня ногой по плечу. Еще он вцепился мне сильно в руку когтями и у меня даже остался след, вообще.

Я вынужден был защищаться, потому что не люблю, когда меня бьют. Особенно если вцепляются и ногой.

Потом я увидел, как Илья набросился на Антона Афанасьева Федоровича и ударил в живот.

Что уже совсем странно! Он на всех бросается, вообще.

Мне кажется, его нужно изолировать. Он, может быть, больной.

Дата: 23 октября 2013».

Озеров оглядел четырех учеников, сидящих в классе, мрачным взглядом и оторвался от записки:

– Тугин, я же сказал, никаких оценок, обвинений и предложений! Только изложение событий.

– Но его нужно изолировать, разве не правда? Посадить к макакам и бить током, – мальчик сощурился и глуповато улыбнулся.

– Замолкни! – не сдержался Илья и тут же с сожалением взглянул на учителя.

Кирилл раскрыл ладони в знак тишины.

– За работу: у вас скоро начнется урок.

– Кирилл Петрович, а я-то почему должен писать? – снова заголосил Урбанский.

– Ты там был?

– Да я ж просто смотрел.

– Среди них есть твои друзья?

– Со мной все дружат.

– Вот я и не пойму, почему ты спокойно смотрел, как дерутся твои друзья.

– Кирилл Петрович!

Озеров взглянул на часы.

– Пиши, как все было. Нужен свидетель.

В дверь заглянули девочки. Озеров их не знал. Одна была в очках и худая, похожая на Кролика из «Винни-Пуха». Раздался хохот.

- А можно нам тоже посидеть?
- Нет.
- Они пойдут к директору?
- Закройте, пожалуйста, дверь. Прямо сейчас.

*«Директору гимназии № 111
Броненосовой М. Л.*

ОБЪЯСНИТЕЛЬНАЯ

Я Урбанский Максим Юрьевич

(следующее слово замазано большим пятном белого корректора) видел, как происходит драка между учениками 6 «А» класса: Тугиным Борисом и Ильей Кротовым.

Сначала Илья Кротов без каких либо прямых обвинений набросился на Тугина Бориса. После того как их разняли, Илья Кротов набросился на Антона Афанасьева.

Я считаю, что Илья Кротов находился в состоянии эффекта и не осознавал свои действия.

Он набросился на двух учеников с огромной яростью и кулаками.

Он несколько раз ударил каждого из учеников.

Я стоял в стороне потому, что не люблю драк и не хотел получить. Все кто стоял вокруг, тоже не вмешивались, потому что было интересно кто победит.

Одни болели за Тугина, другие за Кротова. Я просто смотрел, я не болел. А потом прозвенел звонок».

– Можно, я уже пойду?

– Нет.

– Ну Кирилл Петрович, ну пожа-а-алуйста, – Максим Урбанский притворно закапризничал, потряхивая длинными, ровно распадающимися по центру головы темными волосами. Клетчатая яркая рубашка совсем не походила на школьную форму. Озерову было все равно, как одеваются дети, но этот факт он отметил.

Кирилл проигнорировал его просьбу, поежившись, и обратил внимание на Антона Афанасьева.

– Ты закончил?

– Практически, Кирилл Петрович, – сказал тот несколько официально, проглатывая согласные. Парень поднял глаза и недобро оглядел почти пустой класс, его рот скривился от досады, а щеки пылали огнем. Он, как и Илья, пришел в эту школу недавно, но успехи его оставляли желать лучшего.

«Если он только свидетель, к тому же потерпевший, почему так переживает?» – размышлял Озеров.

Афанасьев поднялся, прошел неторопливой деловой походкой к столу и положил бумагу. В записке к месту и не к месту стояли кавычки; как и в предыдущих объяснительных, в ней было множество ошибок:

«Директору гимназии № 111

«Броненосцевой М. Л.».

от ученика Антона Афанасьева 6 «А» класс

ОБЪЯСНИТЕЛЬНАЯ ЗАПИСКА

Я находился на перемене, в то время как ученик б «А» класса Кротов Илья Александрович стал наносить удары без всяких тому причин: «его сумку положили на урну», видите-ли.

Илью пытались остановить учителя, но, однако, после трех предупреждений от учителя «Фаины Рудольфовны» Илья увидел, что его «сумка» лежала на «сумке» другого ученика, и Илья решил, что это сделал я.

После чего, Илья стал наносить мне телесные повреждения и попал мне по животу. В последствии, Илья меня очень сильно (подчеркнуто другим цветом) толкнул в сторону толпы учеников, и я упал на пол. Я сильно ударился, у меня появился синяк.

После чего в состоянии «шока» Илья замахнулся на меня ногой, но мне повезло, и он промазал: его оттащили мои одноклассники.

В какой-то степени я тоже виноват, но это не повод, чтобы наносить телесные повреждения «ногами».

Озеров прочитал записку и не сказал ни слова. Остался последний участник инцидента. Каракули, изображенные в его объяснительной, читать было крайне сложно. Буквы были крупными и волнообразными. У Кирилла ушло гораздо больше времени, чтобы разобрать смысл написанного:

ОБЪЯСНИТЕЛЬНАЯ

«Я, Кротов Илья.

Я подтверждаю, что набросился на Бориса Тугина первый.

Еще на географии он (урок назад) меня сильно цеплял, но еще больше спровоцировал меня Антон, который мне портит настроение с начала сентября непрерывно.

У меня было очень плохое настроение: Антон спрятал мой рюкзак, Максим отобрал мое яблоко, хотя отдал минуты через две.

И вот Борис Тугин мне помешал (я спокойно повторял английский язык). Он с помощью пианино крышкой скинул мой учебник.

Я разозлился и набросился на него (на Бориса).

Началась драка.

Буквально через полминуты нас разняли учительница истории и два старшеклассника. Я подобрал сброшенные во время драки очки. Пошел в сторону класса и увидел, что мой портфель лежит в мусорке.

Я, разозлившись, потянулся к портфелю. Заметив это, Антон Афанасьев поставил мне подножку. Я замахнулся ногой и, кажется, зацепил его.

Дальше прозвенел звонок, и мы уже спокойно пошли в класс.

Если ребята оставят меня в покое, я забуду о том, что драка была».

– Что у тебя с почерком? – спросил Кирилл. – Это почти невозможно прочитать.

– Я пытаюсь писать лучше, но... – Илья покраснел.

Кирилл оглядел учеников. У троих из присутствующих – враждебные напряженные лица. У Кротова еще виднелись ссадины. Когда-то отец сказал Кириллу, что готовый ударить готов убить. «Это не мелкая стычка, – почувствовал Озеров. – Не просто драка мальчишек».

Как только он закончил читать, прозвенел звонок. Они поднялись.

– Я вас еще не отпустил. Звоните родителям. Встречаемся после уроков.

– После уроков я не могу, у меня бассейн, – заявил Афанасьев.

– А мне надо срочно домой и в художку! – Максим Урбанский остался стоять, да еще и лямку от рюкзака накиннул на плечо.

– Рисование и плавание отменяются.

За дверьми начиналась настоящая гроза, все громче жужжал рой ос, что-то падало на землю, дверную ручку дергали так, что казалось – обвалятся стены.

Озеров открыл дверь и еле-еле сдержал натиск старшеклассников, готовых сбить и растоптать младших.

Пока они входили подобно железнодорожному составу, груженому битым стеклом, Илья подошел к учителю и, перекрикивая шум, обратился к нему:

– Простите, Кирилл Петрович, я не смог сдержаться.

– Я не знаю, кто бы смог на вашем месте, – осторожно проговорил Озеров.

– Вообще-то мне врач запретил драться, у меня плохое зрение...

«Они напали на него втроем, – понял вдруг Кирилл. – А он даже не собирается жаловаться на них».

– Приходи ко мне в случае чего, – Кирилл задумчиво почесал переносицу. – Не ябедничать, а затем, чтобы я мог помочь вам избежать новой драки. Я здесь для этого, понимаешь?

Илья кивнул.

– Кирилл Петрович?

– Да?

– Откуда вы узнали, как все было на самом деле?

– Ты единственный, кто описал все близко к рассказу учительницы. Это раз. Два – ты сидел отдельно от остальных, значит, либо ты цеплял каждого из них, либо трое других сговорились против тебя одного, что в жизни бывает гораздо чаще. И три – ни у кого, кроме тебя, на лице нет ссадин и синяков. Странно, если учесть, что тебя обвиняют в нападении.

– Нас выгонят из школы?

– И не мечтай.

Мальчик потоптался на месте.

– Можно дать вам один совет?

Озеров удивленно вскинул бровь.

– Только быстро, – сказал он, с тревогой слушая, как шум голосов старшеклассников превращается в раскаты грома. – А лучше давай выйдем наружу, сейчас не мой урок.

В коридоре было не тише, хотя уже прозвенел звонок. Одни учителя уже впустили детей в класс, другие только открывали кабинет, кто-то из них еще даже не поднялся на свой этаж.

– Так что за совет?

– Дети очень легко обманывают взрослых, им это ничего не стоит. Взрослые думают, что знают, когда их обманывают, но им удается раскусить только пятнадцать-двадцать процентов вранья.

– И в чем совет? Перестать тебе верить?

– Я тоже могу вас обмануть, но мне это не нравится, и я постараюсь этого не делать.

– Ну что ж, спасибо. – Озеров торопился, но он как никогда нуждался в обратной связи, и ему стало интересно, чего от него хочет мальчик.

– Ребенок видит ложь ребенка. Вам нужен кто-то, кто распознает правду.

– И этот кто-то...

– Я. Но сразу вас предупреждаю, что не собираюсь закладывать кого-то. Мой совет такой: доверяйте детям, но проверяйте их, иначе они могут навредить вам и себе.

– Странно слышать это от ребенка.

Мальчик пожал плечами – мол, ничего странного.

– Многие учителя грозят нам родителями. Но большинство учеников не боится своих родителей. Некоторые даже командуют ими.

– Спасибо. Я это учту. Тем более мне сегодня как раз предстоит общение с вашими предками.

Элеонора Павловна взбежала на этаж, тяжело дыша.

– Уф, Кирилл Петрович, спасибо, что дождались меня с ключами. Опять поменяли кабинет. Ну объясните мне, почему я должна бегать, как сайгак по горным хребтам?

– Сайгак обитает в степи, – решил вставить Илья Кротов. Этот интересный факт он узнал от Монгола.

Элеонора Павловна посмотрела на мальчика, как на говорящую букашку, и прогремела:

– Марш на урок! Пока я не превратила тебя в сайгака.

На перемене Озеров позвонил родителям.

Мать Урбанского сказала, что ее сына дело особенно не касается и она сильно занята дома.

Отец Тугина потребовал письменного отчета – с самого начала разговора он только отдавал приказы.

Вечером он приехал с женой. Из всех вызванных родителей они были единственными, кто проявил интерес к происшедшему и явился в школу. Отец мальчика вошел в класс с таким кислым и недовольным лицом, что Озеров решил, будто у него случилась какая-то тайная трагедия. Однако позднее оказалось, что такое выражение свойственно обоим супругам, причем на лицах они его носят постоянно. Родители Тугина предъявляли претензии: почему конфликт между детьми не был замечен раньше, – и спрашивали, как будет наказан Илья, который ударил первым.

Кирилл хотел было рассказать, что он еще не работал в школе, когда все это случилось, но был вынужден отмалчиваться, так как ему не давали вставить слово.

Мать Афанасьева охала и ахала, сказала, что ей нужно задержаться на работе, но с ним она поговорит «как следует». Отец промычал в трубку, что он на совещании, и больше не перезвонил.

Мать Ильи Кротова предложила все обсудить по телефону: она уже обо всем поговорила с сыном, что его давно обижают, что он все сносит, а в этот раз не выдержал. Обычно он почти ничего ей не говорит о проблемах, потому что жалеет ее.

– Вы можете написать директору и выяснить, кто прав, кто виноват. Поговорить с родителями, – предложил Озеров.

Она помолчала в трубку, вздохнула и сказала:

– Это обязательно? Мальчишки ведь дерутся иногда...

«И мне так казалось...» – Кирилл понял вдруг: она смотрит на школу снаружи, и ей кажется, будто она знает, что творится внутри. До сегодняшнего дня он тоже жил снаружи. Теперь же – только приоткрыл завесу и вошел внутрь этого театра. И сразу почувствовал, что все не так просто, даже больше – стал частью представления.

«Это только начало. Все повторится», – с тревогой подумал он.

Уже по пути домой он вспомнил, что забыл познакомиться с классом, который ему поручили, и так и не разобрал случай с потопом.

Когда мать Кирилла поднялась в его комнату, чтобы спросить, как прошел рабочий день, Озеров спал мертвым сном.

Аладдин

Пробуждение Андрея Штыгина было тягостным и мучительным. Только с третьего раза, когда мать вошла в комнату и накричала на него, он попытался поднять веки. Голова весила целую тонну. Когда Андрей закрывал глаза, ему казалось, что под черепом дерутся петухи и перья так и летят во все стороны. Тело словно прилипло к простыне – он с трудом оторвал руку от матраса и посмотрел на мать как на чужую.

Андрей вспомнил недобрым словом своего приятеля Васю Зайцева, который позвал его на какую-то выдуманную встречу, где, как он утверждал, будут его знакомые девушки. Вася перепутал адрес, и они долго топтались возле стальной двери, исписанной граффити, в каком-то заброшенном дворе.

Впрочем, сразу было понятно, что ничего хорошего из этого не выйдет. Вася с его вечной глупой улыбочкой и васильковыми глазами, как у пятилетней девочки, не мог знать никаких симпатичных девчонок. К этому не располагали ни его низкий рост, ни вид шестиклассника, который не помешал ему перейти в старшую школу, – в девятом он выглядел так же, как на фотографиях трехлетней давности.

Весь вчерашний день шел дождь, и Андрей таскал на спине тяжелую гитару, которую опять же взял по просьбе Зайцева. Одежда и волосы вымокли, но грипп был бы сейчас кстати, очень кстати. Вася вытащил из-за пазухи пластиковую бутылку с бурой жидкостью и сказал, что это редкий бурбон, что он достал его с большим трудом и они должны угостить девушек... Вчера, когда они в чем-то душном подъезде попробовали эту гадость, контрольная по математике казалась миражом, выдумкой.

Теперь же, утром, предстоящий урок стал для Андрея вполне осязаемым, будто он уже сидел за партой. Тревожное чувство, что он не подготовлен, не понимает темы, изначально обречен на провал, чувство бесконечной беспомощности, осознания своей ограниченности жгло его и разрывало изнутри. Но еще мучительнее было то, что он понимал: обладая логическим мышлением, в любой ситуации легко устанавливая причинно-следственные связи, решить новый пример из алгебры, для многих кажущийся элементарным, не может.

Вчера он впервые в жизни узнал, что такое хмельная голова, и Зайцев, кажется, тоже. Они пили по глотку и по очереди крутились вокруг своей оси, и тогда мир словно замедлялся, проблемы забывались. Но это первое ощущение он будет помнить еще долго – вместе с эйфорией пришел страх. Чужой человек, не Андрей, пел вчера с другом похабные песни и хохотал до истерики в вагоне метро. Не он управлял своим телом. Хорошо, что дома, когда он вернулся, еще никого не было.

Аладдин с трудом перевернулся на спину – в ушах зашумело. Однако состояние здоровья не беспокоило его так, как предстоящая контрольная.

Он услышал, как на кухне гремит посудой тетя. Она уже вторую неделю гостит у них, в Городе Дождей, и делает все по хозяйству. Все не так, как привык Андрей: яичница вечно пережарена, чай слишком крепкий и остывший. Мама никогда не наливала чай, пока он не покончит с едой. Какой смысл выставлять его в самом начале завтрака?

От мыслей о тетиной стряпне юношу замутило. Нет, тетю он любит. Но она слишком хорошо его знает, слишком легко раскусывает его хитрости и гостит у них слишком долго...

Андрей сел в кровати и неожиданно почувствовал, как в сердце что-то остро кольнуло. Он охнул и повернулся – второй укол был таким сильным, что в глазах потемнело. На мгновение он даже испугался, но радость надежды оттого, что его могут оставить дома, была сильнее.

– Мама, ма-а-ам!

– Я сказала тебе, сейчас же вставать! – раздался разгневанный голос из коридора, и что-то посыпалось, судя по звуку – обувь.

– Сердце... Мне не встать.

Она вошла в комнату и склонилась над ним.

– Что с тобой?

– Колет... Колет... – простонал Андрей, тяжело дыша.

– Наверное, просто спал на животе. Сейчас пройдет. Подожди.

Он подождал. Спустя пятнадцать минут боль несколько утихла, но еще была достаточной, чтобы он мог изредка постанывать, и хотя он уже мог встать, постоянные мысли о том, что ему плохо, делали его все слабее.

Мать вернулась и зачем-то положила руку ему на лоб.

– Температуры нет. Я не могу тебя оставить.

– При чем здесь температура? Что-то у меня с сердцем. Его никогда так не кололо.

Ему вспомнилось старое кислое лицо учительницы алгебры, ее презрительные глаза.

– Это подростковое. Такое бывает, – голос матери дрогнул, звуча уже не так строго.

«Ее мучают сомнения. Уже почти...» – понял Аладдин.

– Ты же знаешь. Я бы не стал жаловаться просто так, – соврал он и привел последний решительный аргумент: – Папа бы мне поверил.

Мать хмыкнула, вскочила и вышла из комнаты. «Победа!» – решил юноша.

Победа имела горький привкус – перед глазами на мгновение появилось серьезное лицо отца. Но если его оставят – ложка того стоит. Мучение от проваленной контрольной, от унижения, которое ему предстояло, было слишком велико. Цена такого обмана – минимальная. Возможно, он не расстроит в очередной раз родителей, если вовсе не явится в школу и не получит плохую отметку.

Он уже представил, как выспится, а потом сможет целый день делать что захочет. «Мы должны быть там, где нам плохо, чтобы со временем сделать это место лучше». Эта философия сейчас никуда не годится. Как я могу сделать лучше училку математики с ее чистеньким кабинетом?

Сердце кольнуло едва-едва. Тупая боль затихала. Да, это оттого, что он спал на животе, и да, такое с ним уже бывало.

Когда Андрей закрыл глаза, он услышал обрывки разговора между мамой и тетей.

У матери голос был высоким и растерянным. Тетя говорила низким грубым голосом с южным акцентом, который Андрей так любил, но сейчас почему-то возненавидел.

– Не смей меня. И шо сердце? Ему шо, девяносто девять лет?

– Лежит бледный. Вроде не притворяется.

– Знаю я, как они не притворяются! Сама вырастила троих оболтусов. Шо они только не выдумывали! И грифель жрали, и молоко с селедкой, и градусник на лампочке подогревали.

Парень с головой накрылся одеялом: «Ну спасибо, тетенька. Зря она тебя к нам позвала, торговала бы ты на своем рынке, но тебе все мало! А про градусник я запомню. Спасибо!»

– Ну пошли...

Заскрипели половицы. Тетя не стала трогать лоб, она сразу включила свет и легко стянула с него одеяло.

Андрей зажмурился.

– Что делаете-то?!

– Пошли к доктору сердце проверять.

Она смотрела на него в упор.

Ее вечно смеющиеся глаза на широком лице с обвисшими щеками пристально разглядывали «больного». Андрей обожал ее шутки, но не сейчас.

– Я... я не могу. Мне плохо... – Его голос прозвучал притворно, он сам это понял.

– Может быть, – нараспев произнесла тетя, – мне тоже плохо каждый божий день. А на рынок хожу.

Без одеяла, на свету, юноша будто плавился под ее буравящим взглядом.

– Тогда вызовем доктора домой.

Андрей сломался.

– Хорошо! Встаю! – Он нервно вскочил и быстро вышел из комнаты, добавив на ходу: –

Но если я упаду по пути в школу, это будет на вашей совести.

Пришлось завтракать пережаренными яйцами и остывшим чаем. Ни с кем не попрощавшись, Андрей вышел из дома. Ему все еще не верилось, что он попадет туда: в персональный ад, где с вилами на сковородке его будет переворачивать математичка с кислым лицом. Вася Зайцев засмеется: «Это же просто! Чего ты не понимаешь?» А среди девчонок... Он не хотел выглядеть *идиотом*...

Дождь продолжал лить, кажется, со вчерашнего дня. Поспешно собираясь, парень снова забыл зонт.

«Все равно. Может, теперь наконец заболею по-настоящему».

Вид скупающих в ожидании автобуса людей на остановке привел его в ярость. Ноги его сделались чужими и понесли дальше. Да, ноги все делали верно, они знают свое дело лучше головы.

Андрей прошел мимо своей остановки. Он увидел автобус, идущий в обратном от школы направлении.

«Какой дурак захочет добровольно отправиться в ад?»

Он побежал через дорогу и опомнился, когда уже стоял у заднего стекла и глядел на мокрую дорогу, убегающую вдаль.

«Пап, извини. Я обещал не забивать на уроки. Но это особый случай. Даже ты не сможешь сейчас понять меня».

...Автобус ехал долго. Время тянулось медленно. Сейчас все только еще заходят в школу. Зайцев отпускает какую-нибудь плоскую шутку. Элеонора Павловна поправляет идеальную стрижку, позвякивает длинными серьгами и отвечает ему так, что все вокруг лопаются от смеха.

...Автобус ехал долго. Прочь из Города Дождей. Каменные высотки сменились беспорядочно торчащими березками, выросшими среди болота. Начался первый урок. Это значит, его класс уже пишет контрольную. Математичка раздает задания по вариантам. Каждая минута, проведенная вне школы, сейчас особенно сладостна. Ергольцева, наверное, снова пришла в такой короткой юбке, что никто из парней, разговаривая с ней, не смотрит в ее лицо. Фаина Рудольфовна носится по кабинету истории с испуганными глазами, забыв свои листочки дома. Маргарита Генриховна важной походкой идет по длинному коридору, отлавливая опоздавших.

...Автобус ехал долго. Андрей совсем не узнавал местности за окном. Первый урок заканчивается. На перемене малыши носятся друг за другом. Тот полный мальчик, что бегал вчера с черепом Гришани, опять, наверное, что-то учудил. Новый учитель... Сегодня его урок. Жаль пропускать. Андрей еще помнил предыдущую учительницу, которая что-то нудила себе под нос. То, что биология может быть интересной, удивило его. На днях он заглянул в учебник, задумался над тем, что у человека внутри, и решил, что, пожалуй, мог бы стать хирургом. Мать все равно постоянно промывает ему мозги по поводу того, что музыкантам не на что жить. Хирург. Кажется, звучит неплохо. Он мог бы спасти кому-нибудь жизнь. Совсем неплохо. И пальцы у него цепкие.

...Как же долго плетется этот автобус! Отец – где он сейчас? Сегодня он ведет урок у параллельного класса. Если повезет, то папа решит, что в школе они просто не пересеклись. Если захочет разыскать его, то будет звонить, – трубку поднимать не обязательно, а с мамой он вряд ли станет разговаривать...

Андрей вышел на кольце. Городок на окраине Города Дождей выглядел невзрачно. Лучше всего ему подходило название Городок Грязи и Луж, так как в многочисленных выбоинах в асфальте скапливалась мутная вода, которую с шумом выталкивали шины проезжающих автобусов.

Дождь кончился, но небо оставалось грязно-серым. На улице резко похолодало.

Автовокзал был пуст. В киоске с горячими слойками дремала продавщица. Андрей часто хотел есть: хотя тетя и говорила о нем «кожа да кости», юноша подтягивался лучше всех в классе, и аппетит у него был соответствующим. Но сейчас его мутило, и он купил слойки про запас, потому что ждать предстояло еще много часов. Возвращаться домой было слишком рискованно: там могла быть тетя.

За остановкой его неожиданно стошнило. Может быть, укачало, а может, хваленый бурбон – это всего лишь дешевая подделка. Зато сразу стало легче.

Юноша заметил высокий мост над железнодорожными путями. Он долго и с трудом поднимался наверх, надеясь, что там его обдаст ветерком. Добравшись, он оказался на уровне вершин деревьев. Однако в мокрой одежде под сильным ветром он мгновенно продрог и пожалел, что он «кожа да кости», – лишний жирок, как у Зайцева, ему бы сейчас не помешал.

Вокруг насколько хватало глаз было так тоскливо и пустынно, что Андрей решил, будто он один на свете. Он и дремлющая продавщица слоек. Длинные железнодорожные составы без движения застыли в депо, перекрещивающиеся рельсы упирались в горизонт.

Маневрируя в потоках ветра, в небе ниоткуда появилась птица. Небольшая ворона приземлилась неподалеку на перила, каркнула и, склонив голову, принялась рассматривать подростка.

– Пошла! – Андрей взмахнул на нее пакетом со слойками.

Птица мгновенно оттолкнулась ногами и перелетела на пару метров в сторону.

«Упрямая», – подумал он и, отломив кусок слойки, бросил ей.

Ворона быстро проглотила хлеб и снова каркнула.

«За смелость получи еще». Но ворону интересовало что-то другое: она внимательно изучила Андрея и улетела прочь.

Когда юноша спустился, весь дрожа, вереница работяг потянулась со стороны вокзала. Там были женщины и мужчины в рабочей форме с сумками через плечо и угрюмыми лицами – все они, как казалось Андрею, рассматривают его и знают, что он прогуливает школу.

Он так замерз и устал от безделья, что сел в обратный автобус. У него осталось не так уж много денег – только на билет.

Когда они въехали в Город Дождей, снова, оправдывая это название, начался ливень. Глядя в забрызганное грязью стекло, Андрей начал узнавать район, по которому ехал.

Какое-то время он колебался, а затем выскочил на остановке. И только оказавшись на улице, сообразил, что денег еще на один билет у него нет.

Парень так устал от езды в автобусе, так вымок и замерз, что уже не рад был тому, что пропустил алгебру. «Всего один час – нужно было отсидеть, и все». Его начала мучить совесть.

Он еще сердился на мать, поэтому не считал, что обманул ее, но отец был как будто ни при чем – а Андрей снова подвел его.

Как в полусне он преодолел известный маршрут и вошел в полутемный подъезд. Только поднявшись по лестнице и встав у деревянной двери, он осознал, что пришел к бабушке.

Андрей позвонил раз, другой. Никто не открыл.

С полчаса он посидел на ступеньках, слушая ругань соседей и звуки настраиваемой скрипки где-то на верхних этажах.

Бабушку он узнал по шагам. Она медленно шаркала по лестнице. О перила постукивала сумка с продуктами.

Со зрением у старушки было все в порядке – она сразу признала внука.

– Ты мой хороший! Дружок! Что ж ты без зонта? Ждешь меня? А я, старая дура, впервые сегодня встала, решила – дойду до двери. Дошла! Думаю, дай-ка спущусь по лестнице. Спустилась! Ну а раз уже спустилась – айда до магазина! Пойдем-пойдем пить чай!

Она не задавала вопросов. Может быть, не хотела, а может, слишком рада была его видеть.

Трясущаяся рука попыталась открыть дверь. Не получилось.

– Ба, дай я помогу.

«Она опять ходит. Больше не лежит. Нужно рассказать папе. Моя бабушка – ангел, – думал он, чувствуя угрызения совести и собственную ничтожность. – Она приняла меня таким, как есть. Нет, лучше, чем я того заслуживаю».

Открывая дверь, он взглянул на ее пробор сверху. «Как ангельские крылья», – подумал он, рассматривая расчесанные седые волосы. Бабушка всю жизнь проработала в центральной библиотеке Города Дождей. Сколько книг теперь хранилось там, в ее голове?

Дверь скрипнула, и он вошел в темноту. В квартире было тепло.

«Тепло. Мне просто нужно было в тепло».

– Андрюша пришел ко мне! Вот радость!

Он обманул всех. Даже своего ангела.

Зрение у старушки было хорошим, но даже она не могла увидеть в сумраке, как густо юноша покраснел.

Фаина

Все костюмы казались ей совершенно не подходящими. Сердце чувствовало незнакомый прежде праздник: надеть черное или бежевое казалось кощунством.

Фаина Рудольфовна долго стояла у шкафа. Она с трудом дотянулась до дальней вешалки и потрогала пальцами летний сарафан. Внутри он был словно подорожник, согретый солнцем, а снаружи – шероховатый, как листья лопуха.

Летом. Главное случится только летом. Что с того, что ей хочется лета уже сейчас? Вторую неделю идет дождь. Над городом повисло пуховое закопченное одеяло. Под ним хочется только одного – спать.

Но у нее теперь большая радость: уже смирившись с тем, что остаток жизни они с мужем проведут вдвоем, гуляя с собакой, читая книги и попивая чай с зефиром по вечерам, она узнала, что на свет должен появиться новый человек.

«А я уж думала, что к старости сменю Маргариту Генриховну на ее месте мировой матушки».

Вместе с ощущением праздника пришла легкая томность и лень, которой Фаина не помнила с юных лет. Вся ее жизнь была выполнением домашних заданий, начиная со школьной скамьи и заканчивая последним местом работы. А теперь ее волновало только лето и долгие холодные месяцы, которые предстояло пережить.

Ее окликнул муж, и она отдернула руку от платья.

Большой, в теплом пальто, с тяжелым портфелем, он наклонился к ней, чтобы обнять, и она почувствовала его шершавую щеку на своей шее.

– Не побрился?

– Не успел что-то, – он небрежно махнул рукой, и над носом-картошкой блеснули игристые глаза.

– Пошел. Пока.

Он положил широкую ладонь ей на живот.

– И тебе пока.

«Я больше не могу терпеть детей», – призналась она ему как-то бессонной ночью, когда в очередной раз ученики облили чем-то сладким, вроде сока, ее учительский стол.

«Подожди, – шептал он, глядя ее выцветшие волосы своей большой сильной ладонью, – свои дети – это совсем по-другому».

В тот день, когда она узнала, что беременна, щелкнул какой-то выключатель, и Фаина поняла, что муж был прав.

Она вернулась к зеркалу. Сарафан и что-нибудь яркое сверху. Ее бледное лицо покрыл румянец.

«Если до лета еще далеко – летом буду я».

– Так у нас, оказывается, новенький? – Фаина Рудольфовна встала со своего места и посмотрела в дальний угол.

Дети хором засмеялись.

– А что тут смешного?

– Он не новенький. Он тут с сентября, Фаина Рудольфовна, – странным голосом сказал Емеля Колбасов.

– Не выдумывайте!

– Мы не выдумываем. Вы, наверное, просто не замечали его, мы ведь сегодня первый раз в этом кабинете занимаемся.

– Как зовут?

– Кеша, – крикнул кто-то из класса.

– А почему сам не отвечаешь? – серьезно спросила Фаина новенького.

На нее смотрели необыкновенные зеленые глаза, чистые, как изумруд. Казалось, они видят всю ее душу.

– Он что, теперь всегда будет с нами ходить на уроки? – спросила курносая девочка с первой парты, давясь от смеха.

– Да, всегда. А почему вас это так удивляет и смешит? Разве у вас впервые меняется состав класса?

– Но он же птица! – угрюмо крикнул губастый мальчик со сросшимися бровями.

– Что? Какая птица?

Фаина Рудольфовна растерянно посмотрела перед собой. Да, в клетке, за новеньким, действительно находилась птица. Там жил волнистый попугайчик. Но новенький-то сидел перед клеткой на последней парте: зеленые пронизательные глаза, каштановые взъерошенные волосы, белая выглаженная рубашка, даже слишком белая – слепящая белизной.

– Так кто из вас Кеша?

На этот раз дети озадаченно переглянулись. Колбасов стал нервно ковырять карандашом ластик. Курносая девочка открыла рот. Учительница заметила их реакцию и смутилась.

«Что я говорю не так? Ведь очевидно, что я спрашиваю про мальчика. А они, почему они упорствуют? Это было бы слишком глупой и продолжительной шуткой, даже для шести-классников!»

Школьники начали перешептываться. В их взглядах появилось сомнение в ее вменяемости. Гул нарастал.

– Все в порядке. Меня просто тоже зовут Кеша, – спокойно сказал новенький, и она услышала его, несмотря на шум.

Фаина Рудольфовна бросила на него испытующий взгляд и медленно села.

– Ой, ребята, у меня сегодня голова идет кругом.

Она почувствовала, как лоб покрыла холодная роса. Кажется, в школе включили отопление...

Фаина услышала свой усталый голос, как будто чужой. Губы сами говорили, что нужно:

– Сегодня мы пишем эссе по обществознанию, тема на доске!

«Что я готов сделать для общества, в котором живу?»

– Объем – одна страница. Постарайтесь отвечать развернуто...

– А давайте лучше на следующем!

Фаина ничего не ответила, лишь хлопнула о стол стопкой тетрадей. Заскрипели ручки. То и дело кто-нибудь покашливал или сморкался. Через минуту учительница подняла голову и посмотрела на новичка. Он сидел приосанившись, как сфинкс, и держал руки перед собой на парте ладонями вниз. Мальчик глядел прямо на нее.

– Пиши, Кеша.

Кто-то издал смешок.

В дверь постучали. Это была Ергольцева из девятого:

– Фаина Рудольфовна, у вас наш журнал?

– Ах, да...

– Мне надо на *физру* отдать.

– Да-да. Бери, конечно.

– Угу.

Время текло мучительно долго за проверкой работ. Чем ближе к звонку, тем чаще ее отрывали от дела. Наконец на столе возникла новая стопа.

– Емеля, смотри в свою работу. Настя, не сутулься.

Фаина отодвинула в сторону проверенную стопку тетрадей и положила рядом новую.

– Все сдали работы?

В ответ на ее слова раздался нестройный шум голосов и зазвенел звонок.

Дети покидали класс, оставив открытой жалобно поскрипывающую дверь, а на полу валялись обрывки бумаги, стержни, огрызки карандашей, фантики, пачки из-под сока. Сегодня у Фаины не было сил останавливать их, читать нравоучения, чтобы они убрали за собой. Столько раз она говорила – и ничего не меняется.

Фаина Рудольфовна подняла глаза и вздрогнула – новенький так и сидел на месте в своей белоснежной рубашке.

– Ты сдал работу?

Он отрицательно покачал головой. Потом встал и, заложив руки в карманы, подошел к учительскому столу. Изумрудные глаза светились тихим светом.

«Мелкий пижон», – подумала она, глядя на искрящуюся ткань рубашки.

Фаина Рудольфовна не терпела, когда ее испытывают:

– Я не знаю, из какой ты школы, дружок, но у нас так не поступают. Ученик выполняет задание и сдает работу мне в руки в письменном виде.

– Мы ведь пишем затем, чтобы поразмыслить над своим будущим?

Учительница с нарастающим раздражением кивнула.

– Я в этом не нуждаюсь, – самоуверенно заключил парень, – мне известно, что я сделаю для народа, среди которого живу.

– Серьезно? Значит, всем остальным неизвестно, а тебе известно?!

– Не сердитесь. Вы успокойтесь, когда я скажу, что именно сделаю для людей.

Слова мальчика подействовали на Фаину обратным образом – она почувствовала, что начинает закипать.

Ей стало душно. Резким движением учительница открыла окно.

– И что же ты сделаешь... для общества?

Горячий воздух струился в открытую щель, мальчик в белой рубашке и предметы вокруг него переливались, искажаясь в прозрачных волнах.

«С ума можно сойти – топить так сильно! Мы же тут не железо плавим!»

– Я стану пророком и буду говорить людям, как поступит с ними Бог, – заявил малец.

Фаину передернуло: «Хорошо родители обработали! А может, удачная воскресная школа... Теперь нужно следить за языком». Она все же не сдержалась и сказала:

– Мощно. А откуда ты знаешь, что не будешь говорить отсебятину? С чего ты взял, что все это не твои выдумки?

– Оттуда же, откуда знаю, что буду пророком. Это не такая уж завидная участь. Идти туда, куда не хочешь, выполнять чужие задания...

Она выдвинула верхний ящик и протерла бумажной салфеткой мокрый лоб, затем открыла журнал и нашла фамилию нового ученика. Фаина постучала ручкой по столу и процедила сквозь зубы:

– Я сама предскажу кое-что тебе и твоим родителям: в следующий раз ты получишь еще одну двойку, если не выполнишь мое задание. Понял?

Она подняла глаза – перед ней струился только горячий воздух, покидавший опустевший душный кабинет.

Фаина повернула голову на скрип и увидела, как медленно закрывается дверь в класс. Ей показалось, что в щели мелькнуло что-то белое. Ей действительно это показалось?

Роман Штыгин

Ергольцева в спортивных штанах и майке бежит по лестнице вниз. Как же удобно без этой нелепой школьной формы! В руке журнал, найденный у Фаины в кабинете. Она наслаждается тем священным мигом, когда она «как бы не на уроке, но по уважительной причине». Она еще минут пять стоит у спортзала и смотрит оценки по информатике.

«Построились!» – слышится суровый мужской баритон. Ергольцева выплевывает жвачку и вбегает в зал.

Обычно первый крик раздается из спортивной кладовой. Если ко второму все еще не построены, то бегать и отжиматься придется в два раза дольше; зная об этом, ученики образуют плотный ряд.

– Тихо-тихо, идет. Сделай серьезное лицо.

– Говорю тебе, он потерял руку в бою. Ему лимонкой оторвало.

– Что ты несешь! Он бился с афганцем в рукопашке. Мне Глеб из одиннадцатого рассказал.

– Замолкните! Он услышит. Это все ерунда, Роман Андреич на заводе работал с пилой.

– Капитан Крюк.

– Круто. Он как киборг.

– Спроси, спроси у него!

– Отвянь. Да не толкайся, задрал!

– Болотов, Кочергин, разговорчики! Ян, почему в джинсах? Куницин, встань в строй! – Учитель физкультуры медленно проходит мимо, щедро рассыпая приветствия.

– Меня Болотов выталкивает, Роман Андреич. Отвянь, тебе говорю, тупица!

Штыгин придерживает журнал здоровой рукой и внимательно проверяет присутствующих по списку. Краем глаза он следит за великолепной четверкой, которая обычно передвигается по школе, как снежный ком. Неизменная компания мушкетеров, которые вместо того, чтобы драться с гвардейцами, весь день мутузят друг друга, обмениваясь пинками, подзатыльниками и тычками, засовывая за шиворот бумажки, связывая шнурки от разных ботинок, рисуя чужие затылки и плюясь водой. Больше всех обычно достается Куницину, однажды у него даже пошла носом кровь из-за того, что на ледяной горке ему «кто-то сел на лицо».

Учитель физкультуры понимал, что они опять обсуждают его руку, поэтому не слишком останавливал их – пошепчутся и успокоятся.

– Ого!

– Что ты?

– Ну, у него и бицепс на другой, здоровой...

– Ну и что... у моего бати больше будет.

«Эти еще ничего, – думал Штыгин, – как щенята: тело выросло, а остальное...»

Он тревожно посмотрел в сторону раздевалок.

– Кто еще не вышел?

Он сверился со списком. Ну конечно, не хватает только демонов. Вот кого следует опасаться!

Их трое. Один не похож на другого. Только он вспомнил о них, как двое вышли из дверей – вальяжно, через пять минут после звонка, всячески привлекая к себе внимание. Одинпил на ходу лимонад, другой жевал завернутую в пакет пиццу.

– Мы опоздали, можно войти? – говорит самый высокий из них, широкоплечий, наглым голосом. Кожа его всегда смугла, голову покрывают короткие черные кудри. В правом глазу,

когда он смотрит, появляется холодный надменный блеск. В его походке и движениях сквозит такая самоуверенность и дерзость, что не верится, как он может ходить невредимым по свету, как никто еще не обломал эту терновую цепляющуюся ветвь, как не втоптали в землю эту ядовитую рептилию. Злой невидимый огонь играет на его лице, кривит в усмешке губы, и сверкающий глаз словно говорит: вы ничего не можете мне сделать. Вы бессильны.

За его плечом появляется второй – с бесстыжим упитанным лицом. Как и первый, он всегда выглядит отдохнувшим, румяным, потому что не имеет в жизни никаких утомительных занятий. Глаза его пусты от вечной праздности, в голове как будто совсем нет мыслей. Он жует пищу с колбасой и прячется за широкой спиной первого демона. Его губы перепачканы, он вытирает их рукавом и глядит сальным взглядом на Ергольцеву в шортах. Потом смотрит вверх, на свою челку, выкрашенную в желтый цвет и стоящую дыбом. Проводит толстыми пальцами по выбритому машинкой узору над правым ухом. Нетерпеливым пинком он подталкивает первого демона вперед и размеренным шагом движется к строю.

Как только они становятся в линию, первый обнимает девушку с голубыми глазами и прямыми русыми волосами, так ровно лежащими вокруг ее лица, словно она расчесывала их часами. Поглядывая сверкающим глазом на учителя, он склоняется и целует ее в ухо. Но отвратительнее всего Штыгину то, что она не отстраняется, а, поджимая руки, томно улыбается. Взгляд ее вдруг делается таким же пустым, как у второго демона.

Все это произошло в одно мгновение, а Роман Андреевич вспомнил, что она еще недавно была отличницей и успевала не только в спорте, но и по другим предметам. Он с омерзением ощутил, какого рода лень охватила ее и почему теперь она не хочет сдавать нормативы, которые раньше сдавала с легкостью.

И как будто вводя ее в сладкий смертельный сон, рядом всегда кружит смуглый демон – второй из шайки. Он знает, что всякий его поступок останется безнаказанным, так как родители всегда заняты другими важными делами. Слово «отец» ассоциируется у него с черной блестящей машиной.

А если кто-то все же попытается его наказать? Тогда сюда ворвется породившая его демонница и, хлопая грозно крыльями и скрежеща когтями, изничтожит каждого, кто обвинит ее отпрыска. Если же это не удастся, она внесет залог, но ей не придется отдавать ни позвякивающих золотых браслетов, ни драгоценных серег, ни бриллиантовых амулетов. Она всего лишь пригрозит демонами куда более грозными, чем она, восседающими в судах, говорящими с трибун и принимающими такие законы, которые защищают демонов от остальных людей.

Штыгин же боялся в этой жизни одной только смерти. На демонов он насмотрелся и будет бороться с ними до конца своих дней.

– Харибдов, ты ничего не перепутал?

– Ничего! – послышался нагловатый голос.

В зале воцарилась тишина. Роман Андреевич грозно взглянул в дерзкие мерцающие глаза.

– Встань в мужской ряд, – его голос разрезал воздух, как острый армейский нож. В нем чувствовалась опасность и едва уловимым эхом слышался звон пролетевшего клинка.

Даже второй демон перестал на мгновение жевать.

Харибдов поднял свое правильное загорелое лицо, а потом с любопытством оглядел учителя физкультуры. В полной тишине он перешел в мужской ряд, оттолкнув кого-то плечом. Его белые зубы блеснули на мгновение, а глаза сказали: ты пожалеешь, но не сейчас.

– Кайотов, почему с едой?

– Ща я доем уже.

– Вышел.

Но второй демон затолкал тесто в рот и, тупо ухмыляясь, посмотрел на товарищей.

Роман Андреевич слишком поздно заметил, что все вокруг уже были заражены. Как будто эти двое внесли сюда чумной микроб или вирус бешенства. Настроение всего класса мгновенно переменялось. В позах и словах, во взглядах появилось что-то дерзкое, наглое, напыщенное. Черный спрут гордыни и высокомерия расплзался по залу и запускал свои щупальца в слабые сердца учеников. И многие так легко поддавались ему!

Штыгин знал, что это тяжелый класс, один из самых неуправляемых в школе. За один час они без преувеличения могли отобрать у учителя несколько месяцев жизни. Они могли довести до отчаяния, взять у человека все его душевные и физические силы, не заметить этого и уйти с убеждением, что они никому ничего не должны, но все должны даром отдавать им свое время.

Учитель физкультуры свистнул.

– Где третий?

Харибдов усмехнулся. Кайотов отвел глаза.

– Я спрашиваю: где Артем Осокин?

Харибдов, Кайотов, Осокин – демоны всегда появляются вместе.

Роман Андреевич резко развернулся и направился к раздевалке. Тревога мучила его, потому что третий демон однажды выпрыгнул в окно, чтобы сбежать с уроков. Третий демон связывал ниткой лапки голубям и стрелял в кошек из воздушного ружья. В прошлом году он поджег локоны одноклассницы и в туалетах специально мочился в ведро уборщицы. О третьем демоне говорили на каждом углу школы и через слово упоминали в учительской. Сколько пожилых женщин он довел до ярости и бессилия, сколько молодых краснели и смущались из-за него, сколько взрослых людей в исступлении глядели на его беззакония, сколько тайно плакали из-за него по вечерам и мучились бессонницей.

Штыгин вошел в небольшой коридор и почувствовал тошнотворный запах алкогольного энергетического напитка.

«Мерзавцы...» Он толкнул дверь.

– Нет-нет, не входите, я переодеваюсь!

Роман Андреевич успел увидеть его худое лицо с вытупленными глазами, и ему показалось, что это лицо беса, так как один глаз у Осокина косил, а тонкие губы всегда слабо улыбались. Учитель встал к двери спиной и не вошел, но успел также заметить и то, что тот был одет и что он быстро спрятал банку с напитком.

«Врет, гаденыш!»

Роману Андреевичу вдруг стало больно за всех тех, кто не мог нормально работать, за всех, кто не мог учиться и развиваться из-за одного избалованного, слетевшего с катушек подростка. Почему столько разумных людей должны были, опустив руки, ждать, когда насытится этот нетопырь, наиграется, развлечется.

Он вспомнил малый педсовет и отца Артема Осокина, огромного толстого мужчину, орущего на учителей и завучей и требующего доказательств преступлений своего сына.

– Теперь будут тебе доказательства! – Штыгин легко толкнул дверь и достал телефон со встроенным фотоаппаратом.

Но хитрый демон опередил его. Он уже надежно спрятался за дверцей в туалете и крепко вцепился в алюминиевую банку.

– Осокин, не устраивай цирк. Я знаю, что вы с друзьями пили перед занятиями. Не выйдешь в зал, я запечатлею твои приключения!

Демон затрепетал, и глаза его забегали. Учитель физкультуры – единственный, кто не давал ему расслабиться на занятиях, единственный, кто держит слово и доводит дело до конца. Демон закашлялся, а потом странный неудержимый смех разобрал его.

Не стоит загонять малую крысу в угол, не стоит отмахиваться рукой от змеи.

В полутьме губы подростка дрогнули кривой улыбкой, и жестокий план созрел в голове. Для надежности он расстегнул штаны, и они спустились до колен.

– Артем, ты слышал меня? Выходи.

Демон прижался к двери и что было мочи заорал визгливым тенором:

– Помогите! Ко мне пристают!

Штыгин, бледный, отшатнулся от дверей раздевалки.

– Перестань...

– На помощь! Раздевают! Домогаются!

Роман Андреевич свирепо толкнул дверь, ведущую в зал, и вышел вон. Он остановился и замер. На мгновение его правая рука повисла так же безжизненно, как и левая.

Девятый «Б» хохотал: кто-то согнувшись пополам, кто-то присев на лавку.

Смуглый демон торжествовал, его глаз засиял еще ярче. Он взял выше локтя девушку с прямыми русыми волосами и привлек к себе. Она, как ватная, легко подчинилась ему.

Штыгин видел ее побледневшее лицо, полные страха голубые глаза.

Она была единственной, кто не смеялся, кто представил вдруг весь ужас последствий случившегося – об этой истории сегодня же станет известно всем.

Демоны

На следующий день они вошли в туалет на третьем этаже. Кайотов плюнул и попал на водопроводный кран. На стене на кафеле маркером было написано: «Типичный комиксолюб».

– Слышь, Осока, ты типичный комиксолюб.

– Да ты задрал говорить это каждый раз! – послышался из-за перегородки высокий голос.

Осокин говорил быстро, с какой-то небрежностью, проглатывая часть звуков.

Из кабинок слышалось дружное журчание. В одной кабинке звон был самым громким.

– Артем, ты опять в ведро мочишься, что ли? – спросил Харибдов.

– Я снайпер.

– Пацаны! Слышьте! – подал голос Кайотов, как будто не перестававший что-то жевать. –

Меня батя брал недавно на охоту. Он мне даст, по ходу, скоро пистолет-воздушку пострелять. Там пули стальные.

В ответ послышался приглушенный смех. Скрипнула дверь.

– Отвали! Не трясина меня! – завизжал Осокин.

– Давай-давай, снайпер. Покажи ведро. Кай, смотри, тут хватит, чтобы пол помыть.

Трое забились в одну кабинку и склонились над ведром.

– А если уборщица и впрямь *этим* помоем?

– Тогда вам придется по *этому* ходить, – послышался детский голосок.

Они выглянули из кабинки и увидели у подоконника, на фоне окна, мальчишку в белой рубашке.

– Мелкий, тебя кто спрашивал?

Мальчик повернулся и улыбнулся так странно, что Харибдов даже решил не давать ему пока подзатыльник. Глаза мальчика были зеленые и лучистые, как морская вода.

– Спросите меня, что вас ждет в ближайшем будущем.

– Он дурачок, что ли? – спросил Харибдов, и парни заржали, как жеребцы. – Парень, ты что ли новенький? Я тебя раньше не видел...

В проем протиснулся Осокин. Он был ниже своих приятелей и самый щуплый из них. Поправив пальцами футболку с надписью «New York» (в футболках по гимназии ходить было нельзя), он поглядел на мальчика. Из-за косящего глаза и нервной слабой улыбки худое лицо Осокина казалось одновременно беспомощным, виноватым и безумным. И оставалось загадкой, как одно лицо могло выражать все это сразу.

– Подожди-подожди. – Артем похлопал говорящего Харибдова по твердому животу, губы его растянулись в улыбке и тут же сжались, лицо стало притворно серьезным, он проговорил, намеренно деля голос гнусавым и растягивая гласные: – Скажи-ка мальчик, что меня ждет в будущем?

Но мальчик совсем не понял сарказма. Он только перестал улыбаться и проговорил медленно, хмурясь по-взрослому:

– Я вижу огненный след на твоей щеке. Вижу, как ты отжимаешься от пола и стоишь в строю.

– Физкультурник мстит, что ли?

– Нет, он – тут. Ты – там. Он – в спортивной форме и хочет ее носить. Ты в военной – и не хочешь. Жалко твои пальцы. Пальцы, которые могли бы дарить музыку. А еще жалко птицу.

– Какую птицу, парень? Ты дурошлеп? – Артем сплюнул на пол.

– Ха! Осока. Тебя загребут, короче. Малой, а мне предскажи! – просит Кайотов.

– Уйдешь отсюда первым. Вижу, как тебя бьют по лицу, часто бьют, уж прости.

– Это я тебя сейчас по лицу!

– Не злись, тебя это спасет. Тебя бьют – ты бьешь. Снова тебя. Выбивают дурь, выбивают глупость. Нелегкий путь.

– А мне! А со мной что? – Лицо Харибдова делается ребяческим, он вовлекается в игру.

– Ты здесь. Они там. Но не радуйся: ты здесь только потому, что их увели, а тебя оставили. Тебе скучно будет одному. Тебе стыдно будет.

Под сокрушительный гогот он прошел мимо них и вышел из туалета.

Спустя десять минут девятиклассники уже играли самодельным мячиком в футбол, отбрав его у кого-то из младших. Они забыли про странного мальчика и про то, что он им говорил.

Землеройка

– Хе-хе! Здравсьте!

Люба резко вылезла из-за края кафедры прямо перед учительским столом и ослабилась.

Их новый классный руководитель внушал ей доверие. Впрочем, как и большинство взрослых. Остальные должны были его заслужить.

Это был их первый классный час с начала года. Никто из учеников, кроме тех, что недавно подрались, еще не был знаком с ним. Люба была первой. Она уже выскакивала из-за угла, задавала ему нелепые вопросы и корчила рожи, а он все время отшучивался. Но теперь его лицо было слишком серьезным, и Кирилл Петрович тихо сказал:

– Садись. Начинаем.

Про нового классного говорили разное: одни были уверены, что теперь будет много выездов, другие считали, что молодого учителя легко будет уговорить отпустить их пораньше с уроков, третьи утверждали, что им не нужен классный, и так хорошо. К последним принадлежали Урбанский и Афанасьев. Первый поспорил с мальчишками, что он на ближайшем уроке биологии выведет его из себя, а второй с пеной у рта доказывал, что их новый учитель предатель, такой же, как и остальные училки.

– Ты просто злишься на то, что тебя поймали за хвост! – выпалила девочка, забыв, что она прячется за шкафом и подслушивает. – Нечего было подговаривать всех против новенького!

– Заткнись, тварь! – Афанасьев плюнул в нее, но она увернулась и убежала.

Люба знала, что Афанасьев ненавидит Илью за то, что тот и в предыдущей школе учился лучше его. Это всегда читалось в его глазах, когда Кротов проходил мимо.

Все остальные молчали, ведь с мальчишками дружили Кулакова и Карманова – самая умная и самая красивая. Никто не хочет ссориться с самыми-самыми, иначе все могут отвернуться от тебя.

Но Землеройку этим вряд ли можно было напугать. От нее отворачивались слишком часто. Она решила, что если потребуется, то скажет новому классному все как есть...

Кирилл Петрович дождался тишины, представился и кратко рассказал о себе. Кратко, поняла Люба, потому что иначе его могли перестать слушать.

Он назвал университет, в котором учился. Люба ничего не знала об университетах, только слышала про Большой Университет Города Дождей, куда было очень сложно попасть и куда учителя не советовали ей идти по окончании школы.

Он рассказал зачем-то, что изучал устройство мозга, и девочке показалось, что он знает, о чем она думает.

Неожиданно тон его речи поменялся и он признался:

– Мне жаль, что наше знакомство начинается с обсуждения проблем. Когда мне сказали, что я буду вашим классным, я знал, что дети могут устроить всякое, но не думал, что так скоро. В субботу кто-то заткнул раковину тряпкой во время урока рисования и убежал.

Класс зашумел. Послышались разные версии происходивших событий, оправдания, угрозы: «...Нам не понравилась, как она с нами говорила...», «...Какое она имеет право...», «Мое человеческое достоинство унизили...», «...Я имею право говорить, что хочу...»

– Я еще не договорил.

Раздался смех, потом глухой плоский шлепок, как будто кого-то хлопнули учебником по спине. «Тихо! Да слушай ты».

– Вода полилась на пол, затопила туалет и просочилась в рекреацию.

Сквозь гул Люба различала: «...Мы успели вычерпать ее...», «...Убирали тряпками целый урок...», «...Да тихо вы!»

– Да. Но урок был сорван. Если бы потопа не обнаружили, то вода размывла бы потолок этажом ниже. Могла обвалиться штукатурка. Этажом ниже – туалеты младших классов. Какой-нибудь первоклассник мог пострадать.

«...Ну, это вряд ли...», «...Я говорил тебе...», «...Да оставь в покое мою руку!»

– Человек, который это сделал, должен признаться. Он может встать сейчас или задержаться и подойти ко мне после классного часа.

Люба была уверена почти на сто процентов, что этот классический номер не пройдет и никто не поднимется. Она даже удивилась, что Кирилл Петрович вынужден был использовать его. Однако учитель неожиданно добавил:

– Мы проверили видеозапись, и виновники уже известны... Но может быть, вы хотели бы и сами рассказать, почему это произошло?

Люба вспомнила, как заглядывала в учительскую, когда там просматривали запись. Да, учителя знают, что это их класс, но кто именно заткнул раковину тряпкой и зачем, им неизвестно. Кирилл Петрович схитрил, чтобы узнать виновных. Неужели кто-нибудь поверит?

Вопреки ее ожиданиям класс притих – видимо, последний аргумент был достаточно убедительным. Со своего места робко поднялась худенькая девочка с аккуратным каре, милым личиком и большими растерянными глазами.

Кажется, учитель не ожидал, что поднимется она.

Люба не заметила, как с ее губ сорвалось само собой:

– Лика?

Самая-самая красавица – Лика Карманова – еще никогда не делала ничего против общих правил. Землеройка принохалась и почувствовала участие самой-самой умной подружки Лики – Яны Кулаковой.

– Я сама не знаю, как это получилось... – Карманова готова была расплакаться.

В классе зашептались, потом Максим Урбанский, тряхнув своими расчесанными волосами и ехидно улыбнувшись, сказал:

– Вставай, Кулакова!

– Отвали, Урбанский. Без тебя... Я тоже, Кирилл Петрович, была там.

Девочка распрямилась. Когда она говорила, голос ее делался притворно детским и невинным. Словно лился на уши переслащенной патокой. Кулакова смотрела свысока, несмотря на свой небольшой рост. В очках и черной жилетке, она была похожа на ученого Кролика из «Винни-Пуха». Люба съежилась, зная, как ловко она может обмануть любого взрослого, не говоря уже о детях. Даже Землеройка не приближалась к Кулаковой, потому что не могла обхитрить ее. Участие Яны многое объясняло.

– Тоже?

– Не могу сказать, что я засунула тряпку. Но я была вместе с Ликой.

Подруга бросила на нее презрительный взгляд. Озеров вздохнул.

– Чем же вам не угодил раковина?

– Она тут ни при чем. Просто мы хотели отомстить.

– Вот как...

– Устроить потоп, чтобы нам не пришлось выполнять ее задание.

– Ее?

– Маргариты Генриховны.

– Значит, урок замешала завуч?

– Да, но мы раньше никогда ее не видели. Она пришла со своими правилами. Кричала на нас. Мы не взяли кистей и бумаги. Уже за это она взъелась.

– Разве кисти на уроке рисования нужны?

В классе послышался приглушенный смех, означавший, что подобное случалось не раз. Но Кулакова продолжила таким же обиженным голосом:

– Прошло пятнадцать минут от урока, а она уже написала замечание в дневник Водянкиной и Тугину за то, что они сидели с пустыми листами.

– Они сегодня в школе?

Поднялось две руки.

– Что вам сказали нарисовать? – спросил Озеров, глядя на Водянкину, которая развалилась на стуле.

– Осенние перемены в природе, – кисло ответила она.

Люба знала, что Водянкина может просидеть весь урок глядя в одну точку, не достав даже ручки. Водянкину кто-то назвал однажды обрюзгшей старухой. Она нахамила обидчику, позвонила маме – бывшей учительнице, работавшей когда-то в этой школе. Мать примчалась с огненными глазами, и больше никто в классе не позволял себе повторить подобное.

– Почему вы сидели без дела?

– Я играл в «Варкрафт», – осклабился Тугин, довольный своей честностью, – дошел до шестого уровня.

Кирилл вздохнул и посмотрел на девочек.

– Как эти замечания касаются тебя с Ликой?

Кулакова надула обиженно щеки и подняла вверх палец (ну точно Кролик из «Винни-Пуха!»):

– Никак! Она, она... Мы думали отомстить за оскорбление нашего достоинства...

– Что? Достоинства?

Словно по замыслу театральной постановки в класс вошла Маргарита Генриховна. Это было так неожиданно, что Люба вздрогнула и чуть не подавилась слюной.

– Ах, так вы здесь, Кирилл Петрович, а я вас ищу...

Завуч огляделась, сложила пальцы в замок.

– Все встали! – рявкнула она, не заметив двух уже стоящих девочек. – Итак, я хочу знать следующее: кто посмел во время моего урока испортить школьное имущество?

Люба не любила, когда взрослые кричат. Стать Землеройкой... Спрятаться в нору...

– Маргарита Генриховна, не надо, мы уже все... – начал учитель, но завуч, казалось, не слышала его.

Она начала тыкать пальцем из стороны в сторону.

– Ты – поправь рубашку. А на тебе, что на тебе за футболка? Тебе смешно? Смешно, я спрашиваю? Посмотрели на меня. На меня, а не на парту!

Обычно Люба видела завуча в двух состояниях: сдержанного «педагога», говорящего прописные истины, которые порой с большим вниманием принимались детьми начальной школы, и нервной женщины преклонного возраста, превратившейся в фурию и нещадно режущей воздух ультразвуком.

Любе было очень обидно, что на этот раз Маргарита Генриховна поддалась последнему состоянию и испортила расследование нового учителя.

Как бы глубоко Землеройка ни забралась в нору, она слышала завуча. Маргарита Генриховна кричала что-то про звание гимназиста и лицо класса, про распушенность – и зачем-то про судьбу Родины. Она и не собиралась кричать. Просто желала детям блага. Хотела, чтобы они стали «успешными выпускниками»...

Лицо Лики все еще казалось расстроенным, когда же Люба посмотрела на Кулакову, то ужаснулась: вся красная, та поджимала губы и поглядывала на подругу, едва сдерживаясь, чтобы не рассмеяться.

«Ей совсем не страшно! Ей наплевать!»

На том уроке, который замещала Маргарита Генриховна, Люба рисовала дерево, исполняющее желания. У нее было много неисполненных желаний.

Но что могли пожелать самая умная и самая красивая девочки?

Обе имели идеальную успеваемость. Обе были из полных богатых семей. У каждой были братья и сестры, друзья, наряды, игрушки, развлечения.

И чего они пожелали? Отомстить? Затопить школу?

Люба взглянула на Кирилла Петровича.

Он был бледен и стоял в стороне, угрюмый и молчаливый.

Илья Кротов

– Хотите яблочко?

Мальчик с громким хрустом откусил кусок. У него было отличное настроение.

Учитель бросил на мальчика мрачный взгляд.

– Нет. Спасибо.

Илья, еще не прожевав, добавил:

– Вы меня неправильно поняли. У меня есть другое. Я всегда ношу несколько яблок.

– Мне нужно спешить. Маргарита Генриховна вызвала меня к себе в кабинет, но сначала я должен распечатать для нее вот эти таблицы.

Кирилл Петрович стукнул по принтеру.

– Печатай, ящик с гвоздями! В этой школе хоть что-нибудь работает?

– Если у вас что-то сломалось, вы всегда можете обратиться к... Монголу.

Учитель одарил Кротова еще одним невеселым взглядом.

– У нашего мастера-библиотекаря есть имя?

– Наверное, – ответил мальчик беззаботно и откусил еще кусок. – Но он не против, чтобы его так называли.

Илья без стеснения поглядел в экран.

– Что это? Оценки девочек, которые устроили потоп? Зачем они завучу, Кирилл Петрович?

– У меня тот же вопрос.

– Потоп может устроить кто угодно независимо от того, какие у него оценки. Бог тоже однажды устроил потоп, а Ной построил ковчег и спасся.

– Не самое удачное сравнение. Ну вот, опять кончилась бумага!

«Новому учителю нужен верный помощник», – вспомнил мальчик слова Монгола.

– Кирилл Петрович, извините, что отвлекаю. Но я должен вам кое-что сказать. Кое-что важное.

Озеров рылся в ящиках в надежде найти хоть один чистый лист.

– Ну?

Мальчик склонился к самому уху учителя и прошептал:

– У вас штанина застряла в носке. Я хотел сказать вам перед уроком, но не успел. У меня тоже так бывает, когда я спешу в школу.

Озеров поблагодарил и беззвучно выругался, выправляя штанину и пытаясь удержаться на одной ноге.

– Я бы мог принести вам бумагу. У учительницы физики лежит две пачки, она, может быть, поделится.

Кирилл Петрович кивнул, и мальчик побежал в соседний кабинет. На обратном пути он наткнулся на Афанасьева. Тот легонько выставил ему навстречу плечо.

– Подлизываешься к новому классному, Кротов?

– У меня есть имя, – ответил мальчик и скрылся за дверью.

Принтер наконец заработал. Они стояли и смотрели, как он заглатывает бумагу и выплевывает горячие листы. Илья замаялся:

– Можно мне задать вопрос?

– Валяй.

– Недавно на рыбалке мы с папой встретили жабу, и у нас возник спор – правда ли, что от них бывают бородавки?

– Нет. Это миф.

Кротов почему-то с облегчением посмотрел на свои руки.

– Это хорошо.

Помолчали. От нечего делать мальчик потрогал пальцами лист лимонного дерева.

– Почему ты не с классом? Какой у вас сейчас урок?

– Английский. Мне сейчас не очень интересно с классом. От них слишком много шума.

Кирилл Петрович, можно дать вам совет?

Учитель кивнул и впервые за время их разговора взглянул на Илью.

– Думаю, вы слишком мягко говорили с девочками. Боюсь, что они ничего не усвоили.

И скоро устроят еще что-нибудь эдакое.

Лицо Озерова выразило досаду. Но в голове мальчика звучали слова Монгола: «Главное, будь с ним честен, и однажды он поможет тебе».

– По-твоему, лучше, чтобы я кричал на них, как Маргарита Генриховна?

– Нет, это было бы еще хуже. Они этого либо не заметили бы, потому что на нас все время кто-нибудь кричит, или снова захотели бы отомстить.

– Что же ты предлагаешь? Вызвать родителей?

– Это точно бесполезно. Лика и так напугана, она, может быть, все поняла. У Яны Кулаковой родители ходят по струнке – она часто этим хвастается. Недавно она заявила им, что не поедет на выходных на дачу, а пойдет с друзьями в кино. Так и было. Два дня она жила в квартире одна и делала что хотела.

– Но ей одиннадцать, Илья. Всего лишь одиннадцать, – ошарашенно проговорил Озеров.

– Я уже рассказывал вам: взрослые только думают, что управляют детьми, чаще все бывает наоборот.

– Что ты предлагаешь?

– Будьте с ними строже. Вот и все. Они хорошие девчонки. Но некоторые здесь понимают только силу. Да, чуть не забыл!

Мальчик хлопнул себя по голове. И достал из внутреннего кармана пиджака сложенный вдвое листок.

– Это вам. Лика подошла ко мне на прошлой перемене и попросила, чтобы я передал вам эту записку.

– Та самая, которая устроила потоп?

Илья кивнул.

– Почему она не подошла сама?

– Может, постеснялась. Лика хорошая девочка, но с тех пор, как стала дружить с Кулаковой... Если бы записка была в конверте, я ни за что бы не заглянул туда. В тот день ее не было в школе, она пишет, что была на соревнованиях. Я не хочу никого закладывать, но... как вам объяснить... я немного подружился с вами, и мне неприятно, что вас могут обмануть только потому, что вы – *взрослый*.

– Да к чему ты клонишь?! – удивился Озеров.

Илья протянул письмо.

– Кажется, в записке что-то не так.

Кирилл Петрович прочитал:

«В эту субботу (число) Лика Карманова ездила на спортивные соревнования по теннису. Тренер Василий Ромашкин».

Весь текст был напечатан на компьютере и только подпись – от руки.

Тренер должен был сесть и набить на клавиатуре текст, потом распечатать на принтере. Где? В спортивном зале? Или у тренера был собственный кабинет? В лице учителя мальчик прочитал сомнения. Неужели подделка?

– Хорошая девочка... – процедил Озеров сквозь зубы.

Они вышли из класса, и Кирилл Петрович зазвенел связкой ключей.

– Мне не хотелось бы, чтобы Лика, хм-м-м, обиделась на меня... – сказал мальчик, глядя себе под ноги.

– Она просила тебя передать записку? Ты это сделал. Если бы она передала ее сама, все могло бы сложиться по-другому. Тебе теперь часто придется сталкиваться с подобным.

– Почему?

– Потому что с этого дня ты – староста класса.

Мальчик остановился, как вкопанный, посреди коридора.

– Я... Я не хочу. Они и так ко мне цепляются!

– Значит, хуже уже не будет, – сказал учитель, быстро шагая к лестнице.

Илья побежал следом.

– И что я должен делать? – крикнул он в лестничный пролет.

– Как ты там сказал? Будешь переводчиком с языка детей, будешь распутывать хитро-сплетения, чтобы они никому не навредили. И прежде всего самим себе...

Эхо от голоса учителя разлилось по лестничной клетке и еще долго звучало у мальчика в голове.

Он внимательно посмотрел на яблоко и откусил кусочек.

Учительская

– Детей не пускают в учительскую не потому, что они могут здесь что-нибудь сломать или испортить. А потому, что это единственное место в школе, где взрослые могут от них спастись и отдохнуть. – Элеонора Павловна сидела на диване, потирая гудящую голову. – Говоря короче, Каштанов, не торчи в дверях и не раздражай меня.

– Но я только хотел узнать, в каком кабинете у нас математика!

– Как заново родился! Иди и посмотри в расписании.

– Но до него далеко. Пожалуйста-пожалуйста, Элеонора Павловна, я быстренько!

– Ты представляешь, что может сделать голодная, уставшая и больная мигренью женщина с таким настырным типом, как ты?

– Впустить меня?

– Гоша, ты рискуешь! – прозвенела своим музыкальным голосом Богачева, оторвав седую голову от журнала и хитро взглянув из-под изящных очков. – Здесь черта, которую не стоит пересекать.

– Анна Сергеевна! Я не знал, что вы вернулись... Я думал, вы...

– Такая старая, что больше сюда не приду?

– Нет. Вы не подумайте. Я очень любил ваши уроки.

Каштанов прокашлялся и запел:

«Взлета-а-ая выше ели, не ве-е-едавая преград, крыла-атые качели...»

– Если никто не прекратит этот мюзикл, это сделаю я!

Фаина Рудольфовна оторвалась от монитора и сделала два шага в сторону двери. Каштанова как ветром сдуло.

Учительница истории произнесла достаточно громко, чтобы ее слышали все:

– Дамы, я тут пытаюсь работать. Пожалуйста, чуть потише!

– Мы тоже здесь не просто так сидим, Фаиночка.

– Я просто так, – произнесла Элеонора Павловна грудным голосом, – хватит с меня. Надо заканчивать эту эпопею.

– У меня не столько к вам претензии, – буркнула Фаина, бросив косой взгляд на математичку, монотонно говорившую что-то учительнице английского языка.

– Павловна, тебя чаем напоить? – спросила, оторвавшись от компьютера, Светлана, школьный секретарь, сердобольная молодая девица, которая умудрялась работать за четверых и при этом отвечать на многочисленные, в том числе весьма глупые, вопросы педагогов и периодически появляющихся родителей, а также подкармливать вечно изголодавшихся учителей печеньем.

Светлана только два года назад приехала в Город Дождей из хутора, где большая семья держала скотный двор, поля и улы, где дом постоянно полнился вечно кричащими маленькими детьми. Казалось, что с работой она справляется легко, – но это только казалось.

– Чай мне уже не поможет, девочки, – вздохнула Элеонора Павловна.

«Даже изможденная, она способна шутить. Сильная женщина», – подумала Фаина, в очередной раз сбиваясь со счета в графах с фамилиями.

– Этот Каштанов страдает дефицитом внимания. У него не просто шило в одном месте, у него там сверло. Мне уже встречались подобные дети. Но этот случай совсем запущенный. – Богачева пыталась удобно разместить журнал на общем круглом столе, но столешница за годы разболталась и давала крен, как только кто-нибудь усаживался с краю.

– Однозначно стол нуждается в ремонте. Нужно обратиться к нашим мужчинам.

– Их теперь у нас стало чуть больше, – подала голос учительница английского Зинаида Алексеевна. У нее была одна особенность: она всегда говорила в нос, очень тихо, никогда о личном и всегда о том, что и так очевидно. Может, поэтому ее редко слушали.

«Если они опять начнут дискуссию, я никогда не выставлю оценок», – сокрушенно думала Фаина, пытаясь уже в шестой раз посчитать графы с фамилиями.

– Как там справляется наш биолог? – спросила Элеонора Павловна куда-то в потолок, так как голова у нее была запрокинута на спинку дивана. – Я тебя спрашиваю, Фаиночка. Может, парню нужна помощь?

Учительница истории какое-то время колебалась: отвечать или нет? Ответишь, и разговор затянется на все «окно», – значит, ей опять сидеть после уроков и заполнять журналы. Однако положение дублера делало информацию из ее уст свежей и не приправленной слухами – следовательно, она может подавать ее под собственным соусом, не боясь быть обличенной в обмане. Соблазн угостить всех своим лучшим блюдом наконец пересилил в ней желание работать, и она, отвернувшись от экрана, заговорила:

– Меньше всего я хотела бы оказаться на его месте. У нас, конечно, всем не сладко, но ему как специально повезло: за несколько дней – потоп, драка и свидание с родителями. А ко всему прочему его сейчас вызвала Маргарита Генриховна на свои любимые «отчеты».

– Это просто смешно, – возмутилась Элеонора Павловна и даже оторвала голову от спинки дивана, брякнув серьгами, – тратить время нового сотрудника так бездарно, впрочем, как и время каждого из нас. Что она хочет услышать? Не он же, в конце концов, рожал и воспитывал всех этих детей.

– Ей просто нужно выговориться, как всегда. Если он уйдет до темноты, можно сказать, легко отделался.

– Маргариту Генриховну можно понять, – вмешалась вдруг в разговор учительница математики с кислым лицом. – Она делает свою часть работы, то есть корректирует работу учителей.

Присутствующие пропустили реплику мимо ушей.

«Уж ты-то знаешь, как корректировать чужую работу», – подумала про себя Фаина. Учительница математики, Раиса Львовна, возглавляла кафедру точных наук. Жалобы учителей, входящих в этот блок, уже стали притчей во языцех. Она была из старой гвардии педагогов, которые пришли сюда одновременно с Маргаритой Генриховной и всячески выражали недовольство новым директором только потому, что он не похож на прежнего.

– Кто же устроил потоп? – сменила Богачева тему. За долгие годы преподавательской службы она выработала привычку заполнять журнал и разговаривать одновременно.

– Кулакова и Карманова из шестого «А». Кто бы мог подумать...

– И правда. Никогда бы не сказала. Такие хорошие девочки. А как Кулакова поет, старается, мимо нот, конечно, но сколько усердия...

– Анна Сергеевна, родная, ну вы-то уж, с вашим опытом, и на те же грабли, – воскликнула Элеонора Павловна. – В тихом омуте сами знаете кто водится. Ну, вспомните Калашникову, эту тихоню. Теперь мы должны поднимать документы трехлетней давности для всех комиссий, которые натравила на нас ее золотая бабушка. А сколько сил было в нее вложено, сколько добрых надежд! Фаиночка, милая, я ж имела в виду, как молодой человек в моральном плане, еще держится или сразу восвосяси?

– Волнуется, конечно, – призналась Фаина, забыв сказать, что это он ее успокаивал в полночь, когда поступили известия о потопе, – но настроен решительно.

– Ну а ведет он как? Не теряется?

– Нет, все время что-то обсуждает с детьми. Вы знаете, Генриховне такой стиль не по душе.

Учительница математики как бы невзначай покашляла в кулак.

«Подпевала», – успела подумать Фаина.

Постучав в дверь, в учительскую вошла Ергольцева, вызвав недовольные взгляды своей укороченной юбкой.

– Можно журнал девятого «Б», пжалста?

– Что тебе говорили про жвачку, Надя? – подала страдальческий голос Элеонора Павловна.

– Какую жвачку? – вылупила девочка глаза, одновременно сделав глотательное движение.

– Она ж не переваривается, золотко!

– Кто спрашивает журнал? – деловито спросила Фаина Рудольфовна.

– Директор! – подбоченилась Ергольцева.

– Ну, тогда...

Девушка вышла с гордо поднятой головой.

– Не нужно давать журналы детям, – послышался угрюмый голос учительницы с кислым лицом, – об этом не раз говорилось на педсовете.

– Это ж Ергольцева, – сказала Элеонора Павловна в потолок. – У девки, может, ноги и от ушей растут, но голова тоже не пустая. Не станет она ничего править. Ну, максимум оценки по математике посмотрит.

С дальнего конца учительской послышалось недовольное сопение. Хотя сложно сказать, был ли здесь дальний конец. Кто-то утверждал, что учительская переделана из квартиры директора – не Марии Львовны, а того, предыдущего, который в старые времена жил прямо на работе.

Учителя всегда существовали и двигались в тесноте. Чтобы одному человеку взять из шкафа журнал, нужно было дождаться, пока другой развернется и протиснется между стеной и столом.

Любой разговор в учительской рано или поздно, несмотря на всеобщую занятость и разнообразие возникающих вопросов, обязательно возвращался к одной-единственной теме: обсуждению самых выдающихся учеников. Выдающихся способностью портить кровь учителям или просто сильно отличающихся на фоне остальных в классе. И разговор этот затевался не ради сплетен, но служил верным способом разгрузить кувов накопившихся жалоб.

Еще раз обсудили нервозность Каштанова, посмаковали историю с Ангелиной Чайкиной, девочкой из восьмого «А», которая почти ежедневно кричала в школьном дворе на мать.

Говорили, что за ней приходит какой-то увалень из колледжа. Посомневались в том, что она ведет целомудренную жизнь. (Ну, иногда можно и посплетничать, не всегда же только жаловаться.) Чайкина, впрочем, сама распространяла о себе подобные слухи, не особо скромничая.

Вспомнили Гришу Юпитерова по кличке «Табакса» – худого и высокого, как жердь, одиннадцатиклассника, сына главы муниципалитета Морского района Города Дождей. Юпитеров носил на лице бородку, напоминающую обрывки стекловаты, и очень ею гордился. Помимо бороды его гордость вызывали рваные в самых замысловатых местах джинсы, звук собственного голоса и протекция отца. Он был единственным человеком в школе, кто не носил формы и портфеля. Несмотря на любые попытки руководства повлиять на него, все, что он имел с собой на уроках, – это пачка сигарет, мобильный телефон и презрительная улыбка. Кроме того, молодой человек полностью оправдывал свое прозвище, – даже завхоз, достопочтенная Метальница Ядра, не могла сравниться с ним по шлейфу курительных ароматов.

Поворчали, но не сильно, на Любу из шестого «А», девочку, с которой не дружит никто в классе и которая заглядывает в кабинеты и подкарауливает учителей, чтобы в шутку напугать, – как будто ей пять лет.

– А новенького мальчика из шестого «Б» встречали? – поинтересовалась Фаина. – Тот еще субъект. Родители хорошо над ним поработали в плане, хм-м-м, религии...

– Разве там есть новенький? – удивилась Богачева.

– В белой рубашке с зелеными глазами. Кеша, кажется. Такого не забудешь...

Морщинистое лицо Анны Сергеевны сделалось рассеянным.

– Нет, не припомню. Впрочем, в мои семьдесят пять это нормально.

– Не жалуйтесь, вы помните больше нашего, – произнесла Фаина. Она задумалась о чем-то своем, и на лице ее выразилось беспокойство. – Он заявил тут мне, что не будет писать сочинение, потому что он пророк. Вы представляете? Фантазия какая! А вы, Зинаида Алексеевна, что скажете о новеньком?

– Я... Честно сказать, помню не всех. Столько учеников...

«Сколько учеников? – молча возмутилась Фаина. – Ты работаешь в малых группах!»

После этого учительница истории замолчала и даже впала в какое-то тревожное настроение.

Наконец вспомнили девятый «Б», обсуждать который стало уже классикой.

Элеонора Павловна процедила сквозь зубы:

– Да-а-а... А у Кириллы Петровича еще не было там урока. Вот он порадует их компании, той радостью, которой мы все радуемся.

– Это мог бы быть неплохой класс, если бы не Харибдов, Кайотов и Осокин. Их безумие переходит всякие границы. – Кажется, учительница английского в очередной раз высказала очевидное. – Я уже не веду у них, но наслышалась всякого.

– Ага, они. И еще четыре мушкетера, которые ведут себя как свора щенков, – добавила Фаина. – У меня урока не проходит, чтобы кому-нибудь не прищемили палец или не истыкали ручкой рукав на рубашке. В самом деле, как дети малые, а в каждом по центнеру веса. Кстати, по поводу Кайотова. Кто-нибудь видел у него пистолет?

– Что! Пистолет!

Учительская загудела.

– Это воздушка! – перекивая шум, заявила Элеонора Павловна. – Пистолет не настоящий. Стреляет от сжатого воздуха стальными пулями.

– Но он же металлический, от настоящего не отличишь, – задыхаясь от возмущения, произнесла Фаина. – Потом, если кому-нибудь в глаз...

– Повредит еще как, – сказала шепотом Элеонора Павловна. – Может даже птицу сбить в полете. У меня муж такой игрушкой баловался, по банкам стрелял. Он меня научил маленько в оружии разбираться. Но я как увидела пистолет у Кайотова, мне аж плохо стало! Он и так-то одной своей дуростью убить может. Короче говоря, я отобрать не смогла, потому что он его запрятал и убежал. Но потом встретила в коридоре, отчихвостила и потребовала честного слова, чтобы он в школу никогда больше подобное не приносил. Он меня боится, девочки! Клялся, божился! Я отцу все равно позвонила, от греха. Ну, не об этом речь...

Все помолчали. Никому не хотелось начинать разговор о новости, которая сегодня расплзлась по школе, как нефтяное пятно по воде. Одно дело говорить об учениках, о наболевшем. А другое – обсуждать действия коллеги, с которым проработали много лет.

Но раз уж был упомянут девятый «Б», раз назвали Осокина, обратного пути не было.

– Конечно, от Артема Осокина жди последней гадости, но зачем Штыгин решил воспользоваться фотоаппаратом на телефоне? – осторожно начала Элеонора.

– Одиноким человек. Разведенный. Может иметь, хм-м-м, странности... – загадочным голосом произнесла учительница английского и сразу замолчала.

Присутствующие напряглись. Стало тихо. Слышно было, как далеко, на той стороне школы, в коридоре Монгол опускает швабру в ведро с водой и свистит. В каком-то классе по доске царапал мел.

– Бог с вами, Зинаида Алексеевна, не говорите такого больше, прошу вас! – Элеонора Павловна распрямилась на диване и нервно расправила складки на юбке. – Нам ли обсуждать, у кого какие странности? Рассказываете первое, что придумали дети.

– Детям родители верят больше, чем учителям, – раздался угрюмый голос учительницы математики. – Доказанный факт.

– Граждане! Ау! Я даже не рассматриваю такую возможность. Я только хотела сказать, что Штыгин...

– Что Штыгин?

В дверь торопливой походкой вошла Маргарита Генриховна. Она окинула всех взглядом: «Здравствуйте, коллеги!» – и принялась искать что-то на круглом столе, отчего расшатанная столешница отчаянно заскрипела.

«Она уже все знает», – поняла Элеонора, глядя на крючковатый нос, затуманенные глаза и обвисшие щеки завуча. Маргарита Генриховна суетилась, только что не кудахтала.

Следом за ней в учительскую зашел Озеров. Он едва кивнул собравшимся. На его лице читалось страдание. С другими лицами из кабинета Маргариты Генриховны не выходят.

«Обработка началась», – сочувственно подумала Фаина.

– Вот эта распечатка! – завуч выудила из кипы документов нарезанные бумажки. – Она поможет вам, Кирилл Петрович, ориентироваться во всех районных семинарах.

– Давайте сначала закончим с отчетом, – взмолился молодой человек. – Вы хотите рассказать мне обо всем сразу.

Маргарита Генриховна с очень плохим артистизмом изобразила крайнюю степень удивления.

– Да вы что? Это очень важно! Удивительно, что вас вообще допустили к занятиям без прохождения семинаров! Так что там Штыгин, коллеги?

– Этот стол нуждается в крепкой мужской руке, – попыталась сменить тему Богачева. – Кирилл, закрутишь болты, дружок?

– Сразу же, как устраню последствия потопа, – пообещал Озеров.

Элеонора незаметно показала ему глазами на завуча и изобразила жестом, что ему пора застрелиться. Кирилл Петрович согласно кивнул.

– Отец Осокина уже извещен об этом случае в раздевалке. Сделать это раньше мальчика мы не успели, – проговорила Маргарита Генриховна, не отрываясь от бумажек на столе и как бы невзначай включаясь в разговор.

– Если этот грубиян, его папаша, еще раз явится в школу, его следует забрать в полицию, – пропела Анна Сергеевна Богачева, потрясая седой шевелюрой и игриво глядя из-под толстых линз.

– Так что Штыгин?

– Если посмотреть на это с другой стороны, – вставила неожиданно Раиса Львовна, – зачем он оставил детей во время урока? Это запрещено.

– Да, это нехорошо, – подтвердил кто-то из присутствующих. Кто-то из тех, кто любил говорить об очевидном.

– Как же он мог не оставить, если Осокин спрятался в раздевалке, – вставила Маргарита Генриховна, одновременно подсовывая документы секретарю и продолжая вслух. – Светлана Семеновна, вы что мне посчитали в анкете? Количество детей не совпадает... Что у вас в школе было по математике?

– Пять. Считал компьютер, а не я.

– Тридцать четыре и еще десять. Ах да, кажется, это я ошиблась.

– Кстати говоря, сынок Романа Андреевича тоже делает что хочет, – пожаловалась учительница математики. – На важную контрольную не явился. Видимо, гуляет где-нибудь. А отец об этом даже не знает.

– Вот как? Андрей опять прогуливает? – удивилась Маргарита Генриховна, но на ее лице Кирилл как будто прочитал удовольствие от этой новости. – Я поговорю с Романом Андреевичем. Он сегодня как раз будет у меня.

– Смотрите, чтобы он его не поколотил. Старшеклассникам лучше не попадаться ему под руку.

Раиса Львовна глухо засмеялась, думая, что ее шутка снимет напряжение. К ней присоединилась англичанка, которая, кажется, не поняла до конца иронии, но успела осознать, что смеяться можно. Маргарита Генриховна была слишком увлечена работой, но чтобы не прослыть невоспитанной перед старой знакомой, коротко улыбнулась. Остальные не поддержали внезапного веселья.

Озеров был сильно занят сегодня, но даже до него дошли какие-то глупые шутки относительно учителя физкультуры. Он сразу принял это за подростковую месть и потому не обратил особого внимания. Но потом по сарафанному радио стали приходить все новые подробности. Спрашивать никого было не нужно: голоса слышались из коридоров, из буфета, со стороны подоконников. Версий было слишком много, чтобы хоть одна из них казалась правдоподобной. Но впервые услышав, будто Штыгин фотографировал подростка в раздевалке, Озеров почувствовал ложь. Он успел немного узнать физрука и доверял своему чутью: «Этот человек не мог сделать такого никогда, а если и сделал, тому есть разумные объяснения». Кирилл сразу ощутил тяжесть последствий этой некрасивой истории, наверное, потому, что в такой ситуации мог оказаться и сам.

Уже час он проторчал у завуча и не успевал сделать ничего из запланированного на сегодня. Праздные разговоры о случае в раздевалке вызвали у него чувство брезгливости.

– И все-таки это странно, – продолжала, как ни в чем не бывало, Раиса Львовна, отрываясь от тетрадей. – Зачем было фотографировать Осокина? Это, ну, хм-м-м... какое-то извращение.

Озеров не выдержал и, резко повернувшись, вмешался в разговор:

– О чем вы говорите? Как можно сомневаться...

– Сомневаться? Откуда мне знать, какие у кого задвижки, молодой человек? Зачем он фотографировал ученика без штанов?

– Я знаком с Романом Андреевичем, вы торопитесь с выводами... – Озеров ужаснулся, как по-детски это прозвучало. Знаком. Три дня.

– Знакомы? Ох! Неизвестно, что роится порой у людей в голове.

– Послушайте. Существует презумпция невиновности. Пока вина не доказана... – начал Озеров, задыхаясь, как с ним всегда бывало, когда он слишком волновался в споре; но тут его поддержал твердый высокий голос Анны Богачевой:

– Осокин известный провокатор. Тут нечего обсуждать.

Снова настала тишина. Но не оттого, что кто-то прислушался к ее голосу, а потому, что каждый погрузился в свое дело.

– Подождите меня в кабинете, Кирилл Петрович, – елеиным тоном произнесла Маргарита Генриховна. Кажется, она не уловила сути разговора, но от нее не могло ускользнуть ощущение надвигающейся грозы. – Я сейчас принесу анкеты, которые нужно срочно выдать родителям.

Озеров направился к выходу и услышал гнусавый монотонный голос Раисы Львовны:

– У меня Осокин сидит себе спокойно и никого не трогает. Играет в планшет. И я его не трогаю.

Старческий напевный ответил:

– Что тут скажешь? Штыгин хотя бы попробовал его чему-то научить.

А монотонный тихо добавил:

– Вот и не отмоется теперь...

Роман Штыгин

Он рывком распахнул дверь.

– О! Вы заняты. Тогда не буду вас беспокоить.

В кабинете заведующей учебной частью, Маргариты Генриховны, сидел новый учитель биологии; судя по его лицу, сидел долго. Роман Андреевич успел посочувствовать ему, но времени не было – нужно было обратиться отсюда, прежде чем завуч начнет задавать вопросы. Контрольная точка – три общие фразы, дальше следовала черта невозврата. Одна фраза уже произнесена. Кто знает, может, заведующая действительно занята и позовет его завтра, послезавтра, через неделю или никогда. Последний вариант предпочтительнее.

– Подождите-подождите, Роман Андреевич. У меня к вам важное дело, – бросила она ему в спину. – Присядьте. Мы с Кириллом Петровичем уже заканчиваем.

За годы работы здесь он хорошо узнал, что значит «уже заканчиваем». Минимум – сорок минут ожидания.

Роман Андреевич встал у входа, нетерпеливо перетаптываясь с ноги на ногу, и от скуки поковырял пальцем дверной косяк.

Маргарита Генриховна поправила очки на переносице:

– Так, с отчетом разобрались. Только желательно оформить его в печатном виде в трех экземплярах, один мне, другой Светлане Семеновне, третий себе в папку. Воспользуйтесь компьютером. Вбивайте курсивом даты и всю статистику. Там на экране есть такая синенькая фигурка с листочком, это текстовая программа. Чтобы выбрать наклонный шрифт...

– Я умею работать в этой программе, – траурным голосом произнес Озеров.

– Хорошо. Можно, конечно, написать от руки... Роман Андреевич, я же сказала: садитесь. Небось набегались за день.

Штыгин неохотно сел.

– Вот полюбуйте, – Маргарита Генриховна сдвинула в его сторону открытый журнал и протянула ручку. – Сколько раз на собраниях я говорила, что исправления в журнале недопустимы, темы мы не сокращаем, а двойки закрываем, чтобы проверяющие не могли сказать, что вы не дали ребенку шанса...

– На собраниях слишком много всего говорят, – признался Штыгин, даже не прикоснувшись к журналу, – а «закрывание» двоек приводит к тому, что ученики и пальцем не пошевелият, чтобы пересдать нормативы.

– Просто двоек не должно быть, вот и все! – изобразила удивление Маргарита Генриховна. – Их наличие свидетельствует о том, что ученик не подготовил домашнее задание, а учитель невнятно объяснил ему суть.

– Задание по челночному бегу? – вскинул бровь Штыгин. – У меня двойки получают исключительно те, кто, имея возможности, отказываются участвовать. Проигрывает тот, кто не участвует. Правила просты.

Роман Андреевич слишком поздно заметил, что лимит дежурных фраз исчерпан, а значит, он здесь надолго.

Озеров как бы невзначай кашлянул. Мол, я все еще здесь.

– Я не буду сейчас развивать с вами дискуссию. Но такой критерий оценки никуда не годится. Мы обсудим это позже. – Заведующая повернулась к новому учителю. – Что там насчет двух девиц, устроивших наводнение?

– Родителям я еще не дозволился... – начал Озеров.

– Стоп-стоп, Кирилл Петрович. Что значит не дозволились? Потоп случился два дня назад, мало того, что вы на день позже пришли знакомиться с порученным вам классом...

«Только не оправдывайся, парень, это будет ошибкой», – подумал Штыгин.

Он взглянул на молодого человека, худого, спокойного, положившего локти на стол и кивающего на голос завуча.

«Слушает. То ли еще недостаточно ее знает, то ли хорошо воспитан. Излишне хорошо».

– Что это за девочки? Что вам о них известно?

– Не очень много. Вы же знаете, что я здесь недавно.

– Пора включаться в режим. Как они учатся?

Озеров горько усмехнулся и показал какую-то бумагу. Завуч заерзала в кресле:

– Подайте очки, Роман Андреевич! Вон они, возле карандашей. Хм... Круглые отличницы? – задумчиво произнесла Маргарита Генриховна, глядя в бумажку. – Если бы я знала... Ну, это многое меняет. Урона они не нанесли... К тому же после моего визита они должны были многое понять...

– Оценки тут совсем ни при чем, – Озеров пытался подобрать нужные слова. – Да, конечно, Кулакова и Карманова признались сами... До них дошло. Но я не исключаю, что будет нечто новое в том же роде...

Маргарита Генриховна собралась возразить. Но в кабинет вошла секретарь и быстро шепотом произнесла:

– Звонят из района, срочно.

Завуч пулей вылетела за дверь, бросив на ходу:

– Никуда не уходите. Особенно вы, Роман Андреевич!

Посидели в благословенной тишине.

– Ну и как оно? – поинтересовался Штыгин.

– Потопы и драки, – ответил Кирилл, оперев голову на ладонь и слабо улыбнувшись.

«Еще совсем юный, – подумал Штыгин, глядя на него. – Они послушают мужчину, но не станут слушать мальчика».

– После армии я думал, что стал взрослым, – признался Роман Андреевич, – а повидал я там всякого, уж поверь. Но работа в школе малость изменила мои взгляды. Это понимаешь не сразу, а день за днем, год за годом. Ребятки шлифуют так, как не сможет ни один прапорщик. Так что будет несладко. Но есть у меня одно верное средство. В зале я вешаю боксерскую грушу. Иногда здорово помогает. Так что если понадобится лекарство – приходи.

– Думаю, не понадобится, – смутился Озеров. – Но за предложение спасибо. Пока все это лишь небольшие проблемы...

– Небольшие проблемы? Только не в школе. Здесь не бывает маленьких трагедий. Они такими, может быть, кажутся. Кто из них будет президентом, кто разработчиком нового оружия или искусственного интеллекта, кто дипломатом? Кем бы они ни стали, в какую бы важную броню ни вырядились, какой бы галстук ни надели, школьные годы так глубоко отпечатаются в каждом, что они не смогут не вернуться к опыту самых больших страхов и радостей. Посмотри, сколько профессий, сколько сильных мира сего, сколько упавших на самое дно – и всех связывает одно: школа. Не политика, не мировые финансы, не торговля, а одинаково лихое для всех детство в стенах общеобразовательных учреждений. Видишь ли, это невежды говорят: «Мальчишки подрались». Но клянусь тебе, любой человек помнит каждую свою школьную драку всю жизнь. Ее исход. Если, конечно, его не очень сильно били по голове.

Озеров нахмурился:

– Я тоже думал о чем-то подобном. Совсем недавно.

Штыгин отодвинул в сторону журнал и оперся здоровой рукой на стол:

– Взрослые слепы. Они бродят в темноте. Детские психологи! Ха! Думаешь, они знают детей? Нет, а почему? Им не угнаться за мыслью ребенка. Взрослые – это замедленные дети. Они увеличились в размерах, стали малоподвижными, потеряли интерес к безудержному веселью, покрылись коростой важности и защитили себя правилами, законами и принципами, кото-

рые отяжелили их души, как ржавые доспехи, обезопасили их от всего нового, неизвестного и потому страшного. Конечно же, дети и подростки не выживут без законов взрослых и порядка, причем не оттого, что мир жесток, а прежде всего потому, что не смогут защитить себя от самих себя. Они объедятся сладкого или расшибутся на первой попавшейся тарзанке. Но если откровенно: раз уж мы говорим детям, что они нас поймут, когда станут взрослыми, тогда разумно и то, что мы обязаны быть как дети, чтобы понять их.

Штыгин откинулся на спинку кресла и с шумом вдохнул воздух после длинного монолога.

– Потому я думаю, что хорошо, когда в школу идут молодые, – он указал на Озерова пальцем. – Ты здесь очень пригодись. Ты нужен здесь. Даже таким, как наша Маргарита Генриховна, которая привыкла строчить отчеты на коленке. Но если ты не уверен, что сможешь найти с учениками общий язык...

Лицо Романа Андреевича стало волчьим. Озеров сглотнул слюну.

– ...беги отсюда, иначе они размажут тебя по стенке.

В коридоре послышались торопливые шаги.

– А вот от нее – просто беги, – шепнул Штыгин. – Собирай вещи и спасайся. Я прикрою. Молодой человек не заставил себя просить дважды.

– Вы уже уходите, Кирилл Петрович? – Маргарита Генриховна выглядела рассеянной, видимо, из района пришли тревожные новости.

– А здесь еще жду я, уже полчаса! – вмешался Штыгин, достав из кармана командирские часы без ремешка.

«Она явно не справится с таким наплывом информации. Если Кирилл Петрович не воспользуется случаем и станет деликатничать, значит, он просто болван».

Но молодой человек смекнул, что к чему, и не упустил шанса.

– Мне еще нужно разобраться с новым кабинетом. До свидания, Маргарита Генриховна!

– Не забудьте про отчеты: на компьютере или от руки. Главное – *срочно*.

Она застыла, будто статуя, пытаясь вспомнить, что еще хотела сказать. Это был профессиональный дефект, свойственный некоторым учителям, перегруженным слишком большим количеством обязанностей. В школе часто бывает так, что педагогу одновременно нужно принимать ответственное решение, говорить вслух, не сбиваться с логической цепочки, делать что-то руками, следить за группой детей и планировать следующий шаг. От соединения совершенно разных по типу действий возникает мозговой диссонанс, который в обычной жизни становится привычным. В ответ на такую перегрузку мозг преподавателя стопорит все двигательные и умственные процессы буквально на несколько секунд, после чего снова запускает их. Этот эффект не раз испытывал на себе и сам Штыгин, называя его «коротким замыканием».

Пока Маргариту Генриховну «размыкало», Озеров незаметно кивнул Роману Андреевичу и скрылся за дверью.

Штыгин сразу пошел в атаку:

– Зачем меня вызывали?

Завуч тут же пришла в себя и закопошилась на столе, потом медленно села и посмотрела на учителя долгим взглядом.

«В ее возрасте уже нельзя так суетиться, – подумал Роман Андреевич, с жалостью глядя на темные круги у нее под глазами. – Кому и что она хочет доказать?»

Маргарита Генриховна начала издали. Сдержанно и поучительно. Она работала в гимназии так давно, что уже не замечала, что говорит со взрослыми, как с провинившимися детьми. К счастью, учителям было хорошо знаком этот тон, поэтому никто уже не обижался.

– Еще недавно, Роман Андреевич, в конце прошлого учебного года мы сидели здесь, за этим столом с вами и вашим сыном и обсуждали его снижающуюся успеваемость, случай с

дракой, в которой Андрей участвовал, как он утверждал, из-за оскорбления вашей, хм-м-м, чести, его прогулы. Да-да, прогулы! Позвольте, что же это получается? Если будет драться сын и драться отец...

– Предлагаю обсудить конкретную проблему, – холодно проговорил Штыгин, – а не события из прошлого. Поверьте мне, у каждого в жизни можно найти пыльный склад с паутиной. Не говорите со мной как с родителем, вы же прекрасно знаете, что мне хорошо знакома обратная сторона. Так что методы, известные вам, неплохо известны и мне. Не будем терять время. Что случилось на этот раз?

– Андрей прогулял алгебру. Важную контрольную работу. Подозреваю, что его не было в школе целый день.

Может быть, Штыгину показалось, что Маргарита Генриховна произнесла все это с некоторым торжеством в голосе?

– Вы подозреваете или это точно известно? – спросил Роман Андреевич самым невинным тоном в надежде избежать очередного назидания.

– Это наиболее вероятное развитие событий. Что вы намерены предпринять?

Меньше всего Штыгин сейчас нуждался в воспитательной работе Маргариты Генриховны.

– Я поговорю с ним, и мы что-нибудь придумаем.

Ее голос прозвучал глухо:

– Есть еще одна проблема, довольно серьезная. Но она касается скорее вашей компетентности.

Штыгин начал смутно догадываться, к чему она ведет.

– По школе ходят нехорошие слухи, Роман Андреевич. Касательно Осокина, закрывшегося в раздевалке. А дальше... Хм-м-м... Я даже не знаю, кому верить... Дети, конечно, мастера выдумывать, но...

– Послушайте! – Штыгин терпеть не мог официозности в любом ее проявлении, не выносил искусственные стены между людьми: даже те, что строились для защиты, – разделяли. Каждой своей фразой, произнесенной культурным тоном, Маргарита Генриховна добавляла ряд кирпичей, который он пытался разрушить. – Этот случай не стоит нашего времени и внимания. О нем нет нужды говорить. Пойдите в мужскую раздевалку, загляните в урну. Если уборщица еще не выносила мусор, вы найдете банку из-под алкогольного энергетического напитка. Подсказать вам, кто оставил ее там? И зачем он прятался в раздевалке?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.